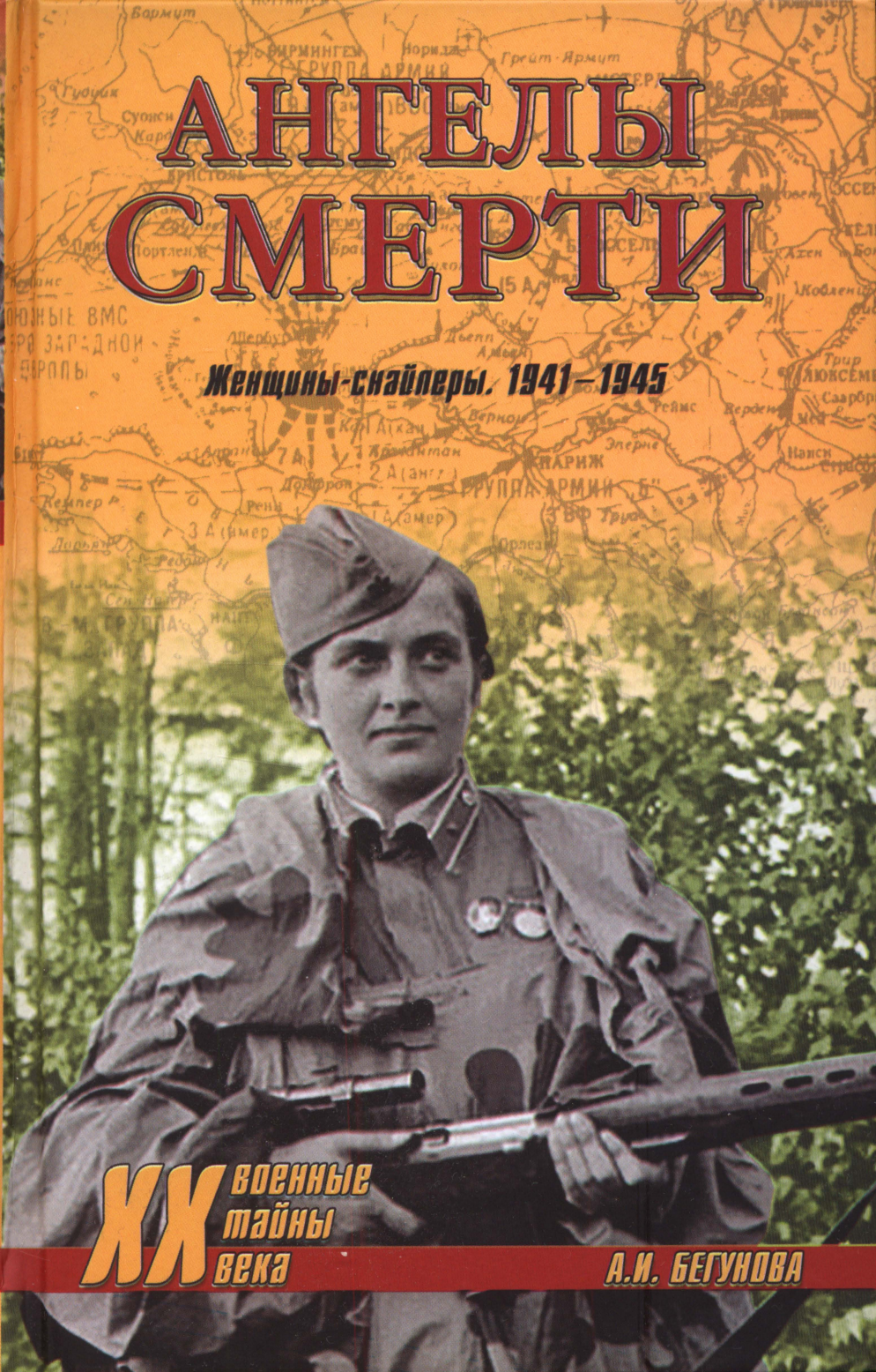

XX военные тайны века

АНГЕЛЫ СМЕРТИ

Женщины-снайперы. 1941–1945

АНГЕЛЫ СМЕРТИ

XX военные тайны века

А.И. БЕГУНОВА

XX *военные
тайны
века*

А.М. БЕГУНОВА

АНГЕЛЫ СМЕРТИ

Женщины-снайперы. 1941–1945

Москва

«Вече»

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)622
Б37

Бегунова, А.И.

Б37 Ангелы смерти. Женщины-снайперы. 1941—1945 / А.И. Бегунова. — М. : Вече, 2014. — 320 с. : ил. — (Военные тайны XX века).

ISBN 978-5-4444-1838-3

Знак информационной продукции 12+

В Великой Отечественной войне участвовало около 800 тысяч женщин. В основном это были медики, связистки, регулировщицы, работницы армейских тыловых служб. Однако женщины успешно освоили и некоторые сугубо военные специальности. К числу таковых относится профессия снайпера. Не менее двух тысяч молодых патриоток, добровольно вступив в ряды Красной Армии, окончили снайперские школы в разные периоды борьбы нашего народа с немецко-фашистскими захватчиками. Они стали сверхметкими стрелками, безжалостно уничтожавшими вражеских солдат и офицеров на всех фронтах Великой Отечественной, удостоились наград и почестей. Эта книга, основанная на документах и архивных материалах, ряд из которых публикуется впервые, рассказывает об их подвигах и судьбах, являющихся ярким примером беззаветного служения Отечеству.

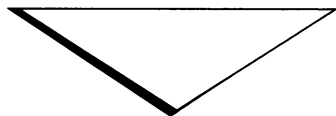
Книга издается в авторской редакции.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-4444-1838-3

© Бегунова А.И., 2014
© ООО «Издательство «Вече», 2014

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

ЗАКОНЫ СНАЙПЕРСКОЙ ВОЙНЫ

Среди сотен экспонатов Центрального музея Вооруженных Сил Российской Федерации есть и этот небольшой продолговатый листок. Бумага его пожелтела. Некогда черные буквы теперь выцвели, но прочитать текст все-таки можно. Листок, точнее — листовка, был отпечатан в походной типографии советской 62-й армии, когда она защищала Сталинград зимой 1942—1943 гг. Текст, составленный в штабе армии, завизировал ее командующий — генерал Василий Иванович Чуйков. Листовки раздавали на передовых позициях в перерывах между боями, и они передают накал той невероятно трудной борьбы с немецким фашизмом, которая шла тогда на берегах Волги. Времени для чтения у наших солдат было совсем мало, поэтому суть дела излагалась здесь точно, кратко и достаточно эмоционально:

«ЛИСТОВКА-ПАМЯТКА СНАЙПЕРУ

Снайпер — это специально отобранный, обученный и подготовленный к САМОСТОЯТЕЛЬНЫМ ИНИЦИАТИВНЫМ ДЕЙСТВИЯМ воин, меткий стрелок, умеющий искусно действовать в боевой обстановке. Задача снайпера — уничтожение важных и опасных целей, появляющихся на короткое

время, — решается терпением для выбора удобного момента, чтобы наверняка поразить их. Искусство снайпера состоит в том, чтобы САМОСТОЯТЕЛЬНО найти цель, оценить ее важность и поразить одним выстрелом.

Снайпер обязан не только уничтожать живую силу противника, но и меткой стрельбой парализовать организацию врагом текущей боевой работы. Для этого уничтожь его офицеров; устрой ежечасную охоту на его разведчиков, наблюдателей, связистов, артиллерийских корректировщиков; разбей их наблюдательные приборы; ослепи противника; отучи его ходить в полный рост; заставь его ползать; не давай ему высунуться; посеи панику среди нижних чинов. Конечная цель снайпера — страх. Появляйся там, где тебя не ждут. Запомни: ПРОТИВНИК ДОЛЖЕН БОЯТЬСЯ!

Снайпер — это охотник. Охотник обязан быть невидимым. Неуязвимость снайпера деморализует противника. Твой метод — скрытность. Твой инструмент — терпение. Учись переносить голод, холод, боль, неподвижность. Только это позволит тебе уничтожить противника везде, даже в глубине его обороны. Противник — зверь. Выследи его и вымани под выстрел. Враг коварен — будь хитрее его. Он вынослив — будь упорнее его. Твоя профессия — это искусство. Ты можешь то, чего не могут другие. Тебе доверяют. За тобой — Россия. Будь беспощаден.

Ты победишь, ПОТОМУ ЧТО ТЫ ОБЯЗАН ПОБЕДИТЬ!»

Вообще-то «snipe» — английское название маленькой, верткой и быстролетающей болотной птички бекаса. Следовательно, «sniper» — человек, ведущий охоту на него из укрытия, стреляющий из ружья «навскидку» и попадающий в цель с одного выстрела. «Sniping» — то есть охота на бекасов — была довольно популярным развлечением среди английских аристократов во второй половине XIX столетия.

Однако совсем другое значение это слово приобрело в период Первой мировой войны. С 1915 года боевые действия на ее фронтах приняли оборонительный, затяжной, позиционный характер. Поля Европы, изрытые глубокими траншеями, ходами сообщения, окопами и рвами, разделенные на участки рядами колючей проволоки, сделались местом, вполне подходящим для новой охоты — за вражескими солдатами и офицерами, которые все реже поднимались в атаки и все чаще прятались от вражеского огня в земляных укреплениях.

Материальные предпосылки для подобной охоты уже сложились.

К этому времени массовое распространение в армиях воюющих стран получили магазинные винтовки с продольно-скользящим затвором, приводимым в действие мускульной силой стрелка. Простые по своему устройству, они обладали высокой надежностью, достаточной скорострельностью, меткостью и дальностью стрельбы при большой поражающей силе пули.

Основной их частью являлся ствол с нарезами внутри. Сзади к стволу примыкала ствольная коробка и помещенный в ней затвор. Под ствольной коробкой располагался магазин, обычно вмещающий пять патронов, и спусковой

механизм. Сверху на стволе находились прицельные приспособления. Все это крепилось на деревянной ложе, заканчивающейся довольно массивным плоским расширением — прикладом.

Такие винтовки тысячами штук изготавливали ведущие фирмы-производители оружия. Для австро-венгерской армии — «Манлихер» образца 1895 года: калибр — 8 мм, длина — 1270 мм, вес — 3,65 кг, прицельная дальность — 1950 м. Для германской армии — «Маузер» образца 1898 года: калибр — 7,92 мм, длина — 1250 мм, вес — 4,1 кг, прицельная дальность — 2000 м. Для английской армии — «Ли-Энфилд № 3, Mk I» образца 1892 года: калибр — 7,71 мм, длина — 1253 мм, вес — 4,2 кг, прицельная дальность — 2560 м. Для русской армии — Тульский оружейный завод, пехотная винтовка Мосина образца 1891 года: калибр — 7,62 мм, длина 1306 мм, вес — 3,99 кг, прицельная дальность — 2700 м¹.

Кроме того, конструкторам в начале XX века удалось удачно совместить магазинную винтовку с оптическим прицелом, который позволял лучше рассмотреть цель и рассчитать расстояние до нее, что оказывало определяющее влияние на меткость выстрела.

Сама по себе оптика, усиливающая возможности человеческого глаза, открытием XX века не являлась. Об «инструменте для смотрения вдаль» люди знали и за триста лет до этого. Однако оптический прицел, установленный над стволом охотничьего ружья, — это достижение 1850 года. Длинный, громоздкий, сложный в изготовлении и потому очень дорогой, он был доступен только весьма

¹ Жук А.Б. Винтовки и автоматы. М., 1986. С. 54—56.

состоятельным любителям охоты. О производстве таких приборов, исчисляющихся тысячами штук и предназначенных для солдатских ружей, не могло быть и речи.

Но наука не стоит на месте.

Решающий вклад в усовершенствование оптических приборов внесли сотрудники немецкой фирмы, основанной Карлом Цейссом (Carl Zeiss, 1846—1945 гг.) в городе Йене. Сначала они занимались изготовлением микроскопов. Затем с помощью профессора физики Йенского университета Эрнста Аббе был открыт закон оптики «синусов условия», выраженный формулой « $\sin u / \sin u' = bn' / n$ ». Оказалось, эти «условия» должны соблюдаться, чтобы оптическая система давала неискаженное изображение предметов.

Химик Отто Шотт создал новый тип стекла, который привел к появлению апохроматических линз, уменьшающих хроматическую аберрацию. Таковые открытия и сделали оптический прицел более компактным, простым в изготовлении, удобным в использовании.

Благодаря научным изысканиям Карла Цейсса и его сотрудников в Германии возникла целая отрасль промышленности, выпускавшая в большом количестве оптические приборы высокого качества. Так, к 1914 году немецкая армия получила примерно двадцать тысяч винтовок с оптическими прицелами, дававшими пятикратное увеличение. Призванные на военную службу егеря и стрелки-спортсмены, пройдя краткосрочные курсы, пополнили армейские роты — до шести человек в каждой. Они отправились на фронт и начали охоту за важными целями на позициях противника.

Первыми почувствовали на себе появление этих особо обученных солдат англичане. Их потери возросли, хотя активных боевых действий не велось. На первый взгляд, бойцов, которые нечаянно выглянули из окопа, поражали шальные пули, но почему-то они всегда попадали точно в голову. Приметив такую особенность, британское командование решило организовать обучение собственных сверхметких стрелков. Лучшие результаты показывали бывшие охотники, попавшие в ряды королевской армии не только из Англии, но и из Канады, Австралии, Южной Африки.

Вероятно, поэтому названием для новой военной специальности и стало английское слово «sniper». Англичане же разработали некоторые методы снайперской службы: маскировочные костюмы из легкой ткани с нашитыми на них пучками травы и листьями; использование так называемых «скульптмакетов» — муляжей разных предметов (коряг, камней, бревен и проч.), за которыми прятались снайперы, ведя наблюдение за противником; применение на боевых позициях манекенов, одетых в солдатскую униформу, которые помогали спровоцировать выстрел вражеского снайпера и таким образом определить его местонахождение.

Под влиянием широкой практики на полях Первой мировой войны довольно быстро сложилась программа двухнедельных армейских курсов для сверхметких стрелков. В нее вошло не только доскональное изучение оружия и оптического прицела, практическая стрельба по неподвижным и движущимся мишеням стоя, лежа, с колена, в поле, в лесу, с дерева, но и преподавание законов баллистики, способов маскировки, использования компа-

са, чтения карты, ориентирования на местности и даже распознавания звуков ночью.

Один из лучших снайперов английской армии капитан Клиффорд Шор, занимавшийся обучением рядовых на курсах, сформулировал философию своей нелегкой профессии. В мемуарах, изданных в Англии уже после Второй мировой войны, он писал:

«Снайперское искусство — это хладнокровное лишение жизни другого человека и своего рода наука, которой нужно учиться и которую необходимо совершенствовать. Часто я слышал мнение, будто бы снайпер должен ненавидеть немцев или другого своего противника, но я на практике убедился в том, что те, кто сильно ненавидел немцев, кто потерял на войне семью, не становились хорошими снайперами. Я предпочитал выбирать людей холодных и уравновешенных, даже флегматичных. То есть охотников, которые не чувствуют ненависть к своей жертве, но считают наиважнейшим для себя подобраться к ней незаметно и уничтожить.

Когда снайпер уже занял выгодную позицию, он ощущает какой-то душевный холод. Меняется темп дыхания, обостряется слух и появляется известное всем охотникам беспокойство. Оно усиливает концентрацию внимания. Рано или поздно, когда в прицел на пересечение линий попадает враг, никаких угрызений совести уже нет.

Настоящий охотник никогда не станет “мясником”. Он не убивает лишь для того, чтобы убивать. Для него неизменно есть что-то волнующее в том, чтобы подкрасться к добыче и поразить ее. В случае удачи у него возникает ощущение, несравнимое ни с чем другим по силе и глу-

бине чувств, которое приводит ум и сердце в состояние огромного воодушевления...»

Первая большая группа военнослужащих для изучения снайперского дела в Советском Союзе была сформирована на базе Стрелково-тактических курсов усовершенствования командного состава РККА «Выстрел» имени Коминтерна в 1929 году. В ней проходили подготовку не только стрелки, но и инструкторы, которые после окончания учебы направлялись в военные округа для создания снайперских школ в дивизиях.

В нашей стране обучение меткой стрельбе из винтовки вела и другая структура — общественная добровольная массовая военно-патриотическая организация ОСОАВИАХИМ, или «Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству». Впервые его сформировали в 1927 году. Затем оно объединило около 14 миллионов человек, имея 329 тысяч первичных организаций, 156 тысяч групп, 26 680 команд и 350 отрядов. В них вступали, как правило, молодые люди, которые изучали там основы разных военных специальностей: летчиков, парашютистов, шоферов, дрессировщиков служебных собак, стрелков. ОСОАВИАХИМ имел и несколько собственных Снайперских школ. Три из них — в Москве, Ленинграде и Киеве — отличались хорошо оборудованными классами и тирами, наличием современных образцов ручного огнестрельного оружия, высокопрофессиональным преподавательским составом.

Программа таких Снайперских школ предусматривала занятия в течение 400 академических часов. В нее входили: политическая подготовка — 20 часов; строевая подготовка — 14 часов; огневая подготовка — 220 часов;

тактическая подготовка — 60 часов; военно-инженерная подготовка — 30 часов; рукопашный бой — 20 часов; испытания по пройденной программе — 16 часов. Принимали людей, имевших удостоверения «Ворошиловский стрелок» не ниже второй ступени, полученных в соответствующих первичных организациях ОСОАВИАХИМа. Кандидат также должен был предоставить медицинскую справку, анкету и автобиографию, заверенные отделом кадров по месту его работы.

Можно перелистать учебный план, например, по огневой подготовке. Тема № 1: материальная часть снайперской винтовки и устройство оптического прицела — 10 часов. Тема № 2: призматический бинокль и пользование им — 3 часа. Тема № 3: ручной перископ и пользование им — 2 часа. Тема № 4 занимала 25 часов и называлась «Краткие основания стрельбы». Тут есть и про выстрел вообще, про движение пули по каналу ствола и пороховые газы, про полет пули в воздухе, про дераивацию, про поражаемое, непоражаемое и мертвое пространство, про боковое и вертикальное упреждение и, наконец, про «прямой выстрел» (при нем траектория пули не поднимается выше цели на всей дистанции стрельбы, дистанция же прямого выстрела обычно составляет примерно 600 метров, он применяется при отражении атаки противника для экономии времени, если некогда крутить барабанчики и выставлять прицел по дальности. — А.Б.).

Курсанты Снайперских школ ОСОАВИАХИМа действительно получали основательные знания по устройству оружия и оптики, по баллистике, по правилам маскировки (военно-инженерная подготовка), доводили навыки в стрельбе до совершенства. Всех, успешно сдавших выпускные эк-

замены, заносили в особые списки при райвоенкоматах, контролировали и периодически приглашали на стрельбы, дабы они не утратили высокую квалификацию...

При таковой заботе о личном составе Снайперских школ никак нельзя было обойтись без отечественной снайперской винтовки.

В 1931 году долгожданное событие свершилось. Советская оборонная промышленность выпустила первую партию столь необходимых пехоте предметов. За основу взяли знаменитое изделие Тульского завода, изобретенное капитаном Мосиным в конце XIX века.

В отличие от обычной пехотной винтовки образца 1891/1930 года, принятой тогда на вооружение Рабоче-Крестьянской Красной Армии, она имела ствол улучшенной обработки, оптический прицел, мушку с круглым намушником, цельную ложу с прямой шейкой приклада, которая изготавливалась из ореха, рукоять затвора, отогнутую вниз, чтобы при перезарядке она не задевала за оптический прицел. Он, смонтированный над стволом, не позволял вставлять в снайперскую винтовку стандартную обойму, и постоянный срединный магазин снаряжался у нее патронами по одному, что, конечно, отражалось на скорости стрельбы. Основные тактико-технические характеристики этого оружия были следующими: вес — 4,7 кг (с прицелом), общая длина — 1232 мм, длина ствола — 729 мм, число нарезов в нем — 4 правосторонних, начальная скорость пули — 865 м/с, емкость магазина — 5 патронов, дальность прямого выстрела по грудной мишени — 550 метров, по ростовой — 770 метров¹.

¹ Федосеев С. Снайперские винтовки. М., 2009. С. 96.

Производство снайперских винтовок образца 1891/1930 года и кронштейнов для оптических прицелов с 1932 года вел Тульский оружейный завод (в 1936 году — завод № 173, в 1939 году, после реорганизации оборонной промышленности СССР — завод № 314). Например, в 1939 году он выпустил 35 376 таких винтовок под установку на них прицела «ПЕ».

Поначалу винтовочные оптические прицелы покупали в Германии, у фирм «Геншов унд К^о» и «Карл Цейсс». Однако необходимость собственного их производства для руководства Наркомата обороны была очевидна. В 1925 году на Подольском оптическом заводе приступили к проектированию прибора. Оно велось при активной помощи берлинских «камарадов». Через пять лет первые экземпляры отечественного оптического прицела, имевшего название «ПТ образца 1930 года», стали понемногу поступать в войска. Он имел четырехкратное увеличение, механизм введения горизонтальных и вертикальных поправок и муфту для диоптрийной регулировки окуляра, но вместе с тем являлся далеко не совершенным. Конструкторы продолжали работу, много полезного позаимствовав у германского прицела «Буш». Следующее их изделие получило шифр «ПЕ образца 1931 года», удостоилось полного одобрения специалистов Главного артиллерийского управления и пошло в массовую серию.

«ПЕ» (прицел Емельянова) имел вид металлической трубки длиной 274 мм и весом в 568 грамм и давал четырехкратное увеличение, чему способствовали 9 линз, расположенные у нее внутри. Перекрестье из трех прицельных нитей в окуляре обеспечивало наведение винтовки на цель. На трубке располагались два вращающихся барабанчика:

сверху — дистанционный для регулировки угла прицеливания, а слева сбоку — такой же, но для боковых поправок. На кромке барабанчиков размещалась шкала с делениями. В частности, на дистанционном барабанчике — деления от 1 до 13, каждое из которых соответствовало 100 метрам.

Во второй половине 30-х годов конструкторы Симонов и Токарев предложили вооружить Рабоче-Крестьянскую Красную Армию новым ручным скорострельным оружием — автоматической винтовкой. Стрелок мог вести огонь из нее очередями, как из легкого ручного пулемета. Работала она на основе использования пороховых газов, которые всегда сопровождают пулю, мчащуюся по стволу. Патронов в ее коробчатом магазине помещалось гораздо больше — 10—15 штук. Самозарядные винтовки Федора Васильевича Токарева — СВТ-38 и СВТ-40 — стали поступать в войска. Последний образец был выбран под снайперское ружье.

Наладить производство «снайперки» СВТ-40 предполагалось на Тульском оружейном заводе № 314. Однако в 1940 году осуществить этот план не удалось. В 1941 году из запланированных 37 с половиной тысяч единиц туляки изготовили 34 782. Затем завод был эвакуирован на Урал и возобновил работу только в марте 1942-го. Но данные сведения позволяют рассматривать «Свету» (так окрестили в армии изделие Токарева) как массовое снайперское оружие.

Его тактико-технические характеристики были следующими: калибр — 7,62 мм, вес — 4,7 кг (с прицелом), общая длина — 1226 мм, длина ствола — 625 мм, число нарезов — 4 правосторонних, начальная скорость пули — 840 м/с, боевая скорострельность — 10 выстрелов в минуту, емкость коробчатого магазина — 10 патронов, дальность прямого выстрела — 530 метров.

Только боевая жизнь снайперской СВТ-40 оказалась недолгой. В октябре 1942 года она была снята с производства из-за своих недостатков, проявившихся на фронте: сильная дульная вспышка, громкий звук выстрела, низкая кучность стрельбы на дистанциях свыше 800 метров, сложность в производстве и сложность в эксплуатации.

Тем не менее на Харьковском комбинате НКВД имени Дзержинского в 1940 году для СВТ-40 создали еще одну, улучшенную модификацию винтовочного оптического прицела, получившую обозначение «ПУ» (прицел укороченный). Сперва он предназначался только для войск НКВД, но затем, в силу своих явных преимуществ, получил очень широкое распространение. Впоследствии его устанавливали и на снайперскую магазинную винтовку образца 1891/1930 года. Вскоре производство харьковского прицела освоили на другом, более мощном предприятии — заводе № 357 Наркомата вооружений в Ленинграде. Завод к концу 1940 года выпустил 15 тысяч штук «ПУ» для армейских подразделений. В Харькове сделали еще 5,7 тысяч штук.

Сравнить два прибора позволяет таблица:

	«ПЕ»	«ПУ»
Увеличение, крат	4	3,5
Поле зрения, градусы	5,5	4,5
Удаление выходного зрачка, мм	7	6
Вес, граммы	598	258
Длина, мм	274	167
Высота, мм	51	40
Количество линз, штук	9	9
Количество деталей	71	52
Количество резьбовых соединений	10	6
Количество частей корпуса	4	1

В постановлении Государственного Комитета Обороны № 311сс «О принятии на вооружение оптического прицела укороченного типа конструкции и изготовления Харьковского комбината НКВД имени Дзержинского для самозарядной винтовки Токарева (обр. 1940 года)» от 18 июля 1940 года с большой похвалой говорилось об этом достижении специалистов оборонной промышленности и предлагалось отметить их труд правительственными наградами...

Так обстояло в СССР дело с вооружением снайперов перед Второй мировой войной. Но точность стрельбы зависит от взаимодействия нескольких компонентов: правильно подготовленный стрелок — оружие — оптический прицел — патрон.

С патроном все просто.

Он состоит из латунной гильзы с пороховым зарядом и капсюлем на дне, а также из пули, закрепленной в гильзе круговым обжимом или завальцовкой дульца. Эти пули бывают разными. Для снайперской стрельбы больше всего подходят патроны с «тяжелыми» пулями образца 1930 года. Ее сердечник — из сплава свинца с сурьмой, а оболочка — из железа с плакированным томпаком. У такой пули имеется суживающаяся хвостовая часть, что дает выгоду в траектории полета, уменьшает потерю скорости. Патрон с «тяжелой» пулей маркирован: ее головная часть окрашивается в желтый цвет. Маркируются и другие патроны: с бронебойной пулей образца 1930 года — головка окрашена в черный цвет; с бронебойно-зажигательной пулей образца 1932 года (Б-32) — головка окрашена в черно-красный цвет; с пристрелочно-зажигательной пулей (ПЗ) — головка окрашена в красный цвет; с трас-

сирующей пулей (Т-46) — головка окрашена в зеленый цвет. Широко были распространены и патроны с «легкой» пулей образца 1908 года. Но они не применялись при стрельбе на расстояние больше 800 метров, поскольку давали большое рассеивание...¹

Патроны с «тяжелой» пулей очень понадобились в ноябре 1939 года. Началась советско-финская война. Финны развернули у наших границ на Карельском перешейке и севернее Ладожского озера армию численностью примерно 600 тысяч человек. Группировка РККА, которая противостояла им, была гораздо больше. Но военные действия отличались упорством и ожесточением. Жители страны Суоми защищались отчаянно, не жалея сил.

«Зимняя война» продолжались более трех месяцев и закончилась победой Красной Армии. Согласно новому мирному договору, советско-финская граница пролегла на 30 км дальше на север от Ленинграда.

В советское время об этой войне не любили вспоминать. А теперь пишут, что существует несколько устойчивых легенд о ее событиях. Якобы одна из таких легенд — финские снайперы — «кукушки», которые вели огонь, спрятавшись на деревьях в вековых лесах Карельского перешейка, и тем нанесли большой ущерб Красной Армии, поскольку планомерно и методично убивали ее командиров.

Однако есть свидетельства очевидцев.

Писатель Леонид Соболев, служивший в то время военным корреспондентом, поведал о боевой работе пары со-

¹ Полная энциклопедия вооружений СССР Второй мировой войны. Составитель Шунков В.Н. Минск, 2010. С. 70—71.

ветских снайперов Колобанова и Ситина, которые в зимнем лесу вступили в борьбу с парой таких же снайперов-финнов и уничтожили ее. Правда, молодой и неопытный Ситин тоже погиб, но не от пули, а от разрыва мины.

«Между ветвями он нашел логово “кукушки”. Здесь висели повешенная на сук винтовка с оптическим прицелом, обоймы, мешок с продовольствием, бинокль, фляга — все, что нужно, чтобы просидеть на дереве до смены хотя бы трое суток. Шрапнель визжала и свистела в воздухе, и Колобанов впервые за все время раскрыл рот:

— Толково наши бьют, — сказал он громко. — Где ж им под таким огнем усидеть...

И он поудобнее устроился на ветвях.

Первой его добычей стал тот снайпер, которого он видел спускающимся в укрытие. Едва кончился обстрел, тот высунул голову из окопчика, как крыса, нюхающая воздух. Колобанов подвел мушку своей винтовки к его подбородку, но передумал. Он дал ему взобраться по сосне до половины и тогда выстрелил в затылок. Вражеский снайпер опустил руки и грянулся в снег, и было похоже, будто его подбила шрапнельная пуля...»¹

Опыт советско-финской войны, в частности, применение так называемого «снайперского террора» при боевых действиях, нуждался в осмыслении и распространении. Но времени на это уже не оставалось.

Вот, например, штат стрелкового полка, который был введен приказом Наркомата обороны за № 04/401 от 5 апреля 1941 года. В нем указано, что количество команд-

¹ *Соболев Леонид*. Сборник рассказов «Морская душа». М., 1987. С. 269.

ного начальствующего состава должно достигать 188 человек, младшего командного состава — 437 человек, рядового состава — 2557 человек. В каждом полку состояло три батальона, в каждом батальоне — три роты, в каждой роте — три стрелковых взвода, один пулеметный взвод и санитарное отделение. В одной роте следовало иметь **ДВУХ СНАЙПЕРОВ** (по своему званию — рядовых). Таким образом, в трехтысячном стрелковом полку насчитывалось всего 18 сверхметких стрелков, гораздо меньше, чем пулеметчиков. С такими силами никакой террор врагу не устроишь...

Однако трагический опыт первого периода Великой Отечественной войны заставил руководство нашей страны пересмотреть многие довоенные правила и принципы. Агрессор имел большое численное превосходство. На стороне фашистской Германии, предоставив ей крупные воинские соединения, выступили Италия, Румыния, Финляндия, Венгрия, Словакия, Хорватия. Даже далекая от нас Испания прислала на помощь немцам свою «Голубую дивизию» (20 тыс. человек). Требовалось хотя бы уравнять количество войск противоборствующих сторон. Для этого все средства были хороши: пушки, гаубицы и минометы, танки и самоходные артиллерийские установки, самолеты и... тысячи снайперов.

Считается, что массовое снайперское движение зародилось на Ленинградском фронте в сентябре 1941 года. Известен и зачинатель этого движения — Владимир Николаевич Пчелинцев, двадцатидвухлетний сержант 11-й стрелковой бригады 8-й армии Ленинградского фронта. До войны он был студентом Горного института в Ленинграде и в 1939 году окончил Снайперскую школу войск НКВД,

потому профессиональными навыками владел уверенно. С сентября 1941-го по февраль 1942 года Пчелинцев уничтожил 102 гитлеровца и выступил с призывом к бойцам Ленинградского фронта досконально изучать методы свержметкой стрельбы, охотиться на противника повсюду, не давать покоя ему на его позициях, убивать безжалостно и точно. Пчелинцев стал первым снайпером, получившим звание Героя Советского Союза. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 февраля 1942 года он был награжден Золотой Звездой за № 634 и орденом Ленина.

«Первым успехом я обязан своему оружию. Винтовка для воина — его лучший друг, — учил Пчелинцев своих последователей. — Отдашь ей заботу и внимание, и она тебя никогда не подведет. Оберегать винтовку, держать ее в чистоте, устранять малейшие неисправности, в меру смазывать, отрегулировать все части, хорошо пристрелять — таким должно быть у снайпера отношение к своему оружию. При этом не лишнее будет знать и то, что, несмотря на их стандартность, в принципе одинаковых винтовок нет. Как говорится, у каждой свой характер. Проявляться этот характер может, например, в степени упругости различных пружин, легкости скольжения затвора, в мягкости или жесткости спускового крючка, в состоянии канала ствола, его изношенности и т.д. Нередко голодный и продрогший от холода, возвращался я с “охоты” и прежде всего принимался за чистку оружия, приводил его в порядок. Это — непреложный закон для снайпера...»

Цитата взята из его брошюры «Как я стал снайпером», выпущенной в Москве в 1942 году. В ней есть фотография: Пчелинцев, уже лейтенант, окруженный рядовыми солдатами, демонстрирует им действие затвора на вин-

товке СВТ-40, снабженной оптическим прицелом «ПУ». Понятно его замечание насчет того, что оружие надо «в меру смазывать». Излишняя смазка и загрязнение нередко являлись причиной отказа в работе механизмов капризной и строгой к начинающим стрелкам «Светы». Таковая небрежность могла им стоить жизни...

При поддержке командования Ленинградского фронта снайперское движение при обороне Ленинграда действительно приобрело широкий размах. Способствовали этому и позиционные бои, которые вели противники по обе стороны фронта. К весне 1942 года более четырех тысяч бойцов РККА овладели на полковых и дивизионных курсах первоначальными навыками меткой стрельбы, получили винтовки с оптическими прицелами и успешно вели охоту на фашистов.

Руководство Наркомата обороны отозвалось на это явление народной войны изменением штатного расписания. Согласно приказу № 0052 от 16 марта 1942 года, КАЖДЫЙ стрелковый ВЗВОД теперь должен был иметь ТРИ СНАЙПЕРА, то есть в роте уже находилось девять сверхметких стрелков, против прежних двух. В стрелковом полку — целая команда: 87 человек¹.

Было и другое. В целях развития снайперского дела и поощрения боевой работы снайперов им по окончании армейских курсов присваивали воинское звание «ефрейтор» и давали повышенный денежный оклад — 25 рублей в месяц (обычному рядовому — 10 руб.). Довольно быстро они могли стать младшими сержантами и сержантами с изменением оклада: по первому и второму году службы —

¹ Центральный архив МО РФ. Ф. 4. Оп. 11. Д. 62. Л. 130—131.

30 и 35 рублей, по третьему году — 100 и 200 рублей (Постановление ГКО СССР № 174сс от 13 мая 1942 года).

Для всемерной поддержки снайперского движения требовались квалифицированные инструкторы. Поэтому 20 марта 1942 года в селе Вишняки под Москвой открыли Школу инструкторов-снайперов, впоследствии названную Центральной школой инструкторов снайперского дела (ЦШИСД). Но этого оказалось мало. Вскоре при ней создали трехмесячные курсы сверхметких стрелков, а с 18 июля срок их пребывания там продлили до 6 месяцев. В целом за период Великой Отечественной войны, с 1941 по 1944 год, в организациях ОСОАВИАХИМА и «Всеобуча» (Всеобщего военного обучения без отрыва от производства), при военных округах в Школах отличных стрелков-снайперов (ШОСС), в армейских центрах обучения было подготовлено более 400 тысяч снайперов.

Немалое значение для пропаганды и всемерного развития снайперского движения в наших Вооруженных Силах имела встреча группы сверхметких стрелков (в состав делегации входили В.Н. Пчелинцев и Л.М. Павличенко) с Верховным Главнокомандующим И.В. Сталиным. Он принял их 28 июля 1943 года в Кремле. Снайперы рассказали Председателю Государственного Комитета обороны о своей службе, попросили помощи в решении некоторых проблем, и эта помощь была им оказана.

Государство не забыло об особом поощрении участников движения. По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 21 мая 1942 года в число других знаков отличия для бойцов РККА («Отличный разведчик», «Отличный пулеметчик», «Отличный артиллерист», «Отличный танкист» и др.) вошел и знак «Снайпер».

Согласно тексту Указа, им награждались «особо выдающиеся стрелки из числа рядового и младшего начальствующего состава Красной Армии и войск НКВД, а также воины, систематически показывающие высокие образцы отличного владения личным оружием и другими техническими средствами и умелого применения их в бою с нанесением потерь противнику; быстрого открытия и ведения такого поражающего противника огня по закрытым и открытым целям, маскировки личной и маскировки материальной части...»

Выглядел знак красиво: фигурный (варяжский) щит, покрытый рубиново-красной эмалью, наложенный на золотистый венок из дубовых листьев, слово «Снайпер» на белом пояске вокруг изображения серпа и молота, внизу — стилизованное изображение двух скрещенных винтовок Мосина. Изготавливался он из латуни, имел размер 46 × 37 мм.

Личное огнестрельное оружие, владение которым имело столь большое значение в снайперской службе, также выступало в качестве награды для сверхметких стрелков. Им иногда вручали именные винтовки.

В Центральном музее Вооруженных Сил РФ (г. Москва) хранится снайперская винтовка образца 1891/1930 года, принадлежавшая инициатору снайперского движения на Южном фронте политруку Х. Андрухаеву (личный счет — 115 гитлеровцев), после его гибели — гвардии старшине Н. Ильину (личный счет — 494 гитлеровца). В Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи (г. Санкт-Петербург) находятся именные винтовки сержанта Н. Никитина (личный счет — 209 гитлеровцев), старшего сержанта Г. Симанчука (лич-

ный счет — 174 гитлеровца) и других героев Великой Отечественной войны.

Обычно на прикладе такой винтовки помещалась серебряная пластинка с памятной надписью. Но бывало, что надпись гравировали и на оптическом прицеле. Например, так: «100. За первую сотню с-ту Кухарь И.Н. от команд. 65-й арм. ген. л-та Батова П.И. 2.11.43 г.». Или: «Снайпера сержанта Николая Васильевича Никитина, уничтожившего 209 гитлеровцев. Ленинградский фронт. 1941—1943 гг.»

Среди тысяч сверхметких стрелков, которые на всех фронтах Великой Отечественной вели свою, индивидуальную борьбу с немецкими захватчиками, находились и женщины. В первый период войны это были в основном воспитанницы ОСОАВИАХИМа, получившие удостоверения «Ворошиловский стрелок» в первичных организациях общества, или же окончившие его Снайперские школы и потому обладавшие высокой профессиональной подготовкой. Были и те, кто пошел в Красную Армию добровольцем, окончил армейские месячные курсы и дальше совершенствовал навыки уже на боевых позициях.

К немалому удивлению командиров РККА, на снайперской службе женщины проявляли себя не хуже, а то и лучше мужчин.

«Психофизиологически женщины намного более приспособлены к работе в экстремальных условиях, чем мужчины — пишет автор современного учебника «Искусство снайпера», имеющий опыт боевых столкновений на Северном Кавказе. — Порог терпения у женщин выше, чем у мужчин. Физиологическая выносливость женского организма по эффективности не сопоставима с мужским.

Женщины обладают более обостренными системами восприятия, в частности, повышенным в потенциале ночным зрением, слухом и обонянием. У них мгновенно срабатывает боевая интуиция, изначально заложенная природой. Женщины невероятно наблюдательны. Женщина, заранее подготовленная к ведению боевых действий, не испытывает на поле боя чувства растерянности. При выполнении поставленной боевой задачи женщины работают (именно работают) собранно, целенаправленно и безжалостно. Боевая работа производится ими четко, исполнительно и аккуратно. Женщины-военнослужащие обычно выполняют служебные инструкции точно, не отступая от них ни на шаг. К процессу стрельбы женщины относятся очень аккуратно и тщательно, так же, как к исполнению постоянной инструкции. Поэтому они более обучаемы меткой стрельбе, чем мужчины. К процессу маскировки, столь важному в снайперском деле, женщины подходят творчески, с большой изобретательностью, этот процесс ограничен для них. Результативность действий женщины-снайпера будет всегда выше, чем у снайпера-мужчины. В боевой практике женщины более осторожны, при ранениях — более живучи...»¹

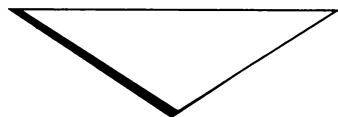
Возможно, два года войны, которую немцы вели на истребление нашего народа, подсказали командованию РККА уникальное решение. На основе женских курсов, действовавших с конца 1942 года при Центральной школе инструкторов снайперской подготовки, в мае 1943 года была создана Центральная женская школа снайперской подготовки. Первый выпуск — 50 человек — состоялся в

¹ *Потанов А.* Искусство снайпера. М., 2009. С. 283.

августе 1943 года. Всего же ЦЖШСП направила на фронт 1061 снайпера и 407 инструкторов снайперского дела. По общим подсчетам, девушки до конца Великой Отечественной войны сумели уничтожить целую фашистскую дивизию: примерно 20 тысяч человек.

Две выпускницы школы — Татьяна Барамзина и Алия Мондагулова — удостоены звания Героя Советского Союза (посмертно), ордена Славы III и II степени получили 102 девушки, орден Красного Знамени — 7, орден Красной звезды — 7, орден Отечественной войны — 7, медаль «За отвагу» — 299, медаль «За боевые заслуги» — 70. А 22 девушки были награждены именными винтовками...

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ

ЛЮДМИЛА ПАВЛИЧЕНКО ИЗ СНАЙПЕРСКОЙ ШКОЛЫ ОСОАВИАХИМА

Существуют несколько списков наиболее результативных советских снайперов, отличившихся в годы Второй мировой войны. Они составлялись в разное время. В них вносили изменения и уточнения по мере изучения архивов.

Вот один из них, составленный подполковником В.Н. Киреевым (Военная академия Республики Беларусь). Первое место в нем занимает старшина 50-го гвардейского стрелкового полка 15-й гвардейской дивизии Николай Ильин со счетом в 494 уничтоженных солдат и офицеров противника. На втором месте — капитан 1122-го стрелкового полка 334-й дивизии Иван Сидоренко со счетом около 500 человек. На третьем — старший сержант 59-го гвардейского полка 21-й дивизии Михаил Буденков со счетом в 437 человек. На четвертом — сержант 234-го стрелкового полка 179-й дивизии Федор Охлопков со счетом в 429 человек. На пятом — старший сержант 187-го стрелкового полка 72-й дивизии Федор Дьяченко со счетом в 425 человек. На шестом — старший сержант 59-го гвардейского стрелкового полка 21-й дивизии Степан Петренко, со счетом в 422 человека. На седьмом — лейтенант 49-го стрелкового полка Николай Галушкин со счетом в

418 человек. На девятом — сержант 50-го гвардейского стрелкового полка 15-й дивизии Афанасий Гордиенко со счетом в 417 человек. Это, так сказать, чемпионы, самые выдающиеся бойцы. Их заслуги признаны, все они получили звание Героев Советского Союза.

Список сверхметких стрелков, чей личный счет превышает три сотни гитлеровцев, тоже невелик. В нем — всего 12 фамилий. Тут на девятой позиции находится старший сержант 54-го стрелкового полка 25-й Чапаевской дивизии Людмила Михайловна Павличенко. Она уничтожила 309 вражеских солдат и офицеров, в том числе — 36 снайперов. При этом стоит обратить внимание на то, что Павличенко провела на фронте только двенадцать месяцев, с 28 июня 1941-го по 19 июня 1942 года. Но это был первый, самый тяжелый год войны.

Ее результат позволяет говорить о Людмиле Михайловне как о выдающемся стрелке, обладавшем высокими профессиональными навыками, сильным характером, великолепным глазомером, видимо, обусловленным особым строением глазного яблока.

С той военной поры сохранилось много фотографий Людмилы. Благодаря своим героическим деяниям она стала известным человеком еще при обороне Севастополя. О ней писали, ее снимали для кинохроники, для местных и центральных газет. Везде получалась миловидная, красивая девушка с внимательным, как бы прицеливающимся взглядом и снайперской винтовкой в руках, которую она обычно прижимала к груди.

Писатель Борис Лавренев, классик советской литературы, встретившись с Павличенко в Москве, оставил такое описание героини:

«Утро было теплое, погожее. Небо над старыми деревьями бульвара на Площади Коммуны сияло чистое и синее, как в Крыму. Мы ушли в боковую аллею и сели на скамью. Она сняла пилотку. Ветер шевелил пушистые, видимо, мягкие, как у ребенка, коротко стриженные волосы. Дымная прядка их колыхалась над чистым, выпуклым девичьим лбом. Лицо тонкое, нервное дышало выражением порывистой неутоленности, глубокой страстности характера. Его лучше всего могли определить лермонтовские строки: “Он знал одной лишь думы власть, одну, но пламенную страсть...” Лицо это говорило о хорошей цельности человека, о характере, способном только на прямое действие, не признающем никаких компромиссов, никаких сделок с собой. Темные карие глаза с золотой искоркой сидели под узкими бровями. Они казались слишком пристальными, даже хмурыми...»

Родилась Людмила 30 июня 1916 года на Украине, в небольшом городке Киевской области под названием Белая Церковь. Ее мать Елена Трофимовна Белова преподавала в местной школе. Профессию ее отца, Михаила Ивановича Белова, определить трудно. По словам самой Людмилы (других источников нет. — *А.Б.*), до 1917 года он был рабочим-слесарем в Петрограде, во время Гражданской войны — комиссаром кавалерийского полка у красных, после Гражданской войны где-то служил, часто переезжая с места на место. В одном официальном документе¹ он назван правительственным чиновником. Не исключено, что Михаил Иванович являлся штатным

¹ Information Bulletin of Embassy of the Soviet Socialist Republics № 104, August 29, 1942. P. 1. «Her father is a Government official» (*англ.*)

сотрудником НКВД. Во всяком случае, на единственной сохранившейся его фотографии, датируемой 1943 годом, он изображен в мундире с офицерскими погонами этого ведомства.

Детство и отрочество будущего снайпера прошло в Белой Церкви.

Однако кончилось оно довольно рано. В жизни ученицы 7-го класса средней школы № 3 появился Алексей Павличенко, который был гораздо старше ее. Первая школьная любовь закончилась беременностью и скоротечным браком. Так русская девушка Людмила Белова стала «украинкой» Павличенко, в пятнадцать лет родила сына Ростислава и довольно быстро рассталась с первым мужем. Об этом она никому никогда не рассказывала. И вообще историю раннего замужества вспоминать не любила. Настолько не любила, что в своей краткой «Автобиографии», ныне хранящейся в Центральном архиве Министерства обороны РФ, в ее личном деле (№ 593897) даже не упомянула про данное обстоятельство.

А между тем из школы, где она отлично училась, пришлось уйти в связи с беременностью и рождением ребенка, из городка Белая Церковь, где каждый житель был на виду, в 1932 году уехать в Киев. Здесь Людмила устроилась работать на завод «Арсенал»: сначала чернорабочей, потом ученицей токаря, потом токарем. Одновременно с работой училась на рабфаке, поскольку хотела получить аттестат о среднем образовании.

Осенью 1936 года Белова-Павличенко успешно выдержала экзамены в Киевский университет, на исторический факультет, и стала студенткой на 21-м году жизни. Поздновато, конечно. Все ее однокурсницы были моложе.

Зато у Людмилы уже имелся житейский опыт и характер, закаленный суровым испытанием. Выдержать его ей помогла дружная семья Беловых, и особенно — сердечное отношение матери. К Елене Трофимовне Людмила всегда относилась с большой нежностью и теплотой, сына просто обожала. Он платил ей таким же обожанием и привязанностью.

Впоследствии Ростислав Алексеевич Павличенко (1932—2007) с отличием закончил юридический факультет МГУ, затем — Высшую школу КГБ. Он прослужил в этом ведомстве 16 лет, был награжден правительственными наградами и вышел в отставку по болезни в звании полковника...

Что или кто привел студентку второго курса истфака КГУ в киевскую Снайперскую школу ОСОАВИАХИМа, — точно неизвестно. Но она упоминала, что на заводе «Арсенал» действовал стрелковый кружок. Именно там Людмила приобрела первые навыки обращения с оружием. Такое было в то время увлечение у молодежи — с энтузиазмом осваивать интересные военные специальности. Будучи уже студенткой, Людмила поступила в школу в 1937 году и училась очень прилежно. В следующем, 1938 году, она получила свидетельство об окончании сего учебного заведения с высокими оценками по практической стрельбе, тактике, баллистике, военно-инженерной подготовке. Как уже говорилось выше, 400-часовая программа школы позволяла хорошо изучить профессию сверхметкого стрелка. Если же курсант проявлял незаурядные способности, то попадал в особый список и его приглашали в Снайперскую школу для дополнительных тренировок, участия в учебных сборах и соревнованиях полевой стрельбе, которые проводились регулярно.

Нет сомнений в том, что к 1941 году Людмила Павличенко не раз подобные сборы проходила и к работе снайпера была подготовлена.

Начало войны застало ее в Одессе, куда она приехала из Киева для прохождения преддипломной практики в Государственной научной библиотеке, располагавшейся на улице Пастера, дом 13. Здесь студентка четвертого курса истфака КГУ также должна была написать дипломную работу, посвященную Переяславской Раде, присоединению Украины к России и роли в этом процессе Богдана Хмельницкого. Дипломную работу предстояло защитить осенью и затем получить в университете диплом преподавателя истории. Дальше тоже все было ясно — Людмила мечтала работать в обычной школе, учить детей своему любимому предмету.

Но в двенадцать часов дня 22 июля 1941 года она вместе со всеми жителями прекрасного черноморского города услышала по радио речь заместителя председателя Совета народных комиссаров, наркома иностранных дел товарища Молотова. То, что он сказал, поначалу многим показалось совершенно невероятным: Германия без объявления войны напала на Советский Союз. Согласно мобилизации, объявленной 23 июня, призыву на службу подлежали военнообязанные четырнадцати возрастов, от 1905 до 1918 года рождения. Людмила, родившаяся в 1916-м, под призыв попадала. Надев свое лучшее крепдешинное платье и туфли на высоких каблуках, она отправилась к райвоенкомату Водно-транспортного района города Одессы.

«В кабинете военкома было душно и накурено, — пишет в своих неопубликованных мемуарах Герой Советско-

го Союза майор береговой службы в отставке Л.М. Павличенко. — Поминутно хлопали двери. Охрипший военком с сизо-красным лицом что-то доказывал пришедшим к нему людям. Он ошалело посмотрел на меня и сказал:

— Медицинские кадры будут призывать с завтрашнего дня...

Затем он отвернулся, видимо, считая разговор со мной законченным.

Я достала из сумочки свидетельство об окончании киевской Снайперской школы и положила перед ним. Военком раздраженно заявил, что военно-учетной специальности “снайпер” в его списке нет. Потом добавил что-то ироническое по поводу ОСОАВИАХИМа, женщин, которые почему-то хотят быть солдатами, но не соображают, как это трудно. Короче говоря, он заставил меня покинуть его кабинет.

На второй день я пришла снова. Военком был тот же, но говорил со мной иначе, более вежливо. Судя по всему, он уже знал, кто такой снайпер, или получил определенные указания на этот счет. Голос его звучал по-другому:

— Приказываю вам явиться на сборный пункт завтра в 10.00. Сейчас зайдите в комнату № 3 для оформления документов...»

СТЕПНАЯ ВОЙНА

Воинский эшелон с одесскими призывниками, которые еще не приняли присягу, не получили обмундирования и оружия, двое суток шел к западной границе СССР через железнодорожные станции Ак-Керман, Сарата, Арциз. Ранним утром 28 июня 1941 года новобранцы выгрузи-

лись из вагонов. Их построили и повели к ближайшему лесу. Здесь располагались тыловые части 25-й стрелковой дивизии. Вновь прибывших накормили завтраком и выдали им форменную одежду. Под звуки отдаленного боя — разрывы снарядов и пулеметные очереди — они приняли присягу у развернутого знамени дивизии и выслушали короткий рассказ военного комиссара о ней.

Дивизия не зря называлась Чапаевской. В 1919 году ею действительно командовал легендарный герой Гражданской войны Василий Иванович Чапаев. В 1933 году это элитное воинское соединение первым в Красной Армии удостоилось награждения орденом Ленина.

Перед началом Великой Отечественной войны чапаевцы занимали участок обороны по берегам рек Прут и Дунай в Молдавской ССР и Измаильской области. Штаб дивизии располагался в городе Болград, командовал ею полковник А.С. Захарченко. Румыны, которые одновременно с германской армией перешли нашу границу, здесь в первые дни своего наступления никаких успехов не достигли. Более того, 24 июня один батальон 25-й дивизии на бронекатерах переправился через Прут у города Кагул на румынскую территорию и разгромил вражескую заставу, захватив в плен 70 солдат и офицеров.

Однако вскоре храбрым чапаевцам пришлось оставить эти рубежи и под напором превосходящих сил противника с боями отходить к селам Новая Ивановка, Червоноармейск и Криничное, а потом и дальше — к Арцизу и Татарбунары. В середине июля советские войска уже находились на берегах реки Днестр. Наше командование предполагало, что они, опираясь на Тираспольский укрепленный район, смогут задержать противника, не допу-

стить его в Одессе. Но тут полки и дивизии РККА продержались только 12 суток, с 26 июля по 8 августа...

После принятия присяги Павличенко определили рядовым красноармейцем-снайпером в 54-й имени Степана Разина стрелковый полк, в первый батальон, вторую роту, первый взвод. Однако оружия она не получила: не только снайперской винтовки с оптическим прицелом, но даже и самой обыкновенной «трехлинейки» Мосина. Всем новобранцам вручили лишь лопатки (для рытья окопов) и по одной гранате (на тот случай, если фашисты все-таки прорвутся через передовую). Винтовки они могли взять только у своих раненых или убитых товарищей. Такой случай Людмиле представился после очередного налета вражеской авиации, и она потом писала: «В миллион раз горше ждать, когда погибнет однополчанин, который стоит рядом с тобой...»

На равнинных пространствах от реки Днестр до реки Южный Буг, от города Тирасполя до города Одессы постепенно возникал настоящий военный хаос, и управлять войсками становилось невозможно. Все перемешалось в неоглядных степях Северного Причерноморья. Целые многотысячные корпуса вместе со своими командующими попадали в окружение и плен. Генералы и полковники гибли в обычных пехотных перестрелках. Полками и батальонами командовали капитаны и лейтенанты. Некоторые дивизии существовали теперь лишь на бумаге. Разрозненные остатки их бродили по дорогам, пытаясь пробиться к своим. Вот как описывали эти события бойцы 9-й армии Южного фронта:

«Отход от границы был ужасен: жара, пыль, самолеты сверху, танки с флангов, артобстрел, крики и стоны ра-

ненных, которые лежали на повозках, а убитых хоронили кое-как — в воронках, не делая отметок на картах, где кто похоронен. Части покидали границу ночью, а с наступлением дня занимали оборону на промежуточных рубежах до следующей ночи. Теперь будем ночами идти, а днем лежать в обороне. Скоро станет неустойчивой связь дивизии со штабом армии, а потом и полков со штабом дивизии. Это будет называться “полуокружением”. Давно нет газет, радио и хлеба. Скоро не станет патронов...

Ежедневно у нас большие потери. Противник буквально висит на хвосте, а мы наносим ему урон совсем небольшой. Начинаем экономить патроны... Из двух рот сделали одну, из двух взводов — один. Отделения ликвидировались сами собой. То есть потери несли ежечасно, а достать противника было нечем: мы давно без полковой артиллерии и минометов, а пока они были — то без снарядов и мин. Почти все походные кухни разбиты снарядами, а в уцелевших нечего варить...»¹

Однако 25-я дивизия находилась на крайнем левом фланге образованного 25 июня 1941 года Южного фронта (командующий генерал армии И.В. Тюленев, в составе фронта — 18-я и 9-я армии, 9-й особый стрелковый корпус, 55-й и 7-й стрелковые корпуса, 5 авиадивизий, а также другие воинские части). Главный удар противника пришелся севернее, в направлении Кишинев — Яссы — Бельцы — Могилев-Подольский. Потому даже 12 июля дивизия, отступая, сохраняла высокую боеспособность и всю довоенную боевую и тыловую структуру. Три стрелковых полка — 54-й имени Степана Разина (командир —

¹ Савченко В., Филиппенко А. Оборона Одессы. М., 2011. С. 56.

полковник И.И. Свидницкий), 31-й Пугачевский имени Фурманова (командир — подполковник К.М. Мухамедьяров), 263-й Домашкинский имени Фрунзе (командир — майор С.И. Султан-Галиев) — составляли ее пехотную основу. Всего же в рядах чапаевцев числилось 15 075 бойцов и командиров, 147 гаубиц и пушек разных систем, 141 миномет, 169 станковых пулеметов из 175 положенных по штату. Плохо обстояло дело только с военной техникой. Из танкового батальона в 60 машин уцелело лишь 15¹. Остальные пришлось бросить из-за серьезных поломок и нехватки горючего...

Заполучив простую винтовку Мосина с открытым секторным прицелом, снабженным перемещающимся по прицельной планке хомутиком, Людмила почувствовала себя увереннее. Она отлично стреляла также и из этого оружия. Но при отступлении было не до снайперских засад. Войска перемещались слишком быстро. Павличенко вместе с другими бойцами 54-го полка днем занимала позицию на огневых рубежах и отбивала атаки румын, ночью пешком, иногда — на повозках, запряженных лошадьми, совсем редко — на автомобилях — двигалась со своей частью на восток.

Степь расстилалась по обеим сторонам дороги.

Ночью она была тихой. Днем гроыхала от орудийных залпов и разрывов бомб, вспыхивала зарницами, дышала пороховой гарью. Чужаки, вторгшиеся с запада, нарушили ее вековой покой. Они принесли неисчислимые бедствия. Людмила уже видела разбомбленные поселения, выгоревшие поля пшеницы, разбитые снарядами склады

¹ Центральный архив МО РФ. Ф. 229. Оп. 4063сс. Д. 31. Л. 64.

и зернохранилища, взорванные мосты, всевозможную технику, брошенную вдоль дорог, и тысячи людей, в страхе покидающих дома, увозящих свой немудреный скарб, пытающихся спасти домашний скот: лошадей, коров, овец.

Картины разрушений и огромного народного горя непреходящей болью отзывались в сердце. Наверное, тогда Людмила решила, что будет мстить захватчикам. Те, кто вероломно покусился на мирную жизнь ее родной страны, должны понести суровое наказание, и она их накажет. Владея навыками сверхметкой стрельбы, она сможет это сделать. В уме снайпер прикидывала свой счет: сто, двести, триста. А может быть, если ей очень повезет, и тысяча вражеских солдат и офицеров. Все они останутся лежать здесь, в сухой и рыхлой степной земле, которую мечтали захватить.

Однако начать собственно снайперскую службу Павличенко смогла только 8 августа 1941 года. Произошло это в деревне Беляевка, что располагалась в сорока километрах от Одессы, на берегу реки Днестр и озера Белое.

К этому времени ситуация на фронте изменилась.

Советские войска, отбиваясь от превосходящих сил противника, приблизились к Одессе. Из Москвы был получен приказ Ставки, подписанный Сталиным: «Одессу не сдавать и оборонять до последней возможности...» Передний край главного рубежа обороны прошел через ближайшие к городу села и хутора. Его протяженность по фронту составляла 80 км, глубина — 3,5 км. Там вырыли противотанковые рвы, установили «ежи» и «рогатки», сваренные из обрезков рельсов, заложили минные поля, протянули около 15 километров заграждений из колючей и гладкой проволоки, сделали до полутора тысяч стрелко-

вых окопов разного профиля, 281 окоп для противотанковых орудий и 39 для минометов, оборудовали 256 деревоземляных, кирпичных и железобетонных огневых точек. Их связывали между собой траншеи и ходы сообщения общей длиной до 42-х километров. Заняв эти хорошо укрепленные позиции, бойцы приготовились защищать их до последней капли крови.

Полтора месяца боев с захватчиками тоже не прошли даром. Теперь румынам и немцам противостояли воинские части, сплоченные, обстрелянные, прошедшие трудную, но необходимую боевую школу.

«Нашу вторую роту, — вспоминала впоследствии Людмила Михайловна, — за высокие боевые качества называли ударной. Ее главная задача — ликвидация прорывов противника, в какое бы время суток ни поступил приказ. Иногда на машинах, а чаще пешком мы своевременно прибывали к указанному месту и положение восстанавливали, то есть выбивали фашистов из захваченных ими окопов.

Теперь рота была вооружена отлично. Много мы имели винтовок, автоматов, патронов, гранат, добытых в сражениях. Мы не торопились сдавать их на полковой склад, потому как помнили о горьком опыте приграничных столкновений... В нашей роте служили, в основном, молодые ребята, комсомольцы, и в том состояла ее особая сила. Мы все дружили и даже коллективно сочиняли письма домой. Каждый считал своим долгом подсказать какую-нибудь интересную фразу... Бывало, во время самого яростного боя вдруг кто-то на ухо пропоет тебе охрипшим голосом хоть одну строку из нашей любимой песни, или, проходя мимо, крикнет: “Держись, пехота!..” — на душе становится легче...»

Такой ожесточенный бой и начался утром 8 августа на участке Беляевка — Мангейм — Бриновка. Вместе с солдатами 54-го стрелкового полка здесь отбивали вражеские атаки бойцы из Первого полка морской пехоты, пограничники в зеленых фуражках из 26-го полка НКВД, два пулеметных батальона из состава Тираспольского укрепрайона, батальон 136-го запасного полка и два батальона народного ополчения. При поддержке своих танков «LT vz.35» румыны наступали на наши позиции. Их униформа песочного цвета иногда сливалась с серовато-желтоватым пространством причерноморской степи. Но станковые пулеметы «максим» и ручные пулеметы «Дегтярев пехотный» у русских работали отменно. Меткий огонь вели также советские артиллеристы: 134-й гаубичный полк и 412-я береговая батарея, имевшая орудия калибра 180 мм.

К вечеру сражение стихло.

Западная часть большой деревни Беляевка осталась за воинами румынского короля Михая I. Несмотря на существенные потери, они никуда не продвинулись. На восточной стороне Беляевки закрепился первый батальон 54-го имени Степана Разина стрелкового полка. Командир батальона капитан Сергиенко вызвал на свой командный пункт снайпера Людмилу Павличенко и показал ей на дальний конец села. Там виднелся двухэтажный дом с широким крыльцом, наполовину скрытым разросшимися деревьями. На крыльцо вышли два человека в офицерских мундирах и в касках, напоминающих по форме деревенские макитры. Именно эти стальные изделия королевство Румыния закупило для своей армии у голландских поставщиков.

— Похоже, это — их штаб. Достанешь? — спросил комбат.

— Попробую, товарищ капитан, — она сняла с плеча свою «трехлинейку» с оптическим прицелом «ПЕ».

Стрелять из положения лежа тут было затруднительно. От сельской хаты остались одни руины с разбросанными повсюду закопченными камнями и обгоревшими обломками балок. Павличенко решила стрелять с колена с применением ремня, то есть сесть на каблук правого сапога, а на левую ногу, согнутую в колене, опираться левым же локтем, вес винтовки принять на ремень, пропущенный под левый локоть. Затем она взглянула в окуляр прибора. Один офицер уже сидел в пароконную коляску. Второй подходил к ней. Его фигура закрывалась горизонтальной линией прицела примерно до пояса.

Это — простейшая задачка из курса практической баллистики, читавшегося в киевской Снайперской школе ОСОАВИАХИМа, и решение уравнения она помнила наизусть: в данном случае расстояние до цели составляет 400 метров. Условия для стрельбы были идеальные: полное безветрие, температура воздуха чуть выше 25 градусов тепла. Но поразила первую цель Людмила с третьего выстрела, вторую — с четвертого, зарядив винтовку дефицитным патроном с «тяжелой» пулей. Волновалась? Или колебалась? А может быть, не смогла полностью сосредоточиться под требовательным взглядом комбата? Не задержала дыхание перед выстрелом? Резко нажала на спусковой крючок? Она задавала себе эти вопросы, однако не могла на них ответить. Как будто нечто совершенно необъяснимое помешало ей. Но она решила, что впредь подобное не повторится никогда...

— Люда, — ласково произнес капитан Сергиенко, взглянув в бинокль на румын, лежавших возле коляски, — Патроны- то беречь надо. Семь штук на двух фашистов — это много.

Красноармеец Павличенко не ответила командиру.

Задумавшись, она молчала и поглаживала ладонью полированный ореховый приклад своей винтовки. Теперь на нем можно сделать две насечки. От других снайперов она слышала рассказы о первом выстреле не по мишени в тире, а по живому человеку, которого ты видишь в перекрестье прицела на поле боя. Рассуждали о том, что существует некий рубеж, и его надо преодолеть. Кто-то пьет, кто-то плачет, кто-то замыкается, уходит в себя на некоторое время. У нее пропало пять патронов.

Боеприпасы, конечно, жаль. Однако на этой небывалой войне счет уже идет по-другому: смерть за смерть, кровь за кровь. Если у тебя это получилось, то, значит, недаром с тобой в Снайперской школе занимались опытные наставники, недаром тебе в армии доверили замечательное оружие, недаром ты гордишься званием сверхметкого стрелка...

Между тем 8 августа 1941 года был памятный день. Румынский диктатор Ион Антонеску объявил о том, что через неделю, 15 августа, его войска, разгромив русских, захватят Одессу и пройдут по ее улицам победным маршем.

Конечно, этот приказ фашисты не выполнили.

Они штурмовали боевые рубежи Красной Армии до 16 октября 1941 года, хотя на одесском направлении противник сосредоточил значительные силы. Численность Четвертой румынской армии достигала 300 тысяч человек.

Ей помогали отдельные подразделения 72-й германской пехотной дивизии. Враг обладал пятикратным численным превосходством. При активной обороне, опирающееся на разнообразные укрепления, у советских снайперов были хорошие условия для работы, и они сказали свое веское слово.

«Снайперам Одесского оборонительного района отдан приказ: занять выгодные для наблюдения и ведения огня места, не давать врагу покоя, лишить его возможности свободного передвижения в ближайшем тылу, деморализовать, — пишет в своих ранее мемуарах Л.М. Павличенко. — Поставленные задачи требовали от нас большего напряжения сил и поисков новых методов борьбы с захватчиками.

Наши посты, выдвинутые на 75—100 метров вперед, не могли решить этих задач. Нужно было увеличивать глубину обстрела позиций противника, создать угрозу для его второго эшелона. Так возникла необходимость применения снайперских засад. Их организация была связана с тщательным осмотром и выбором местности, которая бы хоть в какой-то мере обеспечивала выход стрелка из засады. Полковая разведка, с которой мы работали в тесном контакте, все-таки не могла предоставить нам нужные сведения. Потому снайперы сами ходили в разведку для выбора места, подходящего для прицельной стрельбы.

В первую такую засаду по приказу командира нашего полка Свидницкого мы пошли ночью втроем: боец с ручным пулеметом “ДП” и пара: снайпер-истребитель (это — я) и снайпер-наблюдатель Петр Коломиец. Противогазные сумки набили патронами, на пояс повесили гранаты. У каждого, кроме винтовки, был еще и пистолет

“ТТ”. Идя в засаду, мы понимали, что не каждый выстрел бывает последним для врага. Точность нашего огня будет зависеть от многих причин.

Местом засады мы выбрали заросли довольно высокого кустарника длиной примерно метров в 150, шириной — в 12—15 метров. Графически его можно было бы изобразить как ромб неправильной формы, острый угол которого вклинивался в оборонительную линию румын и заканчивался неглубоким оврагом во втором эшелоне противника.

От первой линии окопов 54-го полка до места засады было метров 600. Мы прошли их за час. Луна на безоблачном небе освещала окрестности, и все тропинки, неровности почвы, воронки от снарядов проступали отчетливо. Однако вероятная встреча с врагом в самом кустарнике портила нам настроение. Приходилось шагать с оглядкой, держать оружие наготове. Но оказалось, что румын в зарослях нет, и мы расположились там со всеми удобствами: отрыли окопы с небольшими брустверами, положили на них винтовки, установили пулемет.

В пять часов утра в расположении противника началось движение. Солдаты ходили во весь рост, громко разговаривали, перекликались между собой. В шесть часов утра приехала полевая кухня. Стало еще оживленнее. Появились офицеры, которые крикливыми голосами отдавали приказы. В некотором отдалении, видимо, находился какой-то санитарный армейский пункт, и там мелькали белые халаты медиков.

В общем, мишеней обнаружилось много.

Мы распределили силы так: левый фланг — мой, правый — Петра Коломийца. Наблюдение по центру вел пу-

леметчик. Мы ждали до 10 часов утра, изучая повадки врага, находящегося в удалении от переднего края, затем открыли огонь. Румыны перепугались. Они метались из стороны в сторону, дикими воплями увеличивая панику. Но расстояние у нас было измерено, прицелы выставлены. Стрельба, продолжавшаяся около четверти часа, дала хороший результат: у меня — 16 убитых, у Коломийца — 12. Пулеметчик, который должен был нас прикрывать в случае прямой атаки противника на нашу засаду, не стрелял.

Опомнившись, фашисты открыли по зарослям кустарника сильный минометный и пулеметный огонь. Нам пришлось удирать. Но все кончилась благополучно. Мы вернулись в полк, написали рапорт командиру и получили от него благодарность в приказе. Подумали и решили на следующую ночь пойти в засаду на то же самое место. Шли мы спокойно, совсем не волновались, а придя в заросли кустарника, встревожились не на шутку.

В первый день мы брали воду в бутылках, а возвращаясь, бутылки с собой не унесли. Вместо трех оставленных нами бутылок с водой мы обнаружили шесть, и все — изпод сладкого вина. Бутылки заставили нас призадуматься: “Не уйти ли отсюда совсем?” Еще мы нашли два патрона и узкую борозду на траве от станкового пулемета “Шварцлозе”. След вел в сторону врага. Стало ясно: днем тут находилось вражеское боевое охранение. По какой-то причине румыны ушли. Они, вероятно, не ждали повторного нападения. Обследовав наш участок снова, мы убедились, что здесь все в порядке. И решили остаться.

Огонь открыли в 12 часов дня. Повторилась вчерашняя картина: у меня — 10 убитых, из них — два офицера, у

Коломыйца — 8. На сей раз фашисты пришли в себя быстро и начали ответную стрельбу по кустарникам из двух пулеметов. Мы отступили и незаметно передвинулись в сторону, зашли пулеметчикам во фланг. Он был у них незащищенным. Пять выстрелов из снайперских винтовок, и расчеты уничтожены. Пулеметы понравились Петру Коломыйцу: новенькие, так и блестят всеми своими частями. В общем, один пулемет мы сами утащили к своим, замок от второго закопали в земле. Потом полковые разведчики его нашли и взяли, как собственный военный трофей, вместе с пулеметом. Коробок с патронами к ним тут валялось предостаточно, и австрийские пулеметы еще послужили Красной Армии.

Занимать это место под снайперскую засаду в третий раз было бы неразумно. Потому мы присмотрели другое: белый, наполовину разрушенный дом, который находился метрах в четырехстах от тех же зарослей кустарника. На следующий день с чердака белого дома мы наблюдали такую картину: в 7.30 утра враг открыл по зарослям бешеный минометный огонь и безостановочно лупил по ним минут двадцать...»¹

От берегов Днестровского лимана, изученных, освоенных, обжитых, «разинцы» после 10 августа перебрались на северо-восток, к станции Буялык. Здесь наступала Первая бронедивизия румын, поддерживаемая пехотой Третьего и Пятого вражеских корпусов. Поначалу противнику сопутствовал успех. Но затем движение фашистов к Одессе замедлилось. Бойцы и командиры отряда комбри-

¹ Записки снайпера. С. 20—24. Рукопись находится в семейном архиве Л.М. Павличенко (г. Москва).

га Монахова — 54-й полк, 26-й полк НКВД, Первый полк морской пехоты, два пулеметных батальона, истребительный батальон народного ополчения — проявляли чудеса стойкости и отваги.

Но ситуация была тяжелой. Советской артиллерии не хватало снарядов. На три вражеских выстрела солдаты 134-го гаубичного полка, приписанного к отряду Монахова, отвечали одним. Румыны и немцы боеприпасов не жалели. Так, тяжелый фугасный снаряд угодил в бруствер окопа. Не прямо перед Людмилой, а сбоку от нее. Ударная волна разбила в щепы любимую винтовку, саму Павличенко отбросила далеко на дно траншеи и присыпала землей. Однополчане нашли снайпера в бессознательном состоянии, вместе с другими ранеными погрузили в санитарную повозку и отправили в тыл. Очнулась Людмила уже в госпитале, который располагался в Одессе.

Целыми днями она молча смотрела в окно на сад, где под порывами морского ветра качались ветки яблоневых и грушевых деревьев, трепетали желтеющие листья, падали на землю созревшие плоды. Она ничего не слышала, но эта беззвучная картина приближающейся осени почему-то ее успокаивала. Слух возвращался медленно. Боли в суставах и позвоночнике мучили по ночам. В чисто убранной палате, на хрустящих от крахмала простынях, за сладким и крепким чаем, который подавали ровно в восемь часов и непременно — со сдобной булкой, Людмила вспоминала суровые фронтовые будни и фронтовых товарищей.

Павличенко впервые получила несколько писем от родных. Мать, Елена Трофимовна, беспокоилась о ее здоровье и советовала не пить в походе сырую воду из от-

крытых водоемов. Отец, Михаил Иванович, вспоминал Первую мировую и Гражданскую войну, утверждая, что Беловым в сражениях всегда везло. Старшая сестра Валентина рассказывала, как у нее идет работа на новом месте. Все они находились очень далеко, в Удмуртии, куда из Киева эвакуировали завод «Арсенал». Собравшись с духом, Людмила села писать им ответы, старательно выводя буквы правой рукой, к которой постепенно приходила прежняя сила и точность.

«Удмуртская республика,
г. Воткинск, Главпочтамт, до востребования
Беловой Валентине Михайловне.
Здравствуй, дорогая Жучка!

Вчера вырвалась из госпиталя в город. Получила Ленушкину открытку, которая шла с Киева в Одессу всего полтора месяца. Ленуся дала твой адрес. Почему ты не взяла ее с собой?

Я уже месяц и десять дней в армии. Успела насолить румынам и немцам, побывала на передовой. Они, гады, присыпали меня землей два раза. Теперь в госпитале. Через два дня выхожу, иду в свою часть, где моя специальность — боец-снайпер. Думаю, если не убьют, быть в Берлине, отлупить немцев и вернуться в Киев. Расчет у меня простой — 1000 немцев. А тогда я уже дешевле свою голову не ценю. Можно сказать, раз оценила свои способности и больше не отступлю. Словом, не скучаю. Житье-бытье веселое. Если тебе не лень, то пиши пока по адресу: Одесса, ул. Пастера, 13, научная библиотека, Чопак, для меня. Мне передадут...

Валюнчик, если Моржик (домашнее имя сына Павличенко Ростислава. — А.Б.) с тобой, пусть пишет. Скажи

ему, что я повоюю за себя и за него, только пусть учится хорошо, только на отлично, чтоб мне не стыдно было... Валюнчик, Славку береги... Обо мне не думай. Пуль у Гитлера для меня нет. Целую крепко-крепко. Моржику особый поцелуй прямо в нос. Твоя Люда. 27/VIII-41»¹.

Чтобы отправить письмо, Павличенко поехала на Главпочтамт.

С грустью увидела она, что за два месяца, прошедших с начала войны, прежде беззаботная красавица Одесса и ее жизнерадостные, энергичные жители сильно изменились.

Центр города пострадал от бомбежек. На некоторых улицах возвели баррикады из мешков с песком, устроили площадки с зенитными орудиями, установили противотанковые «ежи». Многие магазины закрылись, другие заклеили свои стеклянные витрины бумажными полосами крест-накрест. Курортники исчезли. Парки, бульвары, улицы, площади стали пустынными. Только патрули народного ополчения с винтовками за плечами четко вышагивали по булыжной мостовой. Это было неувидительно.

До войны Одесса являлась крупным промышленным (22 предприятия), культурным (3 театра, в том числе — оперный, цирк, филармония) и учебным (мединститут) центром в Северном Причерноморье. Ее население достигало 600 тысяч человек. Теперь в городе оставалось примерно 340 тысяч. Остальные ушли на фронт или эвакуировались. Только в июле из Одессы морем вывезли 46 тысяч жителей и раненых бойцов, в августе — 58 тысяч. Но

¹ Письмо Л.М. Павличенко старшей сестре В.М. Беловой. Центральный музей Вооруженных Сил РФ. Ф. № 4/18680.

многие промышленные предприятия работали, выпуская нужную фронту продукцию: минометы (их делали из нефтеперегонных труб), бутылки с зажигательной смесью, противопехотные мины с корпусами из консервных банок, гранаты. На заводе имени Январского восстания приспособились переделывать трактора в танки, приваривая к кабине листы восьмимиллиметровой корабельной стали, которые одесситы остроумно называли «НИ», то есть «На испуг». Скорость их была небольшой: всего 7 километров в час, — однако для того, чтобы проутюжить вражеские окопы, ее вполне хватало...

В первых числах сентября снайпер вернулась в родной полк, который уже находился на западном участке обороны, недалеко от хутора Дальник. Ее ожидал приятный сюрприз. Вышел приказ о присвоении рядовому красноармейцу Павличенко звания ефрейтора, что являлось признанием возросшей армейской квалификации бывшей студентки истфака Киевского госуниверситета. Здесь же, у Дальника, Людмиле пришлось наблюдать картину для современной войны почти фантастическую.

Румыны устроили «психическую» атаку. Сперва, как водится, минут двадцать гремел артиллерийский налет. Советские солдаты и офицеры пережидали его в хорошо оборудованных, глубоких блиндажах и траншеях. Большого урона первому батальону 54-го стрелкового полка он не причинил. Затем наступила тишина. Бойцы вернулись на свои позиции и стали всматриваться вдаль. Там происходило что-то необычное.

Во-первых, донеслись звуки бравурной музыки. Во-вторых, пехотинцы в касках-макитрах не расходились по ровному пространству степи, образуя прерывистые цепи.

Наоборот, они начали сбиваться в густые, тесные шеренги, становились плечом к плечу и маршировали, как на параде, высоко поднимая ноги в такт ритмичным ударам барабанов.

Где-то во второй или третьей шеренге над головами солдат колыхалось знамя. Офицеры, соблюдая дистанцию и взяв обнаженные сабли на плечо, шагали в интервалах между шеренгами. На левом фланге двигался священник в полном парадном облачении. Его расшитая золотом ряса смотрелась странно на фоне однообразного военного строя. Три хоругви следом за ним несли румынские солдаты. Священник, как потом выяснилось, был украинец.

Людмила в бинокль рассматривала атакующих. Они подходили все ближе. Вскоре ей стало ясно, что солдаты пьяны. Не так уж строго они держали равнение, не так четко маршировали. Но количество их было изрядное: не менее полутора тысяч человек. И это — на первый батальон капитана Сергиенко, где едва насчитывалось 500 штыков.

Между тем расстояние сокращалось.

Румыны подошли на 700 метров, и по ним нанесла первый удар минометная батарея. Фонтаны земли взметнулись среди шеренг. Их строй на некоторое время сломался. Однако, оставив убитых за спиной, живые сомкнули ряды и продолжали наступление под бодрую музыку своего оркестра. По команде офицеров они ускорили шаг и взяли ружья «на руку».

Лезвия примкнутых штыков сверкнули в пыльной степной дали.

Павличенко терпеливо ждала, когда первая шеренга в серовато-песочных мундирах поравняется с забором на

краю кукурузного поля. Согласно «Карточке огня», которую она нарисовала для себя загодя, этот забор отстоял от ее окопа на 600 метров, разросшиеся кусты «волчьей ягоды» — на 500 метров, одинокое дерево с обломанной кроной — на 400 метров. Теперь воины короля Михая I, сами того не ведая, выходили на дистанцию прямого выстрела ее новенькой, но уже отлично пристрелянной снайперской «мосинки», то есть — на 600 метров.

Как говорилось выше, прямой выстрел — вещь совершенно замечательная. При нем траектория пули не поднимается выше цели на всей дистанции стрельбы. Например, как в данном случае, взяв прицел «б» и точку прицеливания по каблукам марширующих солдат противника, можно стрелять без перенастройки оптического прицела. Враг сначала получит пулю в ногу, подойдя ближе — в живот, еще ближе — в трехстах метрах — в грудь, затем в голову. Далее, по мере приближения к снайперу, в обратном порядке — в грудь, в живот, в ногу.

Излюбленный способ стрельбы у Людмилы был: пуля либо в переносицу, либо в висок. Но, глядя на марширующую под барабан армаду, она думала, что в данной ситуации выстрел только в голову — непозволительная роскошь. Главное сейчас — стрелять, стрелять и стрелять. Лишь бы остановить «психическую» атаку пьяных, ничего не соображающих солдат, не дать румынам дойти до наших окопов. Ведь они, имея трехкратное численное превосходство, сразу уничтожат ее боевых товарищей, весь их первый батальон.

Однако они не дошли.

Откатившись назад с немалыми потерями, румыны через час повторили нападение, только уже без православ-

ного священника и церковных хоругвей, которые при первой атаке были разорваны в клочья прямым попаданием снаряда. Снова под полем гремели залпы орудий, гудели мины, трещали очереди из пулеметов и автоматов, залпы винтовок, среди которых звучал и голос «трехлинейки» снайпера Павличенко. Снова воины короля Михая I обратились в бегство.

В два часа дня, после мощного артобстрела, к окопам «разинцев» двинулись немцы. Они лезли вперед отчаянно и азартно, точно хотели показать своим союзникам румынам, как надо воевать с русскими. Но и это нападение однополчане Людмилы отбили.

Под вечер на позиции 54-го полка, изрядно пострадавшего в этом бою, прибыла машина ЗИС-6 с реактивной установкой БМ-13, которую на фронте называли «катюшей». Она сделала всего два залпа (один залп — 16 реактивных снарядов весом по 42,5 кг каждый), и противник прекратил всякие попытки взять штурмом наши оборонительные сооружения. У него в ближайшем тылу начались сильные пожары. Ведь начинкой для снарядов служил не порох и не дорогостоящий тротил, а жидкое взрывчатое вещество — нитробензол с окислами азота. На месте падения такого снаряда образовывалась обширная воронка глубиной до полутора метров и горело буквально все: земля, камни, металл.

Поле битвы осталось за русскими.

Поздним вечером Людмила вместе с командиром второй роты лейтенантом Андреем Ворониным отправилась осматривать его. Своих раненых румыны вынесли, но убитые лежали нетронутыми. Для рапорта в полковой штаб требовалось их сосчитать и определить, кто нанес

большой ущерб врагам. Нашлось девятнадцать человек с простреленными головами, левой частью груди, шеей и животом. Их командир роты записал на счет ефрейтора Павличенко. За такое отличие по представлению Воронина ей присвоили звание младшего сержанта.

Следующая попытка Людмилы применить боевой опыт предшественников едва не закончилась для нее печально.

Она знала, что на Финской войне в карельских лесах действовали вражеские снайперы — «кукушки», которые вели прицельный огонь, спрятавшись среди веток деревьев. Маскировка же в степи доставляла ей немало хлопот. Посреди ровного пространства, не имеющего никакой растительности, холмов, оврагов, человеческого жилья, найти подходящее для снайперской засады укрытие порою просто невозможно. Потому она очень обрадовалась, когда вторая рота, исполняя приказ командира полка, выбила румын из кладбища, расположенного метрах в трехстах от маленькой деревеньки. На кладбище росли деревья! Целых пять высоких кленов с раскидистыми кронами и толстыми пепельно-серыми стволами, неведомо как уцелевшие в жарких схватках, при бомбежках и артобстрелах.

Младший лейтенант одобрил ее план. Он понимал, что сверху деревня, которую пока занимал противник, будет видна, точно на ладони. Там где-то среди домов стоят станковые пулеметы, и они не дают его бойцам даже головы поднять, а не то что вылезти из окопов.

Вечером Людмила расшивала свою новую камуфляжную куртку с капюшоном зеленоватого цвета и коричневыми разводами. Старшина отдал ей обрывки маскировочных сетей и чью-то старую гимнастерку, которую она

раскроила на ленты и кусочки небольшого размера. Разлохмаченная лента согдилась, чтобы обернуть ствол винтовки. Остальное вместе с кленовыми листьями, веточками и пучками травы снайпер разместила на куртке, отчего она утратила прежний четкий силуэт и стала походить на одеяние лешего или болотной кикиморы.

За полтора часа до рассвета Павличенко взобралась на дерево. Когда совсем рассвело, она поднесла к глазам бинокль. С высоты деревня просматривалась отлично. В саду возле крайнего дома она увидела универсальный немецкий пулемет «MG-34» на стойке-треноге и коробки с лентами, разложенные возле. У пулемета имелся оптический прицел.

В седьмом часу утра сменилось боевое охранение. Но солдаты с винтовками не интересовали Людмилу. Она ждала пулеметчиков. Три румына в кителях серовато-песочного цвета и забавных суконных кепи с тульей, вытянутой углом спереди и сзади, сначала занимались своим «MG-34», потом расселись под деревьями.

Людмила вложила один патрон с бронебойной пулей в канал патронника и закрыла затвор. Ствол винтовки она устроила на толстой ветке, взглянула в окуляр прицела. Расстояние достигало 250 метров, дистанция для точного выстрела вполне подходящая. Она намеревалась сначала вывести из строя пулемет, послав пулю прямо в его затвор, а затем уже нейтрализовать обоих пулеметчиков.

Но в саду началось какое-то движение. Пулеметчики вскочили и замерли по стойке «смирно». Через минуту к ним подошли офицеры. Один из них выглядел особенно антуражно: фуражка с золотым ободком на черном лакированном козырьке, с правого плеча свешивается золотой

аксельбант, на боку — коричневый планшет, в руке — длинный стек. Он явно принадлежал к старшему командному составу, а таких людей надо убирать из военного строя в первую очередь.

Выстрел румыны слышали. Но им, вероятно, не сразу в голову пришло, что у русских работает снайпер. Личный адъютант генерала Антонеску, прибывший недавно вместе со своим начальником на фронт под Одессой, майор Георги Караджа, даже не вскрикнув, повалился набок. К нему бросились пулеметчики. Это — еще два метких выстрела. Четвертый, бронебойный, — все-таки в замок пулемета.

Теперь враги не сомневались. Снайперская засада была ими обнаружена. Румыны открыли бешеный огонь из винтовок. Потом к ним прибавились залпы минометов. Когда вокруг засвистели пули и осколки мин, Людмила прижалась к толстому стволу, но вскоре поняла, что он — плохая защита. Пять деревьев — не вековой карельский лес, в котором трудно что-нибудь разглядеть в вершинах сосен-исполинов. Куски горячего металла тут летали, подобно смертоносному рою, сбивая листья, разламывая тонкие ветки. Предчувствие страшной опасности кольнуло сердце, будто игла. Младший сержант, чтобы спасти оптику, повесила винтовку на сук, который торчал пониже, и ринулась вниз, решив так имитировать собственную гибель.

Она упала неудачно, ударившись правым боком о чей-то могильный камень. Сама подняться не сумела из-за сильной боли. Солдаты второй роты помогли своему снайперу не сразу. Воспользовавшись суматохой у противника, они пошли в атаку на деревню, и поскольку румынский пулемет молчал, то быстро взяли ее.

При майоре Караджи нашли какие-то штабные бумаги, письма, фотографии. Ценность представлял дневник адъютанта. Его передали в штаб Приморской армии, отсюда — в Москву. Записки офицера о тяжелом моральном состоянии румынской армии, столкнувшейся с яростным сопротивлением русских под Одессой, опубликовала газета «Правда» в октябре 1941 года...

Командир первого батальона 54-го стрелкового полка капитан Иван Иванович Сергиенко относился к снайперу второй роты Павличенко очень хорошо. Он знал ее с первых дней службы, у него на глазах красивая и беззаботная студентка превратилась в закаленного бойца, осторожного, но не ведающего страха. Как наградить младшего сержанта за своевременно подбитый пулемет, за точный выстрел в румынского майора, случайно появившегося на переднем крае? Как отметить ее новое достижение — 100 уничтоженных солдат и офицеров противника?

Сергиенко отправил рапорт в штаб 25-й Чапаевской дивизии, и оттуда через неделю пришел ответ. Капитан, вызвав к себе Людмилу, сказал, что ей теперь надо ехать в поселок Дальник, к самому комдиву. Она испугалась встречи со столь высоким начальством. Но комбат успокоил: командование никаких претензий к Павличенко не имеет. Наоборот, хочет ее поощрить. К тому же она сможет лично представиться командиру 25-й дивизии генерал-майору Ивану Ефимовичу Петрову.

В своих «Записках снайпера» Людмила Михайловна вскользь упомянула об этом эпизоде. Она вообще была человеком очень скромным, даже застенчивым, и о наградах рассказывала неохотно. Но ее знакомство с генералом Петровым, который вскоре стал Главнокомандующим

Приморской армии, после этого продолжилось и в Севастополе. Сохранилась фотография, датируемая весной 1942 года. На ней Павличенко сидит рядом с тогдашним командиром 25-й дивизии генерал-майором Коломийцем и Иваном Ефимовичем Петровым. Впоследствии он стал одним из известных и заслуженных полководцев Великой Отечественной войны. О нем с большим уважением отзывался корреспондент газеты «Красная Звезда» писатель Константин Симонов. Он посетил село Дальник почти одновременно с Людмилой.

«Петров приехал с передовой, — вспоминал Симонов. — Одна рука у него после ранения плохо действовала и была в перчатке. В другой руке он держал хлыстик. Он был одет в солдатскую хлопчатобумажную летнюю гимнастерку с неаккуратно пришитыми, прямо на ворот, зелеными полевыми генеральскими звездочками и в запыленную зеленую фуражку. Это был высокий рыжеватый человек с умным усталым лицом и резкими, быстрыми движениями. Он выслушал нас, постукивая хлыстиком по сапогу...

Петров был человеком во многих отношениях незаурядным. Огромный военный опыт и профессиональные знания сочетались у него с большой общей культурой, широчайшей начитанностью и преданной любовью к искусству, прежде всего — к живописи. Среди его близких друзей были превосходные и не слишком обласканные в те годы официальным признанием живописцы. Относясь с долей застенчивой иронии к собственным дилетантским занятиям живописью, Петров обладал при этом своеобразным и точным вкусом.

По характеру он был человеком решительным, а в критические минуты умел быть жестким. Однако при всей

своей, если так можно выразиться, абсолютной военности он понимал, что в строгой военной субординации присутствует известная вынужденность для человеческого достоинства, и не жаловал тех, кого приводила в раж именно эта субординационная сторона военной службы...

Храбрость его была какая-то мешковатая, неторопливая, такая, какую особенно ценил в людях Лев Толстой. Дав и вообще в повадке Петрова было что-то от старого боевого кавказского офицера, каким мы его представляем себе по русской литературе XIX века...»¹

Если военные корреспонденты ожидали от комдива рассказа о боевых делах солдат и офицеров, и он выделил для беседы с ними 20 минут, держался строго и сухогато, то с младшим сержантом 54-го полка был добродушен и внимателен.

Петров сообщил Павличенко, что командование дивизии благодарит ее за службу и за успехи в уничтожении противника награждает именной винтовкой. Адьютант передал снайперу оружие. Людмила, взяв его в руки, благоговейно прикоснулась губами к вороненому стволу, как будто это была не стандартная заводская самозарядная винтовка Токарева образца 1940 года с прицелом «ПУ», а рыцарский меч, откованный в кузнице по особому велению государя. Генералу понравился поступок девушки, и он заговорил с ней: расспрашивал о службе, о семье, о родителях, о том, чем она занималась до поступления в армию.

Задушевный разговор с комдивом имел последствия.

Через неделю Людмиле было присвоено очередное воинское звание «сержант». Командир полка поручил ей коман-

¹ Цит. по: Карпов В. Полководец. М., 2011. С. 73—74.

довать отделением и готовить метких стрелков. Мысленно она вернулась в киевскую школу ОСОАВИАХИМа и постаралась взглянуть на кандидатов глазами своих наставников: «Снайпер должен обладать обостренным зрением и слухом, повышенным уровнем наблюдательности и своеобразным “звериным чутьем”, позволяющим ему предугадывать движения противника...» По личному опыту она знала, что для выработки «звериного чутья» требуется (естественно, при определенных врожденных способностях) никак не меньше четырех месяцев упорных занятий.

Но сейчас, когда кольцо вражеской блокады сжималось вокруг Одессы теснее и теснее, о таком сроке для подготовки не могло быть и речи. Командир пообещал Павличенко отпустить десять солдат, которых она отберет, в ближайший тыл максимум на неделю и дал... 500 патронов с «легкой» пулей образца 1908 года. Ведь чтобы научиться стрельбе, надо стрелять по мишеням. Утром, днем, вечером, стоя, лежа, с колена, «по-пулеметному», то есть положив ствол на какую-либо опору и придерживая приклад у плеча левой рукой.

Кроме стрельбы, она рассказывала новичкам о своем военном ремесле. Но лишь самое простое. Например, собственное оружие надо не только знать, но и любить. Полетом пули можно управлять, а для этого — правильно держать винтовку, правильно вычислять расстояние, правильно целиться. Стрелок должен обращать внимание на все: силу ветра, его направление, температуру воздуха. Также неплохо было бы при этом замаскироваться и нанести удар по врагу быстро и неожиданно...

Любовь к оружию — дело священное. Но бывает, что сердцу не прикажешь. Никакой сердечной склонности не

испытывала Люда к самозарядной винтовке Токарева образца 1940 года, хотя теперь она была у нее именной, подаренной самим командиром дивизии, который при личной встрече произвел на сержанта неизгладимое впечатление. Она подумала, что он — прирожденный офицер из семьи офицеров. На самом деле отец Петрова был сапожником в городе Трубчевске, но сумел дать сыну хорошее образование.

Нельзя сказать, что «Света» являлась для нее образцом совсем уж незнакомым. По штатному расписанию в стрелковом полку тогда числилось 1301 магазинная винтовка образца 1891/1930 года и 984 самозарядных винтовок СВТ-40 или АВС-36 (автоматическая винтовка Симонова образца 1936 года). АВС и СВТ имели примерно одинаковые параметры: калибр, длина, вес, коробчатый магазин (у АВС — емкость магазина 15 патронов, на 5 больше, чем у СВТ-40), тип затвора, принцип действия автоматики, начальная скорость пули.

Конечно, генерал-майор Петров преподнес снайперу улучшенный экземпляр винтовки Токарева: с прикладом и цевьем из орехового дерева, со стволом особо точной обработки, выполненной на прецизионном станке, с оптическим прицелом, на трубке которого была красиво выгравирована памятная надпись. К тому же ружье изготовили до войны, в сентябре 1940 года, что гарантировало применение марок стали весьма высокого качества и как следствие — надежность всех его деталей.

А насчитывалось их 143 штуки. Небольших, мелких, очень мелких. Автоматика действовала с помощью пороховых газов, которые всегда сопровождают пулю, мчащуюся по стволу. В СВТ-40 они попадали в газовую камеру,

расположенную над стволом, и там давили на цилиндр с длинным штоком. Шток же соединялся с толкателем, который упирался дальним кольцом в стемель затвора.

Винтовка начинала «огрызаться» (например, не перезаряжалась или с трудом выбрасывала гильзы), если давление пороховых газов менялось. Зависело оно, между прочим, от погоды, от температуры воздуха. Тогда стрелку следовало вручную отрегулировать отверстие в газоотводной камере: уменьшить или увеличить его. Капризничала «Света» и при слишком густой смазке, и при попадании пыли в ее механизм. Последнего не всегда удавалось избежать, поскольку место пехотинца при обороне — окоп, вырытый в земле, и земля эта в степи под Одессой была мягкой и рыхлой. Она легко превращалась в пыль под артиллерийским или минометным обстрелом...

В середине октября 1941 года румынские войска, получив подкрепления, повели наступление в Южном секторе обороны Одессы, в районе села Дальник — Болгарские хутора — деревня Татарка. Здесь занимали позиции 25-я Чапаевская стрелковая дивизия и 2-я кавалерийская дивизия. Отбивать вражеские атаки помогал дивизион гвардейских минометов под командованием капитана Небоженко. «Катюши» громили противника, а после их налета в дело вступали наши стрелковые и конные полки. Но захватчики не ослабляли напора, бросали в бой новые и новые части.

Яростные схватки происходили юго-западнее деревни Татарка 11, 12 и 13 октября. Командир 11-й румынской пехотной дивизии И. Теодореску, чьи воинские соединения вели эти бои, впоследствии вспоминал: «Реакция противника была исключительной сильной, в особен-

ности на северных окраинах... Советы вели автоматный и пулеметный огонь из домов, чердаков и погребов. Со стороны противотанкового рва вели огонь минометные батареи. Легкая артиллерия обстреливала наши резервы и штабы. Противник предпринял три контратаки против левого фланга Второго полка, который удерживал северную часть деревни...»

Румыны подошли близко к передовой линии 54-го полка.

Подготавливая очередную атаку, они ударили по русским позициям из минометов, причем — весьма прицельно. Может, их корректировщик заметил мощную дульную вспышку снайперской СВТ-40. Может, обратил внимание на громкий звук выстрела. И то и другое, к сожалению, являлось характерным для действия самозарядной винтовки Токарева.

Мины упали перед огненным рубежом второй роты. Они накрыли бойцов дождем осколков и комьев мягкой степной земли. Волна пыли покатила на их пулеметные гнезда, окопы, траншеи. Павличенко поспешила прикрыть «Свету» полый плащ-палатки, однако все равно затвор при нажатии на спусковой крючок не сработал. Помянув черта, сержант склонилась над ружьем и попыталась устранить неисправность. Каска мешала Люде. Она сняла стальной шлем и положила его на дно окопа.

Новый залп румынских минометов донес до снайпера тонкий и острый осколок. Он прорезал кожу на голове у Людмилы с левой стороны, под волосами. Кровь обильно потекла по лбу, залепила левый глаз, попала на губы, и Люда ощутила ее солоноватый привкус. Она поняла, что получила ранение, но скорее всего — легкое. Достав санитарный пакет из нагрудного кармана гимнастерки,

снайпер кое-как перебинтовала голову. Кровотечение приостановилось, но боль нарастала: рана жгла, саднила и как будто тянула кожу на всей голове.

На помощь сержанту пришла санинструктор второй роты Елена Палий, студентка второго курса Одесского мединститута, в сентябре добровольцем вступившая на службу в Красную Армию. По приказу капитана Сергиенко Палий доставила раненого снайпера в дивизионный медсанбат № 47. Здесь осколок удалили, рану зашили. Людмила полагала, что скоро вернется в родную воинскую часть и будет дальше защищать Одессу, но это был ее последний бой на войне в причерноморской степи.

Две недели назад, то есть 1 октября 1941 года, вице-адмирал Левченко и начальник оперативного отдела штаба Черноморского флота капитан второго ранга Жуковский доставили в Одессу секретную директиву Ставки, подписанную Сталиным: «Храбро и честно выполнившим свою задачу бойцам и командирам Одесского оборонительного района в кратчайший срок эвакуироваться на Крымский полуостров...»

Действительно, к концу сентября обстановка в Северном Причерноморье резко осложнилась. Гитлеровцы, овладев Донбассом, начали наступление на Крым. После ожесточенных боев они прорвались через Перекопский перешеек. Полуостров оказался изолированным с суши. Возникла угроза потери Севастополя — главной базы Черноморского флота. Потому дальнейшая оборона Одессы, оставшейся в глубоком тылу противника, теряла смысл. Черноморский флот, который обеспечивал обороняющихся оружием, продовольствием, боеприпасами, перевозя их с Кавказа, не мог действовать на двух направлениях.

Советские генералы разработали план, по которому покидать легендарный город воинские соединения Приморской армии должны были одновременно, совершив короткий марш-бросок от своих позиций в пригородах Одессы прямо на корабли Черноморского флота, стоявшие у причалов морского порта. «Час икс» наступал в ночь с 15 на 16 октября. Подготовка к этой десантной операции велась скрытно. Противника старались дезинформировать, жителям города и воинам, защищавшим его, ничего не сообщали.

К началу Великой Отечественной войны наш флот доминировал на Черном море. Он имел в строю: 1 линкор, 6 крейсеров, 17 лидеров и эсминцев, 2 сторожевых корабля, 47 подводных лодок, 4 канонерских лодки, 2 минных заградителя, 15 тральщиков, 84 торпедных катера, 10 морских охотников за подводными лодками и вспомогательные суда.

Одесская десантная операция им была проведена блестяще.

До 14 октября из осажденного города вывезли до 50 тысяч человек (войска, раненые, гражданское население), 208 орудий, около 900 автомашин, более 3200 лошадей, 162 трактора, тысячи тонн заводского оборудования. Перед этим боевые корабли не раз поддерживали мощным огнем своих орудий сухопутные воинские части Южного, Западного и Восточного секторов обороны.

К одиннадцати часам вечера 15 октября 1941 года, совершив трудный ночной двадцатикилометровый марш-бросок, солдаты и офицеры 25-й, 95-й, 421-й стрелковых дивизий и 2-й кавалерийской дивизии вместе с вооружением стали прибывать в Одесский морской порт и грузиться

на транспорты в пунктах посадки, для них назначенных. Так, большая часть «чапаевцев» эвакуировалась с причала № 17 на Платоновском молу, другая часть — с причалов Нефтегавани. Они поднимались по трапам на борт трех теплоходов-сухогрузов: «Жан Жорес», «Курск» и «Украина». Каждые сорок пять минут на суда переходила тысяча бойцов, каждые полтора часа — две тысячи. По трапам же доставляли станковые пулеметы и небольшие полковые минометы калибром 50 мм. Пушки поднимали грузовые стрелы сухогрузов. Затем их размещали в трюмах судов. Зенитные орудия — на палубе сухогрузов, чтобы при необходимости отбивать нападения фашистской авиации.

«В ночь на 16 октября оживление в Одесском порту было необычайное, — спустя десять лет после данного события вспоминал генерал армии и Герой Советского Союза И.Е. Петров, в то время уже командовавший не 25-й дивизией, а всей Приморской армией. — Со всех прилегающих улиц и переулков потоками стекались войска, направлялись к своим кораблям, стоявшим у пирса. Хотя и требовалось соблюдать полную тишину, однако войск оказалось так много на сравнительно ограниченном пространстве Одесского порта, что уберечься от суеты, шума и гомона массы людей было невозможно. Личный состав Одесской военно-морской базы на погрузке проявил величайшую организованность. Не обошлось, правда, и без курьезов. Был случай, когда два ротозея при погрузке свалились с пирса в воду, но их быстро вытащили моряки. Отдельные отставшие солдаты, нарушая общий порядок, блуждали по пристани, разыскивая свои части, и так далее. Но все это не помешало своевременно и полностью закончить погрузку...»

В караване «Одесса — Севастополь» находилось около 120 судов. Впереди шли крейсера «Червона Украина» и «Красный Кавказ», охранявшие теплоходы, на которых находились основные силы Приморской армии. Эсминцы «Бодрый» и «Смышленный» двигались в арьергарде каравана вместе с транспортом «Жан Жорес», «Украина», «Калинин», «Чапаев», «Абхазия», «Армения», «Грузия» и другими. Вражеская авиация дважды нападала на караван. Его успешно прикрывали наши самолеты, поднявшиеся с аэродромов в Крыму. Потопить немцам удалось только старый пароход «Большевик», который отставал из-за своих изношенных двигателей. Суда прибыли в Севастополь 17 октября вечером и пришвартовались в Стрелецкой бухте.

НА СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ ЗЕМЛЕ

Прекрасный белый город, еще не опаленный жарким дыханием войны, представился Людмиле во всей своей строгой, воинственной красе. Он раскинулся на берегах нескольких бухт, и вход в главную из них охраняли два старинных форта: Константиновский и Михайловский. Их мощные белокаменные стены с бойницами отражались в спокойных водах гавани. На вершине Центрального холма в лучах солнца сиял голубым куполом Владимирский собор — усыпальница четырех адмиралов, героев первой обороны. Посреди кудрявых аллей Исторического бульвара стояли скромные монументы павшим воинам Четвертого бастиона, Язоновского редута, батареи Костомарова, а также многофигурный памятник генералу Тотлебену и его храбрым саперам, которые успешно вели подземно-

минную войну с англо-франко-турецко-итальянскими войсками, что в 1854 году осадили Севастополь.

Одесса была много больше, ярче, разнообразнее. Темп жизни в ней задавал торговый порт, принимавший суда из десятков стран. Однако заграничные пассажирские лайнеры, сухогрузы или танкеры не могли даже приближаться к главной базе Черноморского флота. Лишь серые узкие корпуса советских эсминцев, тральщиков, сторожевиков занимали причалы Южной бухты, стояли на ремонте у молов Морского завода имени Серго Орджоникидзе.

Снайпер 54-го полка сравнивала Севастополь не с удалым морячком, сошедшим с палубы какого-нибудь заморского «купца» в Одессе, а с суровым воином, сжимающим в руках оружие и зорко всматривающимся вдаль. На южных рубежах Отечества он отвечал за его покой и безопасность.

В 1941 году население Севастополя достигало 114 тысяч человек. Кроме исторических памятников первой обороны он был известен Институтом физических методов лечения имени Сеченова, принимавшим пациентов со всей страны, Биологической станцией Академии наук СССР, знаменитой системой своих аквариумов и уникальной коллекцией живых рыб Средиземного, Черного и Азовского морей, обитающих в них. В городе имелся один драматический театр, три кинотеатра, два музея, картинная галерея и 13 библиотек, в том числе — Морская библиотека, основанная в 1822 году по инициативе и на средства офицеров Черноморского флота...

Севастополь гостеприимно встретил бойцов и командиров Приморской армии. Для раненых и больных здесь развернули госпитали примерно на три тысячи койко-

мест. Тем защитникам Одессы, кто в лечении не нуждался, но устал от окопной жизни, от бесперывных и яростных схваток с фашистами, предоставили возможность помыться в бане, сменить белье и обмундирование, отоспаться, отдохнуть.

Однако этот отдых получился недолгим.

Шел пятый месяц войны. Вражеские полчища уже вторглись в Крым. Их надо было остановить. Воинские соединения Приморской армии 21 октября 1941 года погрузились в эшелоны и по железной дороге отправились из Севастополя на север полуострова, чтобы встретить захватчиков на Ишуньских позициях.

Людмила осталась в госпитале, поскольку рана еще не зажила. С перебинтованной головой ее отпускали на прогулки по двору лечебного заведения, по ближайшим улицам и даже к морю, чтобы подышать свежим морским воздухом. Снайпер с интересом рассматривала окрестности города: скалы у береговой линии, холмы, овраги между ними, заросшие деревьями.

Из ровных степных пространств, к которым она привыкла и хорошо приурочилась, Людмила вместе с родной 25-й Чапаевской дивизией вдруг переместилась в совсем иные края. Живописные, но невысокие густые леса покрывали северные покатые склоны крымских гор. К югу они выходили отвесными каменными уступами, которые кое-где нависали над прибрежными долинами. Глубокие впадины, или, по-местному, «балки», между горными высотами чередовались с полями — здешний пейзаж имел довольно сложный рельеф. Он скрадывал, зрительно искажал расстояния, а они важны для снайперской работы.

Из Одессы Павличенко уехала, имея на личном счету 187 вражеских солдат и офицеров, уничтоженных за два с половиной месяца. Результат, достойный восхищения. Впрочем, такие достижения при упорной позиционной войне случались и у других сверхметких стрелков. Например, знаменитый участник Сталинградской битвы Василий Зайцев за полтора месяца истребил 240 гитлеровцев. В своей книге воспоминаний «За Волгой для нас земли не было» (Москва, 1981) сын сибирского охотника рассказал, что важным условием для его успеха явились два обстоятельства: малые расстояния для стрельбы (от 50 до 200 метров) и плотные боевые порядки противника.

Примерно так же складывалась ситуация и у Павличенко под Одессой. Во-первых, степь с ее отличной видимостью при ясных, солнечных днях в начале черноморской осени. Во-вторых, массированные атаки румын, которые шли на советские позиции во весь рост в сомкнутом строю или в густых цепях, представляя собой хорошие мишени. Конечно, к этому надо прибавить профессиональное мастерство, превосходное владение оружием, точный глазомер, солдатскую удачу.

Однако никакой награды, кроме именной винтовки да сержантского звания, за свои подвиги Людмила Михайловна тогда не получила, хотя некие стандарты в этом деле уже существовали. Например, на Финской войне нашим бойцам за 25—35 убитых противников давали либо медали «За отвагу» и «За боевые заслуги», либо орден Красной Звезды. Но трагическим летом 1941 года при отступлении Красной Армии, иногда просто паническом, ее командованию было не до соблюдения таких формальностей. Награждали очень скупой и часто — посмертно.

Вот и в Крыму, на Ишуньских позициях, советские войска продержались недолго. Им не хватало боеприпасов, поддержки артиллерии, о танковых атаках, за которыми бы двигалась пехота, приходилось только мечтать.

Уже 26 октября 1941 года германская Одиннадцатая армия под командованием генерал-полковника Эриха фон Манштейна вырвалась на просторы полуострова. Фашистская механизированная нечисть, окрашенная в болотный цвет, имеющая черно-белые кресты на бортах, жужжа моторами и звеня железными гусеницами, покатила по ровным степным дорогам на севере Крыма. Приморская армия отступила к Симферополю, затем повернула на юго-восток и дошла до Алушты, Ялты, Семеиза. Отбиваясь от нападающего противника, ее воинские соединения по горным и лесным дорогам шли к Севастополю. Командарм Приморской армии вместе со своим штабом прибыл в город 4 ноября.

Боевые действия на дальних подступах к Главной базе Черноморского флота начались раньше — в четверг, 30 октября. Четырехорудийная батарея береговой обороны № 54 под командованием лейтенанта Заики открыла огонь по колонне немецких бронетранспортеров, самоходок «StuG III Ausf» с короткими пушками, мотоциклов с колясками и автомашин с пехотой, двигавшихся по дороге к деревне Николаевка. Колонна от города Саки по западному морскому побережью прорвалась на восток. Оккупанты полагали, будто Красная Армия уже уничтожена и в Севастополь они войдут без боя.

Батарея № 54 израсходовала 62 снаряда калибра 102 мм. Артиллеристы стреляли метко. На дороге остались разбитые грузовики, сгоревшие мотоциклы, бронетранспортеры, лишившиеся хода, и много убитых солдат

в куртках мышинного цвета. Через два часа фрицы повторили нападение, но снова были отбиты. Триумфальное шествие по Крыму гитлеровской армады закончилось. Теперь ее ждали ожесточенные, изнуряющие, кровопролитные схватки за каждую пядь земли с доблестными защитниками города-героя.

В воскресенье, 2 ноября, вражеская авиация совершила десять налетов на оборонительные рубежи, корабли в бухтах и городские кварталы. Бомбы разрушили пять жилых домов. Под развалинами погибли девять мирных жителей, более сорока человек получили ранения разной тяжести. Прикрывая Главную базу ЧФ, летчики-истребители Ципалыгин и Феоктистов сбили два «юнкерса». Еще один «приземлили» зенитчики...

Немцы с первых дней ноября пытались взломать оборону города на дальних рубежах.

Например, 5-го числа им удалось овладеть селениями Биюк-Отаркой и Гаджикой, 6 ноября вражеская пехота, поддержанная танками, штурмовала село Дуванкой и вытеснила оттуда наши части. Также противник захватил высоту Ташлык и село Черкез-Кермен, расположенное недалеко от нее. 7 ноября на участке 2-го Перекопского батальона и 3-го полка морской пехоты фрицы нанесли сильный удар по хутору Мекензия. Данный хутор в конце XVIII века действительно принадлежал контр-адмиралу Российского императорского флота Томасу Мак-Кензи, по своему происхождению шотландскому горцу. Но после 1917 года он стал общенародной собственностью, в нем располагался лесной кордон № 2.

Фашисты расстреляли семью лесника и по-хозяйски разместились в доме. Они полагали, будто это одноэтаж-

ное строение скоро останется у них в глубоком тылу, и господа офицеры смогут приезжать сюда на охоту. Однако русские остановили их наступление примерно в полукилометре от кордона при огневой поддержке береговых батарей №№ 10, 19, 35. Особенно мощно били орудия калибра 305 мм, установленные на 35-й башенной батарее. Но сам хутор остался в руках у захватчиков.

Он являлся важным пунктом всей обороны.

С потерей хутора возникала реальная угроза прорыва противника к Северной бухте и в долину Кара-Коба, что привело бы к расчленению боевых порядков защитников Севастополя. Советское командование это понимало. Рано утром 8 ноября генерал-майор Петров и комендант береговой обороны генерал-майор Моргунов прибыли на Мекензиевы горы, чтобы лично руководить подготовкой атаки. После артиллерийской канонады в бой пошли бойцы 7-й бригады морской пехоты и двух приданных ей батальонов. Они выбили немцев с высоты 137, 5, прилегающей к хутору, а сам хутор все-таки освободить не смогли.

Между тем части и соединения Приморской армии продолжали прибывать в Севастополь. Они занимали свои места на оборонительных позициях, разделенных на четыре сектора. Третий сектор обороны располагался на пространстве Мекензиевых гор, между реками Бельбек и Черная, от железнодорожного полустанка «Мекензиевы горы», вдоль деревень Камышлы (совр. село Дальнее) и Биюк-Отаркой до хутора Мекензия. Комендантом сектора стал командир 25-й Чапаевской дивизии генерал-майор Т.К. Коломиец. У него в подчинении находились 54-й и 287-й стрелковые полки, 3-й полк морской пехоты, 2-й Перекопский полк МП и 7-я бригада МП. Командный

пункт этого сектора размещался в отдельных дворах юго-восточнее станции «Мекензиевы горы». Огневые рубежи для войск были хорошо подготовлены. Всего вырыто 1460 метров траншей и ходов сообщения, 447 землянок и блиндажей, обустроено 8 артиллерийских ДЗОТов (деревоземляных огневых точек) и 31 пулеметный¹.

Людмила Павличенко, получившая очередное звание «старший сержант», присоединилась к родному полку, наконец-то добравшемуся до Севастополя, 9 ноября 1941 года. В первом батальоне она не нашла многих своих сослуживцев. Бои на Ишуньских позициях дорого достались «разинцам». Например, получил тяжелое увечье и был отправлен в тыл комбат Иван Иванович Сергиенко. Его место занял старший лейтенант Григорий Дромин, прибывший вместе с маршевым пополнением. Может, он и был человеком смелым, только по внешнему виду — очень угрюмым, малоразговорчивым, необщительным.

Старший сержант Павличенко была назначена командиром снайперского взвода, который ей еще предстояло создать из недавно поступивших в полк солдат. Женщины на строевых должностях в армии представлялись Дромину совершенно ненормальным, даже абсурдным явлением. Но лейтенанту доходчиво объяснили, что таково повеление высшего начальства, с коим старший сержант знакома накоротке, и он тотчас оставил ее в покое, не собираясь ни хвалить, ни ругать, и уж тем более — награждать.

Впрочем, не сразу довелось Людмиле заняться обучением новичков. Обстановка на переднем крае к тому

¹ Здесь и далее все данные по: *Ванев Г.И.* Севастополь 1941—1942. Хроника героической обороны. Киев, 1995. Ч. I, II.

не располагала. На участке села Шули — Верхний Чоргунь — Черкез-Кермен — хутор Мекензия без конца происходили короткие стычки и перестрелки. Фрицы проверяли крепость русских огневых рубежей. Наша разведка доносила, что гитлеровцы к концу дня 10 ноября сосредоточили у Севастополя значительные силы: три пехотные дивизии 50-ю, 72-ю, 132-ю, 118-й моторизованный отряд и румынскую мотобригаду, 13 дивизионов полевой артиллерии, более 150 танков и 300—350 самолетов. Также к ним подходили моторизованные части 22-й пехотной дивизии. Один из отвлекающих ударов генерал-полковник фон Манштейн предполагал нанести на стыке второго и третьего секторов нашей обороны: хутор Мекензия — высота 269,0.

Особенно яростные столкновения у хутора развернулись 11, 12 и 13 ноября. Перед бойцами и командирами 54-го полка стояла задача овладеть хутором, выбить оттуда фашистов. Поначалу наступление развивалось успешно. Наши части отбросили противника, но он ввел в действие резервы численностью до одного полка пехоты, и таким образом остановил атаки «разинцев» и бойцов 7-й бригады морской пехоты, плечом к плечу сражавшихся вместе с ними.

Первый штурм Севастополя продолжался почти 25 суток. Несмотря на численное превосходство, массированное применение авиации и танков, которых у защитников города не было, захватчикам удалось лишь на 3—4 километра потеснить советские войска в первом секторе обороны (восточнее рыбацкого поселка Балаклава) и на 1—2 километра в третьем секторе в районе деревень Дуванкой, Черкез-Кермен и хутора Мекензия.

Отбиваясь от врага, наша артиллерия выпустила примерно 20 тысяч снарядов, ее действия реально помогли доблестной севастопольской пехоте. В огневой поддержке участвовали также 11 кораблей Черноморского флота, израсходовав более двух тысяч снарядов. При ведении такого огня 12 ноября 1941 года затонул крейсер «Червона Украина», который стоял на якорях в Южной бухте недалеко от Графской пристани. Его разбомбила немецкая авиация. Все попытки экипажа спасти легендарный корабль ни к чему не привели.

Наши потери при первом штурме составили 16 493 человека убитыми, ранеными, пропавшими без вести. Почти шесть тысяч раненых удалось вывезти морем на Кавказ, а оттуда вовремя доставить людские пополнения, боезапас, вооружение и снаряжение.

Немцы потеряли около 15 тысяч солдат и офицеров, 150 танков, 131 самолет и на некоторое время успокоились, однако не отступили. Главнокомандующий Одиннадцатой германской армией генерал-полковник Эрих фон Манштейн доложил фюреру, что Севастополь оказался первоклассной крепостью, которую без длительной подготовки взять штурмом невозможно...

Воскресное утро 25 ноября выдалось сумрачным, хмурым.

На фронте наступило затишье. Оба противника вели редкий, беспокоящий артиллерийский, минометный и пулеметно-ружейный огонь, оставаясь на своих позициях. В частности, 54-й и 287-й стрелковые полки, 3-й полк морской пехоты и 2-й Перекопский полк МП находились на один километр западнее хутора Мекензия, на высотах 319,6—278, 4—175,8. Это были возвышенности, зарос-

шие лесом: вяз, клен, бузина черная, дикая яблоня — с густым подлеском: грабинник, колючка «держи-дерево», можжевельник. Кое-где кустарник был вырублен, кое-где сожжен, кое-где остался цел и невредим.

Нейтральная полоса, с двух сторон обозначенная окопами, извилистыми ходами сообщения, участками с противотанковыми рвами, минными полями и колючей проволокой, достигала ширины в 100—150 метров. Она тянулась на многие километры с востока на запад по крымским равнинам и горам от берега моря у рыбацкого поселка Балаклава до реки Бельбек, мелкой и бурливой.

Впрочем, выходы на нейтральную полосу и даже переходы через нее существовали. Почти незаметно ее можно было пересечь на Мекензиевых горах, то есть по гребню Камышловского оврага и соседней с ним Темной балки. Эти места хорошо знали разведчики, ходившие в тыл к фрицам за «языками». Людмиле тоже предстояло их изучить, а пока она рассматривала лес в бинокль и слушала пояснения лесника с кордона № 2 Анастаса Вартанова, чудом избежавшего смерти в начале ноября, когда немцы захватили хутор Мекензия.

Интереснейшие вещи рассказывал ей старый егерь, всю жизнь прослуживший в лесничестве. По его словам, ходить по лесу и ориентироваться в нем легко, ибо деревья обладают характерами и своеобразной внешностью, по которой он различает их. Деревья не боятся ветра, гуляющего на высоте 310 метров чуть ли не каждый день. Но они боятся осеннего тумана, когда облако молочного цвета тихо опускается на гребень горы, сковывая окрестности холодом и мертвящей тишиной.

В окуляры снайперского бинокля попадали то мощные сероватые стволы дубов скальных, то бурая бороздчатая, с продольными трещинами кора векового вяза, или, по-крымски, «карагача», то светло-желтые, похожие на раскрытую человеческую ладонь листья кленов, кое-где уцелевшие на кронах, то серая паутина тонких ветвей «держи-дерева», с прямыми и загнутыми колючками.

Осенний лес был красив необычайно. Он притягивал к себе, завораживал. Он представлялся ей идеальным местом для маскировки и вовсе не идеальным — для меткой стрельбы. Куда полетит пуля, ведь она не заяц, чтобы петлять между стволами? Как правильно вычислить расстояние до цели при оврагах, невидимых из-за буйно разросшихся кустарников?

Старый егерь словно бы прочитал ее мысли. Он сказал, что по лесу надо ходить каждый день, и тогда она легко вычисляет все расстояния. Лес надо полюбить, почувствовать его, мысленно разговаривать с ним, и он отзовется.... если захочет. Тогда ее он скроет от врагов, а ей врага покажет. Павличенко безмерно удивилась таким словам, но другого инструктора по действиям в лесу сейчас у нее не имелось.

Неделю назад Людмила и не подозревала о существовании Анастаса. Он родился в Крыму в прошлом веке в семье обрусевших армян, сто лет верой и правдой служивших российским государям, кои имели на полуострове поместья и обширные охотничьи угодья. Его дед и отец были лесниками. Затем эта должность перешла к нему по наследству, поскольку он вырос в лесу и знал его как свои пять пальцев.

Жизнь Вартанова и его дружной семьи проходила на кордоне № 2 «Хутор Мекензия». Старинный барский дом

после пожара быстро разрушился, фруктовый сад, окружавший его, одичал. Но егеря-то всегда жили отдельно. На том же плоском взгорье, что имело высоту 310 метров над уровнем моря, для них построили целую усадьбу с небольшой конюшней и скотным двором, с баней, мастерской, дровяными сараями, теплицами, к которым примыкал огород. Теперь там находились немцы. А в метрах ста от дома, в роще, он похоронил свою родню, расстрелянную фашистами.

Вытерев кулаком слезу, сбежавшую по щеке, Анастас сказал старшему сержанту о своем заветном желании. Чужакам, вероломно вторгшимся на крымскую землю, разоряющим ее всеми способами, убивающим не только армейских людей, но и мирных жителей, надо отомстить. Он видел, как взвод Людмилы Михайловны, вооруженный винтовками с какими-то особыми прицелами, несколько дней подряд отбивал атаки немцев. Винтовки очень хорошие, и теперь, когда на фронте бои вроде бы кончились, можно с ними напасть на фрицев с тыла и перестрелять их быстро, как бешеных собак. Тайную тропинку к хутору, проложенную через лес по западной его стороне, лесник покажет хоть сейчас.

Старший сержант не ответила народному мстителю. В подобных случаях она не доверяла никому. Сведения были интересными, но нуждались в уточнении. Павличенко отправилась в штаб полка, чтобы побеседовать с ПНШ-2, или, попросту говоря, помощником начальника штаба по разведке капитаном Безродным. Как и снайпер Люда, он служил в 54-м полку с июня 1941 года и поначалу командовал двумя взводами разведки: конным численностью в 32 человека и пешим численностью в

53 человека. От конной разведки ничего не осталось, поскольку лошадей бросили в Одессе. Пешая разведка, сократившись до двадцати пяти человек, продолжала свою полезную деятельность.

Капитан, выслушав Люду, пообещал быстро навести справки в штабе Севастопольского оборонительного района и в целом одобрил план первого набегу снайперов и разведчиков на вражеский опорный пункт, расположенный в ближайшем к русским немецком тылу. Осталось дождаться ответа от высокого начальства. Он пришел через два дня. Все рассказанное Вартановым подтвердилось. Тогда старший сержант решила пойти с лесником через лес на Мекензиевых горах и самолично убедиться в том, что и тропинка существует, и фрицы на хуторе есть...

От клена с изогнутым стволом узкая грунтовая дорожка расходилась надвое. Если бы не старый егерь, то Людмила не заметила бы ее поворота направо. Заросли «держи-дерева», кустарника высотой под два метра, широко раскинулись тут и подобно густой вуали скрывали подлесок. «Христова колючка» — так иногда называли это растение, обитающее по большей части в Средиземноморье и на севере Африки. Согласно легенде, из его веток был сплетен терновый венок для Иисуса Христа. В конце ноября крымское «держи-дерево» стояло без листьев. Но великое множество зигзагообразных побегов, длинных и коротких, расходилось в стороны от нетолстого серого его ствола. На них торчали десятки колючих колючек: одни прямые, как игла, другие — вроде рыболовных крючков, острые и кривые.

За плечо камуфляжной куртки снайпера немедленно зацепился такой зловредный отросток. Они никак не от-

пускал Людмилу. Пришлось ломать целую ветку. Сухой треск в предутренней тишине прозвучал, как сигнал тревоги. С ближайшей акации сорвалась стайка синиц. Вартанов укоризненно покачал головой и сказал:

— Осторожнее, товарищ командир!

Вскоре они увидели старинный водовод — ржавую трубу сантиметров двадцати в диаметре. Она вела к заброшенному колодцу. На его присутствие указывал и «журавль», поднявший свой хобот кверху. Роща тут становилась гуще, деревья теснились вплотную друг к другу у источника животворной влаги. Колодец имел вид черной ямы в земле, кое-как огороженной камнями и прикрытой досками.

Судя по карте, за колодцем нейтральная полоса кончалась и начиналась территория, захваченная немцами. Старший сержант и лесник присели отдохнуть и попить чистой воды, выходящей на поверхность из карстовых глубин крымских гср. Сухой паек, выданный на ротной кухне, состоял из краюхи ржаного хлеба и двух полосок розоватого сала, обсыпанных солью и размолотым черным перцем. Тем и удовольствовались. Вартанов увлеченно продолжал рассказывать снайперу про лес, который он знал лучше всего на свете.

Сидели они на стволе старого клена, вероятно, поваленном взрывной волной, и Анастас вспомнил древние славянские сказания о нем. Это будто бы такое дерево, в которое превращен («заклят») человек. Потому клен нельзя использовать на дрова, нельзя делать из него гробы, нельзя листья клена, или «явора», подкладывать под хлеб в печи. Обращение человека в явор может произойти после его смерти, и матери часто причитают над умершим

сыном: «Ах ты, мой сыночек, мой же ты яворочек!» Церковь признает чудодейственную силу клена: на Троицу, в день Божьего Тела, ветками клена надо украшать ворота и дома.

Налетел порыв ветра, и тихий голос егеря растаял среди перестука голых веток. Людмила оглянулась. Как тут не поверить, что они, деревья, подобно людям, растут, живут, имеют лица, различаются по характерам и оттого спутать их между собой невозможно. Только она пока остается человеком степи и ничего здесь особенного не чувствует...

К хутору Мекензия егерь вывел ее с северо-западной стороны, когда солнце уже поднялось. Взобравшись на дерево, Павличенко в бинокль наблюдала картины мирной жизни тыла германской Одиннадцатой армии. По дороге между хутором и деревней Залинкой размеренно двигались немецкий транспорт и люди в куртках и шинелях мышинного цвета. Около дома лесника стояло два колесно-гусеничных бронетранспортера «Sd Kfz. 250», мотоцикл «Zundap KS750», который при мощности мотора в 28 лошадиных сил мог перевозить легкие орудия, три мотоцикла «BMW R12» с пулеметами, установленными на их колясках, большой грузовик, крытый брезентом. У шлагбаума дежурили два человека с повязками полицая на рукавах. Это были крымские татары, коварные предатели советской власти.

Около двенадцати часов дня появилась полевая кухня, и соблазнительный запах мясного картофельного супа донесся до разведчиков. К кухне с котелками собралось человек пятьдесят солдат. Получив свои порции, они разошлись далеко не сразу, переговаривались между собой,

курили, ждали раздачи кофе. Нижним чинам немецкой армии полагался не настоящий кофе, а суррогатный, и запах у него был совсем не такой приятный.

После обеда из дома вышел высокий, стройный голубоглазый офицер, одетый в китель с витыми серебряными погонами. Людмила уже немного разбиралась во вражеской униформе и определила, что это майор артиллерии, награжденный орденом «Рыцарский крест», а также серебряным «Штурмовым знаком». Дверь дома, откуда он появился, отстояла от дерева, где расположилась Павличенко, примерно на 150—160 метров и точно напротив него, то есть со стороны немецкого тыла. Она отметила это в своих записях. Жить майору оставалось недолго.

Не подозревая об опасности, фашист закурил сигару и вместе с ординарцем, который держал в руках какую-то папку с бумагами, сел в легковую машину «Опель-капитан». Подпрыгивая на ухабах, машина поехала по дороге, но не в деревню Залинкой, а к селению Черкез-Кермен. Там, согласно донесениям нашей разведки, была штаб-квартира 11-й армии и жил ее командующий генерал-полковник Эрих фон Манштейн. Наверное, майор торопился на совещание к генералу...

Прямоугольный лист бумаги, прикрепленный к плоской полевой сумке, постепенно заполнялся разными знаками. Людмила рисовала для себя «Карточку огня». В виде квадрата она изобразила дом лесника, в виде треугольников — скотный двор и сарай, извилистой линией — проселочную дорогу, двумя черточками — шлагбаум на ней. Расстояния тоже указывала, хотя и условно, на глаз. В центре композиции очутился весьма заметный ориентир — беловатая, испещренная впадинами и трещи-

нами слоистая глыба. Так выходят на поверхность породы известняка, что нередко бывает на западных крымских возвышенностях, относящихся к геологическому типу «куэста». Кроме этой особенности Людмила обратила внимание на ветер. Кроны деревьев сильно качались, над дорогой крутилась белая пыль.

Спустившись с дерева вниз, Павличенко показала свое произведение Варганову. Он удивился дотошности старшего сержанта и сообщил ей истинное расстояние от ворот своей усадьбы до известкового камня — 43 метра. Люда искренне поблагодарила старого егеря. Таковая деталь помогала указать на «Карточке огня» дистанции между объектами более точно, что обеспечивало лучшее прицеливание. Она также спросила лесника про ветер и услышала в ответ рассказ о том, что в ноябре здесь часто властвуют штормовые холодные ветра с севера и северо-востока. Старая снайперская присказка напоминала про это: «Ружье стреляет, ветер пули носит!»

К операции за линией фронта готовились серьезно, но недолго, так как сведения могли устареть.

Все дистанции на хуторе, с какой стороны леса к нему ни подойди, укладывались в 150—180 метров. Зато ветер мог приготовить неприятный сюрприз. Баллистические таблицы, которые Павличенко заучивала наизусть в киевской Снайперской школе ОСОАВИАХИМа, помогали быстро рассчитывать поправки при разной силе ветра, соответственно вызывающей разные отклонения пули от плоскости стрельбы. Определить силу ветра и рассчитать поправку могла только сама Людмила. Значительная часть бойцов ее взвода до сей высшей стрелковой математики не доходила. Очень велики были потери во время

первого немецкого штурма Севастополя. В строй вставали солдаты из маршевых рот, прибывающих на кораблях из Новороссийска. Им старший сержант успевала объяснять лишь самые простые приемы.

Между тем во время вылазки будет дорога каждая пуля. Она должна поразить цель, и получалось, что ответственность за правильную ее траекторию ложится на командира. Помощник начальника штаба 54-го полка по разведке капитан Безродный спрашивал, понимает ли это товарищ Павличенко, сумеет ли управлять огнем всей группы при возникновении сложной ситуации в бою.

— Сумею, товарищ капитан, — твердо ответила она.

Из своего взвода Людмила взяла в группу Федора Седых, жителя Сибири, человека богатырского сложения, неспешного, обстоятельного. Он был из бойцов того, первого ее отделения, которое она обучала еще перед отъездом из Одессы. За храбрость и отличную стрельбу Павличенко представляла его к воинскому званию «ефрейтор», затем — «младший сержант». Седых имел тот самый особый «глазомер», поскольку с детства ходил с отцом на охоту. Правда, в баллистических таблицах разбирался он с трудом, больше действовал по наитию. По выбору младшего сержанта она назначила еще двух стрелков, ибо боевое товарищество — хорошее подспорье в рейде через нейтральную полосу.

Капитан Безродный дал ей двух опытных солдат из взвода пешей разведки. Эти крепкие ребята знали правила рукопашного боя, стреляли из всех видов ручного оружия, не раз ходили к фашистам в тыл за «языками». На сей раз вооружились они новенькими автоматами «ППШ-41». Был у них и пулемет Дегтярева с тремя запасными дисками.

Вместе со снайперами и разведчиками просился в ночной поход и Анастас Вартанов. Но он умел хорошо стрелять только из ружья системы «Бердан-2». Некоторое сходство с винтовкой Мосина оно имело. Потому они решили дать ему простую, не снайперскую «трехлинейку» и все-таки взять с собой, ибо ценность его лесных познаний сомнений не вызывала.

В общем, нагрузка на солдат была немалая: по двести патронов каждому, по пять гранат, винтовки, автоматы, ручной пулемет, саперные лопатки, фляги с водой, сухой паек. У Людмилы — еще и пистолет «ТТ» с двумя магазинами — шестнадцать выстрелов. Впрочем, если в подобном рейде придется воспользоваться пистолетом — значит, дело приобрело плохой оборот...

Но пистолет не понадобился.

На рассвете они пришли к хутору Мекензия и заняли позиции в тылу гитлеровцев, согласно разработанному плану: Людмила со старым егерем — напротив дома, держа вход в него на мушке; три снайпера — в пятнадцати метрах от нее слева, два разведчика — в пятнадцати метрах справа. Их цель — середина поляны и камень — известняк, где останавливалась полевая кухня.

Боковой ветер силою примерно 4—6 метров в секунду дул порывами, то затихая, то усиливаясь. Ближе к полудню его направление определилось точнее — под углом до 90 градусов. Людмила сосчитала поправку для шкалы бокового барабанчика на металлической трубке оптического прицела — $\frac{1}{2}$ при дистанции 150—180 метров — и показала подчиненным знак пальцами, чтобы они также отрегулировали прицелы на своих винтовках «СВТ-40».

Немцы — солдаты очень дисциплинированные — собрались в нужном месте, в нужное время и в нужном количестве. Кухня подъехала в 11.37, приступила к раздаче еды в 11.50. Людмила ждала, когда фрицы обступят кухню потеснее. На прицеле она держала долговязого унтер-офицера. Он выделялся среди других, что-то громко говорил, рядовые его слушались. Наконец унтер подошел к повару, разливавшему черпаком суп. Павличенко, еще раньше положив указательный палец на спусковой крючок своей именной «СВТ-40», теперь мягко нажала на него, и выстрел прозвучал.

Так принято при проведении рейда: первым стреляет командир группы, его выстрел — сигнал для всех остальных о том, что операция началась.

Русские открыли ураганный огонь с трех точек, который стал кромсать серо-зеленую толпу на части, валить врагов на землю. Унтер-офицер упал первым с простреленной головой. Повар, который в это время протягивал ему кружку, наполненную кофе, сначала ничего не понял, но потом спрятался за кухней. Русские пули пробили оба котла на ней. Картофельный суп смешался с коричневым кофе и, дымясь, потек на серовато-белую крымскую почву. Через минуту ее стало не видно из-за тел германских пехотинцев.

Майор артиллерии выскочил из дома, услышав крики и пальбу. Пуля тотчас пробила ему переносицу — это был привет от снайпера Люды. Старый егерь тоже стрелял, и довольно метко. Он убил ординарца. Через поляну, покрытую фрицами в серо-зеленых мундирах, нападающие бросились к дому. Павличенко вытащила документы майора из кармана его кителя, срезала «финкой» один

погон и металлический знак ордена «Рыцарский крест», достала из черной кожаной кобуры офицерский пистолет «вальтер». Разведчики тем временем ворвались в здание, беспрерывно стреляя из автоматов. Они хотели забрать штабные бумаги.

— Партизанен! — раздался крик оттуда.

Связист-ефрейтор, прижимавший к уху трубку полевого телефона, больше доложить начальству ничего не успел, поскольку получил пулю в грудь. Все, что лежало перед ним на столе — карты, донесения, приказы, книга кодов, — досталось отважным бойцам 54-го имени Степана Разина стрелкового полка. Убегая, они прихватили с собой и висевший на стене туго набитый солдатский ранец, и пистолет-пулемет, который у нас в народе почему-то называют «шмайссер», хотя талантливый германский конструктор оружия Гуго Шмайссер к нему никакого отношения не имел, а производила это интересное во всех смыслах изделие фирма «ERMA», маркируя его «MP-38» и «MP-40».

Группа покинула место боя столь же стремительно, как и атаковала. Бежали через лес почти полкилометра. Уходили на юго-восток по охотничьей тропе, которую знал Вартанов. Он вел их к нейтральной полосе, но днем переходить ее не следовало. У лесника имелась на примете дальняя заимка: деревянная хибарка, наполовину вросшая в землю недалеко от родника, среди высоких деревьев бузины и акации, с густым подлеском из «держи-дерева», грабинника, можжевельника колючего. Там бойцы, повалившись на землю от усталости, стали ждать наступления темноты.

На рыжей мягкой хвое под можжевельником они лежали вповалку и спали беспробудным солдатским сном.

Первым караул нести вызвался Вартанов, хотя из-за преклонного возраста устал больше других.

Павличенко проснулась часа через три, точно услышав звонок будильника. В лесу что-то изменилось. Ветер утих, сильно похолодало. Температура воздуха не превышала шести градусов, и плотное облако, цветом сходное с молоком, медленно опускалось на склон горы. Деревья, ожидая погружения в него, словно оцепенели, вытянулись вверх. Правду говорил ей старый егерь: они боятся осеннего тумана.

Вартанов вместе с Федором Седых хозяйничали у родника. Они вырыли углубление в земле и развели там небольшой костер. Его дым смешивался с туманом и потому опасен для группы не был. Над огнем висел котелок. Вода уже закипала. На плоском камне солдаты расставили кружки, фляги, хлеб, нарезанный толстыми ломтями, брикеты пищевого концентрата горохового супа-пюре, которые собирались растворить в кипятке. Имелось и существенное дополнение к обеду: в немецком ранце, который они унесли из дома лесника, оказался офицерский сухой паек: сырокопченая колбаса, сыр, жестяные банки с сардинами в масле, галеты, то есть продукты рядовым защитникам Севастополя абсолютно недоступные.

Это порадовало участников рейда ничуть не меньше, чем благополучный исход боя. Непосредственное отношение к фронтовой удаче имела старший сержант Павличенко. Знаменитый снайпер привела их к месту засады, вовремя отдала приказ об открытии огня и затем вывела свой отряд из фашистского тыла. Однако Людмила Михайловна держалась скромно. Присев на трухлявый пенек в сторонке, она внимательно рассматривала собственные

трофеи. Довольно долго ее занимала конструкция пистолета «вальтер», доселе Люде незнакомая, потом — германский орден, но более всего — документы убитого ею офицера.

Зная латынь, владея в пределах университетского курса английским языком, Людмила кое-что разобрала. Например, имя, фамилию, дату рождения, места сражений, где майор участвовал. Боевой путь, увенчанный лаврами, пролегал по территории Чехословакии, Франции, Польши. Красивая белокурая женщина, обняв двух мальчиков-подростков, смотрела прямо в объектив фотоаппарата и улыбалась. На обороте фотокарточки чернели четкие буквы: «Mein Herz! Mit Leibe, Anna...» Ее письмо, достаточно длинное, лежало здесь же. Люда, естественно, прочитать его не смогла. Она видела только, что майор написал жене ответ, но отправить его не успел.

Чужая жизнь, прерванная «тяжелой» пулей из ее снайперской винтовки, теперь лежала словно бы на ладони. Но Люда никогда не думала о захватчиках как об обычных людях, достойных жалости или сострадания. Вероломно переступив границу ее родной страны, они лишись права на эти простые человеческие чувства. Они сами захотели быть «сверхчеловеками». А монстров, обладающих измененным сознанием, начисто лишенных совести и морали, надо уничтожать быстро и безо всяких колебаний...

Павличенко участвовала не только в рейдах по тылам врага.

Хорошо изучив крымский лес, она начала собственную, индивидуальную охоту на солдат и офицеров противника. Для этой ювелирной работы совершенно не подходила «СВТ-40». Главное ее преимущество — автоматика и ма-

газин с десятью патронами — здесь оставалось без применения. Бывало, за весь день старший сержант делала два-три выстрела и патроны для них сберегала в кармане гимнастерки, под ватником, чтобы порох сохранял нужную температуру. Громкий же звук самозарядной винтовки Токарева и яркая дульная вспышка при выстреле сильно демаскировали снайпера, и за это Люда однажды чуть было не заплатила жизнью, еле-еле успев откатиться к запасному окопу. С тех пор подарок генерал-майора Петрова, бережно завернутый в холстину, хранился в блиндаже, а старушка-«трехлинейка» с отогнутой вниз рукоятью затвора и с длинным прицелом «ПЕ» заработала снова и была в цель ничуть не хуже, чем раньше.

Добыча попадалась разная.

От убитых врагов она приносила и сдавала капитану Безродному солдатские книжки, письма, фотографии и, конечно, оружие. То карабин «Zf Kar98k» с отличным оптическим прибором, изготовленным фирмой Карла Цейсса, но это редко, поскольку немцы под Севастополем в ноябре — декабре 1941 года снайперов имели мало. То стандартную винтовку вермахта, произведенную на заводах фирмы «Маузер-Верке», которой был вооружен связист, тянувший телефонный провод от одного командного пункта к другому. То пистолет-пулемет «MP-40», принадлежавший мотоциклисту-ординарцу, легкомысленно остановившемуся возле кустов, чтобы полакомиться спелыми плодами кизила.

Оккупанты стали вести тщательное и постоянное наблюдение за нейтральной полосой. От их внимания ничто не ускользало, а уж одиночный выстрел из винтовки, раздавшийся в утренней тишине, — тем более. Они сразу

открывали огонь из пулеметов и минометов, причем часто лупили наугад и, как говорится, по площадям, не жалея ни патронов, ни мин. Таковое их действие Людмила иронически именовала «концертом». В нем солировали — конечно, в силу громкости звука и значительного количества разрывов — минометы «5sm le GrWr.36», имевшиеся в каждом взводе германской пехоты. Они выбрасывали из коротких стволов, установленных на металлических поддонах, небольшие, весом в 910 граммов, мины, начиненные тротилом. Обычно, отлеживаясь в укрытии, старший сержант наблюдала, как оранжевым шаром вспыхивает эта мина при разрыве и как потом во все стороны летят ее мельчайшие осколки, громко шелкая по ветвям скованного холодом леса.

Если немецкое «музыкальное сопровождение» затягивалось и Люда находилась уже недалеко от советских позиций, то она просила помощи у наших пулеметчиков, привлекая их внимание свистом, криком: «Ребята, выручайте!» — или поднимая над головой малую пехотную лопатку. Пулеметчики начинали перестрелку с фашистами, и те забывали о снайпере, который ушел на свою сторону буквально у них под носом.

Между собой солдаты снайперского взвода обсуждали боевые удачи своего командира и делали самые неожиданные выводы. Болтали, будто Людмила Михайловна — заговоренная, и заговорила ее от смерти бабка-знахарка в селе под Одессой, спасенная снайпером от румын. Болтали, будто в лесу Люда осторожна и тиха, как рысь, и потому за ней ходит, ничуть ее не боясь, леший и своими руками-корягами притягивает к себе пули, летящие в ее сторону. Болтали, будто она может слышать через грунт

все, что происходит вокруг на расстоянии полукилометра, и потому вовремя меняет огневые рубежи, всякий раз находя новый и наиболее безопасный.

Кое-что из этих и других им подобных выдумок являлось правдой. Например, в киевской Снайперской школе ОСОАВИАХИМа курсантов обучали разным приемам наблюдения за противником. Ведь известно, что через землю хорошо передаются звуки шагов, движения техники, сбрасывания грузов, шанцевых работ, стоит только воткнуть в грунт малую пехотную лопатку и прижать ухо к ее черенку. Еще лучше закопать в землю флягу, до половины наполненную водой. Если в ее горловину вставить резиновую трубку одним концом, то через другой, приближенный к уху, можно будет услышать многое из того, что делается вокруг вашего месторасположения.

Однако для того, чтобы распознать такие звуки, точнее — тени звуков, снайперу следует, образно говоря, «обратиться в слух», то есть забыть про все окружающее и сконцентрировать свое внимание до высочайшей степени. Не меньшей отреченности от собственного бытия требует пребывание и маскировка в лесу. Он поможет, он спрячет, он выдаст тебе врага. Однако ты сумеешь раствориться в его заповедном пространстве, стань безмолвным и неподвижным, словно бы древовидным существом. Этому учил Людмилу старый егерь Вартанов. Но он вырос в лесу. Она же, будучи коренной горожанкой, достигала подобного превращения бешеным усилием воли.

Никто, кроме солдат боевого охранения, не видел, как снайпер Павличенко уходит на охоту. Действительно, шагая мягко, размеренно, неслышно, точно дикая лесная кошка, она после полуночи подбиралась к нейтральной

полосе и скрывалась среди деревьев. Были у нее там разведанные тропы с зарубками на стволах деревьев, и по ним она без помех перемещалась в темноте. Были и заранее подготовленные огневые позиции. Иногда они представляли собой неглубокие окопчики, приспособленные для стрельбы лежа и обязательно — с упора, поскольку многочасовое ожидание с тяжелой винтовкой выдержать невозможно. Иногда это были настоящие норы, прикрытие сверху ветками, обломками стволов, прошлогодними листьями, обрывками ткани.

Людмила укрывалась в лесу по-разному.

Она полюбила вечнозеленые заросли можжевельника и землю под ними, густо усыпанную хвоей. Лежать на ней удобно, и терпкий запах бодрит, не дает расслабиться. Постепенно привыкла она и к уродливому «держи-дереву», которое весьма неприхотливо и растет на каменистых склонах, упорно цепляясь за почву черными узловатыми корнями. Среди них, выступающих наружу, под вуалью из сероватых веток и веточек, под искривленными стволами устроить секретное лежбище несложно. Поваленный ветром, сгнивший от старости дуб скальный, тоже подходит для засады. Плющ диковинно оплетает его мощные ветви, и уже не поймешь, что ты видишь перед собой: то ли морды зверей, то ли камни, то ли обломки высохших деревьев. Сучком покажется неопытному наблюдателю и вороненый ствол ружья, просунутый между бугристых побегов...

Генерал-полковник Эрих фон Манштейн доложил фюреру, что 21 декабря 1941 года Севастополь будет взят и победоносные немецкие войска, оставив его в тылу, начнут наступление на Кавказ, к нефтяным промыслам, кото-

рые крайне необходимы Германии и ее союзникам в этой неоправданно затянувшейся кампании на Востоке.

Ураганный оружейный и минометный огонь по защитникам города фашисты открыли в 6 часов 10 минут утра 17 декабря. В артобстреле участвовали 645 пушек и гаубиц полевой артиллерии и 252 орудия противотанковой артиллерии. Кроме того, действовали 378 минометов разных калибров. Таким образом, на один километр фронта у фрицев приходилось 27 стволов, а у русских — только 9. На штурмовку советских позиций вылетело более двухсот бомбардировщиков и истребителей, а у наших имелось всего девять самолетов.

За гребнями Мекензиевых гор, поросших кудрявыми лесами, строились в боевые порядки три германские пехотные дивизии: 22-я, 24-я и 132-я. Они должны были ударить в стык между третьим и четвертым секторами Севастопольской обороны, то есть на узком участке «хутор Мекензия — гора Азиз-Оба», чтобы прорваться через долину реки Бельбек, глубокий овраг у деревни Камышлы и железнодорожную станцию Мекензиевы горы к Северной стороне самой большой бухты Главной базы Черноморского флота. Если немцы выйдут на ее берега, то городу, полностью окруженному с суши, не устоять. Подвоз подкреплений, оружия, боеприпасов, продовольствия тогда прекратится.

Все утро бойцы и командиры 25-й Чапаевской дивизии отбивались от наседавшего на них врага. Один раз немцы дошли до траншей второго батальона 287-го стрелкового полка. Завязалась ожесточенная рукопашная схватка. В ней отличился комсорг полка младший политрук Голубничий. Он заколол винтовкой со штыком шестерых гит-

леровцев. Их атака захлебнулась, фашисты отступили, но вскоре получили подкрепление и опять полезли вперед. К полудню 17 декабря противник оттеснил наши части с северных склонов Камышловского оврага к деревне Камышлы, расположенной на его дне. Вечером 287-й полк и 2-й Перекопский полк морской пехоты отступили еще дальше, на южные склоны Камышловского оврага, и там закрепились на заранее подготовленных позициях. Оторваться от фрицев им помогли артиллеристы 69-го артполка. Они стреляли прямой наводкой из орудий калибра 76 мм и уничтожили 10 танков и много живой силы противника.

Эти яростные бои происходили примерно на километр-полтора левее от расположения 54-го полка. «Разинцы» тоже вели перестрелку, но такого отчаянного вражеского напора не испытывали. Правда, несколько раз цепи немецкой пехоты выходили на нейтральную полосу, рассчитанную здесь от кустарников и деревьев. Однако встреченные плотным пулеметным, автоматным и ружейным огнем, поддержанным минометами, они залегали и затем откатывались назад.

Два дня гремела канонада на Мекензиевых горах. Опрокинуть фронт, добиться определяющего перевеса над защитниками Севастополя гитлеровцам не удавалось. Русские бросались в контратаки и отбивали обратно занятые германцами свои огневые рубежи.

На участке первого батальона 54-го полка утром 19 декабря было относительно тихо. Но вдруг фашисты начали интенсивный обстрел из пушек и минометов. Его пехотинцы переждали, забившись в «лисий норы» — углубленные блиндажи с тремя накатами бревен сверху. Затем

боевое охранение сообщило о приближении вражеской техники.

На поляну, лязгая гусеницами, выползли самоходка «StuG III» с короткой, точно обрубленной пушкой, и бронетранспортер «Sd.Kfz.250/1», который непрерывно вел огонь из пулемета, установленного за броневым щитком на крыше кабины. Сразу за броневыми машинами двигалось около двух батальонов стрелков и автоматчиков. Самоходку взяла на прицел наша противотанковая батарея. Разделаться же с колесно-гусеничным бронетранспортером предстояло пехоте.

По плану комбата Дромина при общем наступлении немцев на позиции первого батальона бойцы снайперского взвода занимали места рядом с пулеметчиками и вместе с ними отбивали атаки противника. Старшему сержанту Павличенко, опять-таки по согласованию с лейтенантом, разрешалось уходить на скрытые, заранее подготовленные позиции на нейтральной полосе, чтобы из засады вести огонь по офицерам, унтер-офицерам, пулеметным гнездам и расчетам минометов.

В данный момент пулеметное гнездо само приближалось к Людмиле со скоростью примерно 25 км в час. Приземистая и не очень большая по размеру, весом почти в шесть тонн броневая машина «Sd.Rfz.250/1» бежевого цвета, раскрашенная коричневыми и зелеными пятнами, поворачивалась левым боком, непрерывно осыпая пулями пространство перед окопами первого батальона. На боку у нее отчетливо виднелся черно-белый крест. Расстояние сокращалось. Автомобиль подъезжал к давно пристрелянному ориентиру — низко обломанному стволу молодого вяза, и Людмила, при-

щурился левый глаз, заглянула в круглый окуляр оптического прицела «ПЕ».

Ей предстояло в течение минуты решить задачку по баллистике.

Во-первых, бронетранспортер имел довольно высокие борта, и, следовательно, головы двух пулеметчиков, так бесстрашно работавших у «MG-34», находились над землей на высоте более двух метров. Она же лежала в своем убежище прямо на земле, держа винтовку на небольшом бруствере. Между линией прицеливания и горизонтом оружия образовывался угол в 30 градусов, называемый «углом места цели», и сейчас он был положительным. Стало быть, прицел надо устанавливать с понижением.

Во-вторых, бронетранспортер передвигался. Это означало, что необходимо «упреждение». Снайперу нужно перемещать винтовку по направлению движения цели и впереди ее, соответственно ее скорости. Сосчитать «упреждение» на дистанции в 200 метров легко. Пуля из «трехлинейки» долетит до нее за 0,25 секунды. За это время немецкий броневик пройдет четыре метра. Применив в расчетах понятие «одной тысячной», Люда повернула боковой барабанчик на металлической трубке прицела на несколько делений и затем мягко нажала указательным пальцем на спусковой крючок.

На том стрельба из пулемета, установленного на крыше кабины «Sd.Kfz.250/1», закончилась.

Солдаты повалились на дно бронетранспортера. Каски их не спасли. Русские пули прилетели снизу и поразили их в глазницы. Очень глупо поступил унтер-офицер — командир экипажа броневика. Удивленный, он поднялся из кабины в кузов, чтобы посмотреть, отчего замолчал

пулемет. Ведь стрельбу противник вел только с фронта, а спереди машину защищали стальные листы толщиной около полутора сантиметров. Подумать о снайпере он не успел: пуля пробила ему висок. Но те, кто внимательно наблюдал за этой атакой с командного пункта разведывательного батальона, догадались.

Через минуту на рожицу, где находилась Людмила, обрушились залпы немецких минометов «Gr.W» калибра 81 мм. Запасное, более глубокое и хорошо оборудованное укрытие у нее тут было. Трижды перекатившись через левый бок, она почти добралась до него. Однако не мина, а тяжелый снаряд вдруг разорвал воздух, поднял вверх комья земли, ветки, обломки деревьев, опавшую листву. Словно горячая лапа огромного зверя толкнула ее в плечо, сильная боль лишила сознания.

Старшего сержанта, раненного осколком снаряда в спину, нашел в лесу и вынес с поля боя командир второй роты первого батальона 54-го стрелкового полка младший лейтенант Алексей Аркадьевич Киценко. На исходе дня 19 декабря 1941 года Людмилу привезли в медсанбат № 47, расположенный в инкерманских штольнях вместе с походно-полевыми госпиталями №№ 316, 76, 356. Здесь был оборудован отличный медицинский центр с несколькими операционными, лечебными кабинетами, благоустроенными палатами. За три дня немецкого наступления сюда доставили около трех тысяч раненых бойцов и командиров. Все они требовали немедленного осмотра, лечения, ухода. После срочных операций и перевязок многих отправляли в эвакуацию. Поздним вечером 19 декабря от Каменной пристани в Южной бухте отошел транспорт «Чехов», имея 473 тяжелораненых на борту.

Темнота скрыла его от воздушной фашистской разведки. Сопровождаемый тральщиком «Мина», пароход взял курс на город Туапсе, находившийся на кавказском побережье Черного моря.

Павличенко после операции по извлечению осколка осталась в Севастополе. Ее состояние тревоги врачам не внушало. Таких раненых успешно долечивали в медсанбатах в течение 10—12 дней.

Доблестного снайпера навещал командир второй роты Киценко. Вскоре между ними произошло объяснение. Фронтовая дружба переросла в любовь. Людмила всем сердцем привязалась к симпатичному лейтенанту, который был старше ее на одиннадцать лет и часто давал девушке мудрые советы, как военные, так и житейские. Они подали рапорт в штаб 25-й Чапаевской дивизии об оформлении брака...

Второй немецкий штурм защитники Севастополя отбили.

В начале января 1942 года противник прекратил активные боевые действия и ограничивался артиллерийским и минометным обстрелом советских позиций. Тем временем командование Одиннадцатой германской армии принялось анализировать собственные ошибки. Из Берлина торопили эту работу и присылали всевозможные подкрепления. В частности, обратив внимание на работу русских снайперов, которые не давали покоя частям вермахта, осаждавшим русскую крепость, фашисты стали формировать собственные группы сверхметких стрелков.

Старший сержант, вернувшись из медсанбата в свою роту, вскоре отправилась в распоряжение 79-й морской бригады, которая занимала участок обороны в районе

Мекензиевых гор, западнее Камышловского оврага, от железнодорожного моста по долине реки Бельбек до высоты 133,3. Потеряв за три дня пять человек, погибших от прямого попадания пули в голову, моряки заподозрили, что у них начал работать вражеский снайпер, который вел огонь по нашим тылам. Он умело маскировался, бил редко, но точно. При этом им показалось, будто место его нахождения — фермы взорванного еще в ноябре прошлого год железнодорожного моста.

Командир 79-й бригады полковник Потапов попросил помощи у коменданта третьего сектора обороны генерал-майора Коломийца, и она была ему оказана. Опытная снайперская пара: Людмила Павличенко — Федор Седых — получила приказ уничтожить слишком ушлого фрица.

На нейтральной полосе, метрах в двадцати перед огневыми рубежами 79-й бригады, с помощью ее бойцов они за две ночи вырыли окоп полного профиля и траншею полуметровой глубины, ведущую к нему от переднего края. Здесь повсюду торчали невысокие кусты вечнозеленого можжевельника с красно-коричневой корой, чуть присыпанные выпавшим снегом. Потому и окоп они накрыли металлическим каркасом с ветвями этого растения и сверху тоже присыпали их сухой слежавшейся снежной крошкой. Кроме того, они заготовили «куклу», то есть манекен на палке, одетый в советскую шинель, с каской на голове и винтовкой, для пущей убедительности привязанной к его спине слева.

Два дня Павличенко рассматривала мост в бинокль, прикидывая, где бы она сама устроилась со снайперской «трехлинейкой». Мест, по ее мнению, удобных для стрель-

бы, среди перекрученных от взрыва стальных конструкций имелось всего два. Они с Федором решили вести за ними наблюдение по очереди и особенно внимательно — в предрассветные часы. Зловредный фашист должен был появиться обязательно, ибо сохранившиеся пролеты моста, бесспорно, представляли почти идеальную позицию для ведения прицельного огня сверху вниз по переднему краю и ближайшим тылам 79-й морской бригады.

Она дремала, сидя на корточках и привалившись плечом к стенке окопа. Форменная одежда — теплые белье, гимнастерка, стеганые ватные безрукавка и штаны, заправленные в сапоги, шинель и белый маскхалат — не позволяла замерзнуть, но и согревала не слишком хорошо. Вдруг сержант Седых коснулся ее плеча и показал на мост. Люда быстро достала бинокль из футляра, висевшего на груди, и приложила к глазам. Январская ночь понемногу отступала. Мост вырисовывался в предрассветной дымке. Темная фигура человека, перебирающегося через обломки металлических балок, возникла на фоне медленно светлеющего неба и тотчас пропала.

Федор посмотрел на командира взвода и опустил большой палец вниз. Павличенко кивнула головой, соглашаясь со своим снайпером-наблюдателем: объект прибыл на место боя. Теперь надо дать ему возможность осмотреться, установить ружье, зарядить его, найти знакомые ориентиры на пространстве, где ранее так удачно протекала его охота. Но едва ли вражеский снайпер обнаружит их засаду. Они потрудились на славу, выполнили все по правилам, преподаваемым в киевской школе.

Дальнейший план действий согласовывался еще до выхода в окоп. Сержант, выбравшись из него через траншею,

окажется около переднего края, возьмет «куклу» и будет ждать сигнала, когда Люда приготовится к выстрелу. Подготовка эта несложная, ей давно знакомая: стрелять надо снизу вверх, сделав поправку на «угол места цели».

Прошло полчаса.

Пятница 23 января 1942 года начиналась как день абсолютно тихий. На сухопутных рубежах возле Севастополя ни одна из сторон боевых действий не вела. Молчали пушки, минометы, пулеметы. Не поднялись в небо бомбардировщики, истребители, штурмовики. Война как будто затаилась.

Прислушиваясь к необычной тишине, Людмила положила пальцы ко рту и тихо свистнула. Сержант Седых отозвался таким же коротким свистом. Она не спускала глаз с моста и знала, что Федор, прячась в траншее, уже потащил «куклу» на нейтральную полосу. Ключет ли фриц на приманку?

Выстрел с моста прозвучал глухо, точно кто-то ударил железным прутом по деревянной доске. Люда увидела вспышку и весело улыбнулась: ага, наконец ты, сволочь гитлеровская, мне попался, а то очень зябко тут сидеть! В окуляр оптического прицела между трех линий она увидела его голову. Ничего особенного: рыжий, голубоглазый, веснушчатый, черты лица правильные и даже приятные. Может быть, и он видел ее в тот краткий миг...

С высоты четырех метров немец упал на чуть подтопленное водой из реки, густо заросшее здесь камышом дно Камышловского оврага. Следом за ним свалилась и его винтовка. К удивлению Людмилы, работал он не с германским снайперским карабином «Zf.Kar.98k», а с ружьем системы Мосина, имевшим прицел «ПЕ», конечно

же, трофейным. Много отличного, совершенно исправного нашего оружия досталось захватчикам в первые месяцы войны.

Теперь для старшего сержанта счет шел на минуты. Людмила быстро обыскала труп, одетый в маскхалат поверх утепленной форменной куртки. Вот его солдатская книжка, вот погоны, обшитые серебряным галуном, — стало быть, ее противник имел звание обер-фельдфебеля, — вот красная с черно-белой окантовкой орденская ленточка из второй петли на куртке, вот и знак ордена «Железный крест». Их она срезала своей острой как бритва «финкой», зная, что капитан Безродный, помощник начальника штаба — два, любит получать подобные сувениры. Они прекрасно дополняют его отчеты о службе полковой разведки.

Кроме того, женщине никогда не помешает запас из бинтов и ваты. Они у фрица есть. Большой пакет — во внутреннем кармане правой полы, пакет поменьше, на пять метров бинта — в правом нагрудном кармане. Есть и подарок для ее дорогого, горячо любимого супруга — плоская мельхиоровая фляга с коньяком, портсигар с сигаретами...

Полковник Алексей Степанович Потапов пользовался большим авторитетом у командования Приморской армии. Бойцы его 79-й морской стрелковой бригады воевали храбро и умело. Бригада прибыла в Севастополь из Новороссийска 21 декабря прошлого года в составе четырех тысяч человек. Ее сразу отправили на боевые позиции в третьем секторе обороны. В тот же день морские пехотинцы геройской атакой выбили немцев с высоты 192,0 на южном склоне Камышловского оврага.

Потапов, сидя за столом, рассматривал солдатскую книжку гитлеровского снайпера, приложенный к ней перевод и орден «Железный крест». Перед ним, вытянувшись по стойке «смирно», стояли старший сержант Павличенко и сержант Седых. Они просидели в мерзлой крымской земле больше двух суток, толком не спали и не ели. Но сейчас по приказу полковника их накормили горячим обедом в офицерской столовой, дали возможность помыться и переодеться.

В солдатской книжке говорилось о том, что оберфельдфебель Гельмут Боммель, инструктор стрелковой школы, полмесяца назад прибывший из Берлина, прикомандирован к 121-му полку 50-й Бранденбургской пехотной дивизии. До того он воевал в Польше, Бельгии и Франции. Счет уничтоженных солдат и офицеров противника превышал у него двести человек, и за таковые подвиги фюрер наградил меткого стрелка дважды: орденом «Железный крест» 1-й и 2-й степени.

У Людмилы Павличенко вражеский снайпер-ас был 227-м по счету, но она никаких правительственных наград не имела. Полковник Потапов обратил на это внимание и задал старшему сержанту вопрос. Однако бывшая студентка истфака КГУ не очень-то любила разговоры с высоким начальством. Полугодовое пребывание в армии уже научило ее сдержанности и осторожности. Хотя раньше она была человеком веселым, остроумным и, как говорится, за словом в карман не лезла.

Потапов, офицер многоопытный, все понял и без объяснений. Он повез снайперов с докладом об их успехе прямо в штаб Приморской армии, к генерал-майору Петрову. Чем руководствовались командир первого батальо-

на старший лейтенант Дромин и командир 54-го полка майор Петраш, упорно обходя наградами старшего сержанта Павличенко, полковник Потапов не знал, но хотел немедленно исправить допущенную по отношению к ней несправедливость. Это у него получилось. Тем более, что Главкомандующий Приморской армии и сам вспомнил смелую девушку-снайпера, приехавшую к нему еще под Одессой за именной винтовкой.

По приказу генерал-майора политотдел издал специальный «Боевой листок» для распространения во всех воинских соединениях, защищавших Севастополь, с рассказом о том, как снайперы 54-го полка победили в поединке фашистского аса, приехавшего в Крым из Берлина.

Через неделю Людмилу на позициях второй роты нашел корреспондент городской газеты «Маяк Коммуны» Иосиф Гуревич. Затем к ней явился, чтобы взять интервью, сотрудник редакции флотской газеты «Красный черноморец», известный в городе журналист Владимир Апошанский. Старший сержант излагала всем одну и ту же историю: что в политотделе армии, что представителям местной прессы. Результат, однако, ее удивил.

Корреспонденты не пожалели красок для Гельмута Боммеля: толстый, как жаба, водянистые глаза, желтые волосы, тяжелая челюсть. Цифры в его солдатской книжке они прочитали по-разному: «Боевой листок» — 500 уничтоженных солдат и офицеров, что весомее звучит для пропаганды; Гуревич — 400; Апошанский, как человек военный и сведущий во фронтовых реалиях, — около 300. Воинское звание немца тоже вызвало затруднения: он у них и обер-ефрейтор, и унтер-офицер, и фельдфебель.

Совершенно не устроила журналистов слишком простая на их взгляд история с Камышловским мостом. Они представляли себе снайперскую дуэль по-другому. Например, так: «Медленно, нехотя туман рассеялся, засветлело, и Павличенко увидела, как прячась за манекен коряги, снайпер передвигался едва заметными толчками. Все ближе и ближе к ней. Она двинулась навстречу. Одеревеневшее тело стало тяжелым и неповоротливым. Сантиметр за сантиметром преодолевая холодную каменистую подстилку, держа винтовку перед собой, Люда не отрывала глаз от оптического прицела...» (до сих пор выставлено в Интернете на сайте «Снайпер Людмила Павличенко». — А.Б.).

Возможно, старший сержант некоторым образом и сама способствовала появлению этой ахинеи. Она не рассказывала пишущей братии никаких подробностей о работе сверхметкого стрелка на огневой позиции, о своем оружии, о правилах маскировки, о законах баллистики, о полете пули к назначенной цели. В годы борьбы с фашизмом это было запретное для обычных, не прошедших специальную подготовку людей, военное знание.

Зато фотографии получились очень хорошо.

Фронтовые фотографии и кинооператоры снимали Люду с разных ракурсов. Один из них, по фамилии Микоша, выбирая лучшую точку для съемки, даже заставил снайпера взобраться на дерево с «СВТ-40» в руках. Напрасно она уверяла его, что никогда не стреляет в крымском лесу с деревьев, что самозарядная винтовка Токарева — ее парадное, наградное, а вовсе не рабочее оружие. Микоша стоял на своем, и старший сержант, посмеиваясь над этим маленьким, но чрезвычайно самоуверенным мужичком,

в конце концов согласилась (снимок также выставлен в Интернете. — А.Б.).

О макияже, укладке волос и о новом, по фигуре сшитом обмундировании, в данном случае не могло быть и речи. Однако ее природная красота в подобных ухищрениях не нуждалась. После новой встречи с Иваном Ефимовичем Петровым, который сказал снайперу добрые слова, поблагодарил за проявленные в боях с гитлеровцами стойкость и мужество, пообещал, что ни старший лейтенант Дромин, ни майор Петраш впредь на представление к наградам влиять не будут, Людмила испытала настоящий прилив бодрости и вдохновения. Глаза у нее на всех фотографиях искрились радостью, были веселыми и задорными. Штабные пропагандисты признали, что Павличенко невероятно фотогенична и обаятельна.

Привлекательная девушка с оружием в руках на листовке — это военная пропаганда по-русски, и она, вероятно, более действенна (по крайней мере в СССР), чем цветные открытки с полуголыми американскими красотками в купальниках, рассылаемые солдатам армии США на Рождество.

Впоследствии таких листовок было выпущено пять видов, и каждая — многотысячным тиражом — для распространения на фронте (причем одна — на грузинском языке). Лучшего снайпера 25-й Чапаевской дивизии не только фотографировали, но и рисовали художники. Совершенно очевидно, что письменные обращения к согражданам Людмила сама не составляла. Это делали от ее имени сотрудники Главного политического управления РККА, умелые пропагандисты и агитаторы. О том, что

ярая ненависть и другие сильные чувства не могут быть помощниками сверхметкого стрелка и прямо-таки противопоказаны ему, они, конечно, не догадывались.

Вот полный текст одной из листовок:

«Смерть немецким оккупантам!

Доблестный снайпер Людмила Михайловна ПАВЛИЧЕНКО.

Верная дочь Ленинско-Сталинского комсомола, она вступила в ряды Красной Армии добровольцем в первые дни Великой Отечественной войны.

Огнем своей винтовки Людмила Павличенко уничтожила под Одессой и Севастополем 309 немцев.

“Это самое верное и правильное отношение к немцам. Если их сразу не убьешь, то беды потом не оберешься”, — писала она однажды своей матери.

Высокое воинское мастерство и отвага Людмилы Павличенко вдохновляют на подвиги тысячи снайперов Красной Армии — стахановцев фронта.

Воины Красной Армии! Истребляйте врагов так же беспощадно, как истребляет их Людмила Павличенко!

БЕЙ ВРАГА БЕЗ ПРОМАХА!

Когда я проходила по улицам Севастополя, меня всегда останавливали ребяташки и деловито спрашивали:

— Сколько вчера убила?

Я обстоятельно докладывала им о своей работе снайпера. Однажды мне пришлось им честно сказать, что я уже несколько дней не стреляла по врагам.

— Плохо, — в один голос сказали ребяташки.

А один, самый маленький, сурово добавил:

— Очень плохо. **ФАШИСТОВ НАДО УБИВАТЬ КАЖДЫЙ ДЕНЬ.**

Он верно сказал, этот маленький суровый сева­сто­по­лец. С того памятного дня, когда фашистские разбойники ворвались в мою страну, каждый прожитый мною день был наполнен одной лишь мыслью, одним желанием — убить врага.

Когда я пошла воевать, у меня была только злость на немцев за то, что они нарушили нашу мирную жизнь, за то, что они напали на нас. Но то, что я увидела потом, породило во мне чувство такой неугасимой ненависти, что ее трудно выразить чем-нибудь иным, кроме как пулей в сердце фашиста.

В отбитой у врага деревне я видела труп тринадцатилетней девочки. Ее зарезали фашисты. Мерзавцы — так они демонстрировали свое умение владеть штыком! Я видела мозги на стене дома, а рядом труп трехлетнего ребенка. Немцы жили в этом доме. Ребенок капризничал, плакал. Он помешал отдыху этих зверей. Они даже не позволили матери похоронить свое дитя. Бедная женщина сошла с ума.

Я видела расстрелянную учительницу. Тело ее лежало у обочины дороги, по которой бежали от нас немцы. Офицер хотел изнасиловать ее. Гордая русская женщина предпочла смерть позору. Она ударила фашистскую свинью по морде. Офицер застрелил ее, надругался над трупом.

Они ничем не гнушаются, немецкие солдаты и офицеры. Все человеческое им чуждо. Нет слова в нашем языке, которое бы определило их подлую сущность. Что можно сказать о немце, в сумке которого я нашла отнятую у нашего ребенка куклу и игрушечные часики? Разве можно назвать его человеком, воином? Нет! Это — бешеный шакал, которого надо уничтожить ради спасения наших

детей! Тогда народ скажет тебе: ты действительно ненавидишь врага. Если ты еще не умеешь уничтожать врагов, научись. В этом сейчас твой священный долг перед Родиной, перед твоей матерью, перед твоей женой и детьми.

Ненависть многому учит. Она научила меня убивать врагов. Я — снайпер. Под Одессой и Севастополем я уничтожила из своей снайперской винтовки 309 фашистов. Ненависть обострила мое зрение и слух, сделала меня хитрой и ловкой, ненависть научила маскироваться и обманывать врага, вовремя разгадывать его хитрость и уловки. Ненависть научила меня по нескольку суток терпеливо охотиться за вражескими снайперами.

Ничем нельзя утолить жажду мести. Пока хоть один захватчик ходит по нашей земле, я буду думать только об одном: убить врага. И только об одном буду говорить своим друзьям по борьбе, своим согражданам: убей фашиста! Снайпер младший лейтенант Людмила Павличенко. Издание Главного Политического Управления РККА. 1942 год»¹.

Между тем весна 1942 года в Севастополе выдалась относительно спокойная и тихая.

Блокада и артобстрелы продолжалась, но активных боевых действий гитлеровцы не вели. Севастопольцы понемногу наводили порядок в своем разоренном городе. По призыву Городского комитета обороны они несколько раз выходили на субботники: расчистили дворы, сожгли мусор, собравшийся на улицах за зиму, засыпали землей и камнями воронки от снарядов и бомб, разобрали завалы, закрыли

¹ Документ предоставлен Государственным музеем героической обороны и освобождения Севастополя.

досками и фанерой выбитые окна на первых этажах домов, покрасили заборы и скамейки в скверах и парках, побелили стволы деревьев и даже высадили кое-где на клумбах цветы. По главным улицам снова стал ходить трамвай, открылись магазины, столовые, бани, парикмахерские, фотоателье.

С февраля в помещении картинной галереи на улице Фрунзе начала действовать музейная выставка «Героическая оборона Севастополя». Туда собрали обломки вражеских самолетов, трофейное оружие и знамена, письма немецких солдат и офицеров, пленных или убитых, документы о зверствах оккупантов. Выставили здесь и стенды, посвященные разным воинским частям, защищающим город, портреты наиболее отличившихся участников боев. Например, Героя Советского Союза летчика Якова Иванова, дважды осуществившего в небе воздушный таран.

Выставка пользовалась огромной популярностью.

Ее посещали не только жители города, но и фронтовики, приезжавшие с боевых позиций, раненые из госпиталей. Людмила, каждую неделю пользуясь суточным отпуском, положенным снайперам, тоже заходила сюда. Здесь она имела удовольствие видеть собственную фотографию, снабженную весьма лестной для нее подписью.

Поскольку борьба с захватчиками приобрела устойчивый позиционный характер, то на первое место в ней, вполне естественно, выдвинулись сверхметкие стрелки. Военные советы Черноморского флота и Приморской армии для лучшей организации этого движения и обмена опытом 16 марта провели слет севастопольских снайперов. На слете присутствовали командующий Черноморским флотом вице-адмирал Ф.С. Октябрьский, командующий Приморской армией генерал-майор И.Е. Петров,

член Военного совета флота дивизионный комиссар И.И. Азаров, член Военного совета армии бригадный комиссар М.Г. Кузнецов. Основной доклад сделал исполняющий обязанности начальника штаба Приморской армии генерал-майор В.Ф. Воробьев.

Список выступающих в прениях составили заранее и утвердили в политотделе. Его по праву возглавляла старший сержант 54-го стрелкового полка Людмила Михайловна Павличенко с личным счетом в 254 вражеских солдата и офицера. Вторым шел старшина 7-й бригады морской пехоты Ной Адамия со счетом в 165 человек, третьим — ефрейтор 456-го полка НКВД, бывший пограничник Иван Левкин со счетом в 88 человек, четвертым — его однополчанин и тоже ефрейтор Иван Богатырь со счетом в 73 человека.

— Нам дали высокое звание — стахановцы фронта, — сказала на слете Павличенко. — Не уроним этой чести... Сейчас мой счет истребленных фашистов остановился на 254. Обязуюсь перед вами, товарищи, что в ближайшие дни на прикладе моей винтовки, где я ставлю отметки об уничтоженных фрицах, будет красоваться цифра 300...

Сверхметкие стрелки, почувствовав заботу командования, не ударили в грязь лицом. Сводки об их достижениях стали регулярными:

31 марта — за сутки убито 32 немецких солдата и офицера; 3 апреля — 18; 4 апреля — 26; 6 апреля — 25; 7 апреля — 26; 8 апреля — 66; 9 апреля — 56; 10 апреля — 108; 11 апреля — 53; 14 апреля — 55; 15 апреля — 50; 18 апреля — 83; 19 апреля — 65 немецких солдат и офицеров.

Имеются и общие подсчеты. Они свидетельствуют о том, что снайперское движение в Севастополе вес-

ной 1942 года ширилось и достигало заметных результатов. Так, если за 30 дней апреля снайперы уничтожили 1492 врага, то только за первые 10 дней мая — уже 1019...

Севастопольцы не унывали и с надеждой смотрели в будущее. Им казалось, что победа близка. Но в Крыму свершилась очередная военная катастрофа, в которой были виновны высшие руководители, в частности, командующий Крымским фронтом генерал-лейтенант Д.Т. Козлов и представитель Ставки армейский комиссар 1-го ранга Л.З. Мехлис. Немцы внезапно нанесли мощный удар по Керченской группировке наших войск, достаточно крупной и хорошо вооруженной. Не выдержав нападения, ее воинские части покатались от Керчи на восток, к проливу между крымским и кавказским берегами. Гитлеровцы заняли Керчь 15 мая. Им достались большие трофеи.

Теперь третий штурм Севастополя был неизбежен.

Учитывая опыт прежних, неудачных сражений с защитниками города, командование Одиннадцатой германской армии тщательно к нему подготовилось. На позициях было сосредоточено более двух тысяч артиллерийских орудий и минометов разных калибров. В течении Второй мировой войны немцы ни разу еще не применяли артиллерию столь массировано, как под Севастополем. Общее количество боевых самолетов у них достигало 1060, в том числе — 700 бомбардировщиков и 200 истребителей. Всего же численность сил противника составила 203 800 человек.

Войска Севастопольского оборонительного района имели немногим более 100 тысяч человек, по количеству самолетов уступали немцам примерно в десять раз

(116 боевых машин), по артиллерии — почти в три раза (455 орудий Приморской армии, 151 орудие калибра 100—305 мм береговой обороны, около 100 зенитных пушек)...

Людмила Павличенко по-прежнему являлась командиром снайперского взвода во второй роте первого батальона 54-го имени Степана Разина стрелкового полка. «Разинцы», будучи в составе 25-й дивизии, все так же занимали позиции в третьем секторе обороны города, на Мекензиевых горах.

Весной старший сержант пережила тяжелую утрату. Ее муж Алексей Киценко, получив смертельное ранение, скончался у нее на руках в госпитале, после длительной, но безнадежной операции. Он был похоронен с воинскими почестями на Братском кладбище 5 марта. Снайпер не хотела верить в его смерть и с трудом оправилась от этого удара. У Павличенко обострилась болезнь, приобретенная на фронте и весьма обычная для снайперов — реактивный невроз (тремор рук, бессонница, депрессия).

Она писала матери:

«...Как у вас дела?»

Сегодня переведу 200 рублей на мелкие расходы. Посылаю каждому из вас по карточке. Моржику — настоящую Люду. Я лечусь, ехать на курорт не захотела, лежу тут в госпитале. Ничего мне не надо, все у меня есть, так что, мама, о посылках не думай.

Домой приеду после войны. Раньше не ждите. Дела мои идут, вернее, едут неплохо. Получила медаль “За боевые заслуги” и к маю, наверное, орден (орден Ленина. — А.Б.) Так что, Ленусь, разрешаю это дело на Первое мая спрыснуть.

Ленусь, передо мной лежит стих. Как хорошо в нем сказано:

“Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди...
Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой.
Просто ты умела ждать,
Как никто другой...”

Видно, он почувствовал на себе. Вот так, Ленусь.

Трудно тебе понять, как жаль, что нет Лени (то есть Алексея Киценко. — *А.Б.*) Когда вырвешься, помотришь: одинокая могилка. Вот Леня часто спасал меня своей любовью, а какая забота! Меня в одном из наступлений ранило, идти я не могла, как бережно он меня нес. А кругом военный концерт. С какой любовью и каким диссонансом звучали его слова: “Люся, потерпи. Люся, ты должна быть живой”. Ну а вот я его не уберегла. На войне беречь трудно. Ну, об этом хватит. После тебя, Ленусь, это — самое светлое и дорогое. Война — пробный камень для каждого человека...»¹

Продолжалась и переписка Людмилы со старшей сестрой. Ей она о своих переживаниях не сообщала, а старалась рассказать подробнее о военной службе в Севастополе:

«Здравствуй, Валюнчик!

Не сердись на меня за мою лень. Твой курилка жив и здоров “уполне”. В отношении табачка — он-то у меня

¹ Из письма Л.М. Павличенко родителям. Центральный музей Вооруженных Сил РФ. Ф. № 4/18679.

есть, а вот тебе прислать трудновато. Давай договоримся, я за тебя курить буду, а ты этим пока удовольствуйся. Сегодня написала письмо маме, в твою (бывшую и мою) комсомольскую организацию... Ты просишь сообщения о моих “боевых делах”, у меня их сейчас нет — лечусь. Могу вспомнить старое. Представь себе: декабрь месяц, снег, небольшой мороз, на мне поверх всяких фуфаяк и шинели — белый маскировочный халат под цвет снега, и вот лежу три часа, надоело, фрицев нет, холод загнал их поглубже в землю. Вернулась на свою передовую, взяла 10 гранат плюс пистолет и пошла прямо на фрицев еще с одним старшим сержантом. Мы забросали фрицев гранатами и спокойно вернулись к себе, а фрицы с перепугу открыли такую стрельбу, что идти обратно во весь рост нельзя было. На обратном пути встретили фрицевскую разведку, принять бой нельзя было. Но ничего, дали им на закуску. Одного убили, 2 ранили, остальные разбежались. Ну, бывали дела и похлеще, но о них потом. Как твое житье-бытье, как дела дома, почему не пишете? Пиши чаще... С нервами дело паршивое, восстанавливать трудно. Дрожит рука. Ничего, пройдет. Дорогая Валюшка, будь хорошей моей девочкой, пиши. Посылаю карточку. Целую тебя крепко-крепко. Твоя Люда.

18/V-1942»¹.

Третий и последний штурм города-крепости начался рано утром 7 июня 1942 года.

Гитлеровцы обрушили тысячи снарядов, мин и бомб на защитников Севастополя в четыре часа утра. Ураганный

¹ Письмо Л.М. Павличенко старшей сестре В.М. Беловой. Центральный музей Вооруженных Сил РФ. Ф. № 4/18682.

огонь артиллерии и массированный налет авиации длился около шестидесяти минут. Тем, кто прятался в глубоких, хорошо оборудованных блиндажах, окопах и щелях, показалось, будто возле города произошло извержение вулкана. Столбы дыма, гарь от пожаров, поднятая взрывами вверх земля — все это образовало над боевыми позициями советских войск огромное черное облако. Яркое летнее солнце едва виднелось сквозь него. Рев авиационных моторов, свист бомб, грохот разрывов сопровождали вражескую огневую подготовку и звучали какой-то неимоверной, дикой какофонией.

В штабе Одиннадцатой германской армии полагали, что после таковой замечательной акции на советских позициях в живых мало кто останется. Даже если это случится, то уцелевшие бойцы будут деморализованы и никакого сопротивления доблестным немецким дивизиям не окажут.

Около пяти часов утра 7 июня 1942 года, когда артналет завершился, вражеская пехота при поддержке боевой техники пошла в атаку.

Давно не наблюдала Людмила подобной картины.

Жаркий летний день только занимался. Легкий ветерок уносил клочья черного дыма, земля и пыль понемногу оседали. В тишине, наступившей после адского грохота, в долине реки Бельбек двигались вперед танки. За ними густыми цепями, выпрямившись во весь рост, шагали солдаты, раздетые до пояса. Там были и группы стрелков с винтовками, и группы автоматчиков, вооруженные пистолетами-пулеметами «MP-40».

В бинокль снайпер Люда видела серые, искаженные злобными гримасами лица, крепко сбитые, еще не загоре-

лые тела. Они шагали, спотыкаясь о камни, задевая друг друга плечами, пересмеиваясь, переговариваясь, иногда перекидывая с руки на руку винтовки. Офицеры им объяснили, что после такого массированного артогня в русских траншеях мало кто мог остаться в живых, а если и остался, то деморализован и сопротивляться не будет.

Однако блиндажи, траншеи, пулеметные гнезда севастопольцы оборудовали отлично и прятались в них, пока не прозвучал сигнал тревоги. Солдаты заняли свои места на огневом рубеже и приготовились к отражению атаки. Теперь старший сержант положила на бруствер «СВТ-40». Пришло ее время. Люда проверила, крепко ли присоединен магазин на десять патронов, сняла кожаные колпачки с окуляров оптического прицела и заглянула в него, чтобы приблизительно узнать дистанцию до первой шеренги фрицев.

Павличенко всегда объясняла подчиненным четыре простейшие снайперские правила и требовала их запоминать, как дважды два. Первое: если выравнивающая, или горизонтальная, нить прицела закрывает фигуру двигающегося пехотинца до колен, это — 250 метров. Второе: если фигура закрыта до пояса, это — 400 метров. Третье: если фигура закрыта до плеч, это — 600 метров. Четвертое: если полностью, то это — 750 метров. Но все равно командир стреляет первым, и это — сигнал для остальных.

В окуляр прицела попал человек, шагающий на левом фланге шеренги с пистолетом в руке. Она предположила, что он — офицер, то есть наиболее важная из рекомендованных снайперу мишеней. Людмила прицелилась и нажала на спусковой крючок. «Света» стреляла громко и дуль-

ную вспышку давала сильную. Однако в большом полевом сражении, а именно такое и разворачивалось сейчас в долине реки Бельбек, это особой роли не играло.

Как будто услышав сигнал, открыла огонь наша артиллерия: 69-й и 99-й гаубичные артполки, дивизионы 905-го, 52-го и 134-го гаубичных полков. Артиллеристы подбили несколько танков, затем нанесли удар по пехотным шеренгам. Вместе с ними громили врага и крупнокалиберные орудия батарей береговой обороны. Снова черный дым поднялся к небу, но на сей раз артналет устроили русские, и от атакующей колонны ничего не осталось.

Только к часу дня гитлеровцы восстановили порядок в своих воинских частях, подкрепили их свежими резервами и возобновили наступление. Предварял его налет авиации. «Юнкерсы» и «Мессершмитты» пикировали на позиции 54-го стрелкового полка, сбрасывали бомбы, поливали окопы очередями из крыльевых пулеметов. «Разинцы» попрятались, однако когда пехотные цепи 50-й и 132-й немецких дивизий снова появились на пологих склонах Камышловского оврага, они взялись за станковые и ручные пулеметы, за самозарядные винтовки и автоматы.

Громким голосом заговорили «СВТ-40» у снайперов Павличенко и Седых. Федор хорошо считать не умел, и старший сержант жестами показывала ему, на какое расстояние надо целиться. Люда предложила своеобразный ход боя: стрелять не по первой, а по второй шеренге, причем метить врагам в живот. Корчась от боли, с криками и громкими стонами фашисты один за другим падали на землю и просили о помощи. Их товарищи из первой шеренги оборачивались, сбивались с ноги, останавливались.

Это вызывало замешательство также и у третьей шеренги. Атака, начавшаяся бодро и энергично на участке перед окопами первого батальона, в конце концов захлебнулась. Конечно, тому в немалой степени способствовали наши пулеметчики и автоматчики.

Ранение в живот тоже, как правило, смертельное. Только смерть наступает не сразу. Поздним вечером, когда начало темнеть и сражение прекратилось, трупы немцев пересчитали. Всех, кто имел пулевые отверстия на животе, записали на счет сержантов Павличенко и Седых.

Защитники Севастополя проявляли чудеса храбрости и героизма.

Однако им катастрофически не хватало боеприпасов, вооружения, продовольствия. Подвоз необходимого войскам имущества с Кавказа затрудняли весьма успешные действия фашистской авиации. В июне 1942 года она уже безраздельно господствовала в воздухе, потопив немало гражданских судов и кораблей Черноморского флота. Гитлеровские летчики настолько обнаглели, что стали гоняться за отдельными автомашинами, конными повозками и даже пешеходами, передвигавшимися по территории Севастопольского оборонительного района, расстреливая их с воздуха.

Фрицы, точно крысы, медленно, но неотвратимо вгрызались в советскую оборону, и нашим бойцам приходилось отступать перед их бешеным напором...

Людмила снова попала в дивизионный медсанбат № 47. Она получила контузию и легкое ранение: осколок снаряда, чиркнув по скуле, отсек ей мочку правого уха. Случилось это днем, когда она прибыла по вызову командира полка в штаб. В это время и произошел налет на него. Ви-

димо, работал немецкий корректировщик огня. Слишком уж точно падали здесь тяжелые снаряды.

В пятницу, 19 июня, в Севастополь из Новороссийска прибыли сразу пять подводных лодок. Они доставили в осажденный город 165 тонн боеприпасов, 10 тонн горючего и 10 тонн продовольствия. Обрато в Новороссийск подлодки тоже уходили не пустыми. На них в тыловые госпитали переправляли раненых. По крайней мере, одна из самых больших — Л-4 («Ленинец-4») могла, по расчетам специальной комиссии ВМФ, взять на борт до ста человек. Построенная в 1933 году как подводный минный заградитель, она достигала в длину почти восьмидесяти метров, в ширину — семи метров.

Именно Л-4 ночью разгружалась в Камышовой бухте, и раненым из медсанбата № 47 предоставили на ней места. Их положили на пробковые матрасы, постеленные прямо на палубу в шестом, кормовом отсеке.

Морской поход продолжался трое суток. Ночью лодка шла в надводном положении, днем опускалась на максимальную глубину, но фрицы все равно ее заметили. Катера сбрасывали глубинные бомбы, самолеты — обыкновенные. Под водой их разрывы слышались отчетливо и воспринимались как резкие удары по корпусу боевого корабля.

На закате 22 июля 1942 года Л-4, будучи в надводном положении, вошла в Цемесскую бухту. Город Новороссийск, раскинувшийся по ее берегам на 25 километров, принял отважных севастопольцев радушно. Раненых разместили в трех санитарных «полуторках» и повезли в госпиталь. Людмила, всматриваясь в линию морского горизонта, залитую розовым светом уходящего солнца, и

подумать не могла, что этот теплый, ясный, тихий день — ее последний день на войне. Но так оно и было.

В субботу в палаты госпиталя, как всегда, принесли свежие центральные газеты, и старший сержант на первой полосе в «Правде» прочитала сообщение Совинформбюро: «По приказу Верховного командования Красной Армии 3 июля советские войска оставили город Севастополь. В течение 250 дней героический советский народ с беспримерным мужеством и стойкостью отбивал бесчисленные атаки немецких войск. Последние 25 дней противник ожесточенно и непрерывно штурмовал город с суши и с воздуха...»

На самом деле это Верховное командование оставило, точнее — бросило на произвол судьбы бойцов и командиров Севастопольского оборонительного района, которые собрались на Херсонесском мысу в ожидании переправы на кавказский берег. Но корабли не пришли. Эвакуировать смогли только высший комсостав: генерал-майор Петров вместе со своим штабом ушел на подводной лодке в Новороссийск, вице-адмирал Октябрьский улетел на самолете. Очень много людей пало на крымской земле, в отчаянных схватках с фашистами расстреливая последние патроны. Тысячи и тысячи оказались в плену.

Так, вся 25-я Чапаевская дивизия погибла под Севастополем. Знамена утопили в море, штабные бумаги сожгли на берегу Камышовой бухты, печати закопали в землю неизвестно где. Перестал существовать и 54-й имени Степана Разина стрелковый полк...

В первых числах июля группа защитников Севастополя вместе с генерал-майором Петровым вылетела из Новороссийска в Краснодар, в штаб Северо-Кавказского фронта для

представления его Главнокомандующему маршалу С.М. Буденному. Легендарный герой Гражданской войны тепло приветствовал участников второй обороны города. При встрече с ним был решен вопрос и о награждении Людмилы высшим орденом СССР, поскольку наградной лист, оформленный в штабе Приморской армии в апреле, где-то затерялся.

«СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ФРОНТ

Исх. № 0618

Вх. № 0534

21.08.42 г.

Секретно

Экз. № 3

П Р И К А З

войскам Северо-Кавказского фронта

Действующая армия

№ 0137 “16” июля 1942 г.

От имени Президиума Верховного Совета Союза ССР за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленную при этом доблесть и мужество — НАГРАЖДАЮ
Орденом Ленина

1. Старшего сержанта Павличенко Людмилу Михайловну, снайпера 54-го стрелкового полка 25-й стрелковой дивизии.

Командующий войсками Северо-Кавказского фронта
Маршал Советского Союза *С. Буденный*

Начальник штаба Северо-Кавказского фронта Генерал-майор *Захаров*

Член Военного Совета Северо-Кавказского фронта адмирал *Исаков*

За начальника и военком отдела кадров Северо-Кавказского фронта Старший батальонный комиссар *Косиков*.

Отп. 4 экземпляра»¹.

Приказ о присвоении героине воинского звания «младший лейтенант» был также подписан Буденным 16 июля 1942 года.

В конце того же месяца Павличенко из Краснодара откомандировали в Москву. Она получила назначение на должность командира снайперского взвода в 32-й гвардейской воздушно-десантной дивизии. Дивизия формировалась в Московском военном округе, но пока вылетать никуда не собиралась. Военно-транспортных самолетов не хватало. Под маркой «ВДВ» в то время собирали элитную пехоту для действий на особо угрожаемых участках фронта. Потому в дивизии считали, что отправятся на Волгу, под Сталинград, где начиналось большое немецкое наступление.

Желая проанализировать и обобщить положительный опыт работы сверхметких стрелков при обороне Севастополя, младший лейтенант подала докладную записку командованию РККА, в которой изложила свои предложения по организации этого движения на фронте.

«За последнее время снайперское дело получило широкий размах, но до сих пор снайперам приходится рабо-

¹ Центральный архив МО РФ. Ф. 33. Оп. 682524. Ед. хр. 612.

тать в тяжелых условиях, — писала Людмила Михайловна. — Летом они находятся на переднем крае 18 часов, зимой — 10 часов. Снайперы откапывают сами для себя окопы на своей огневой позиции, строят блиндажи для жилья. Снайперов используют для боевого охранения, дополнительно к их прямым обязанностям. Есть и такие случаи, когда снайперов используют поварами, ездовыми и т.д. (согласно их военно-учетной специальности).

Для большего роста снайперского движения нужно:

1. Установить единоначалие, так как снайперами в некоторых частях распоряжаются все, начиная от командира отделения и кончая командиром полка. В результате это приводит к тому, что один начальник дает ему одно задание, другой — другое, снайпер не может выполнить их одновременно и получает выговор.

2. Об учебе снайперов в боевых условиях. Снайперов можно готовить не только в тылу, но и непосредственно на переднем крае. При отборе на учебу бойцам надо подробно рассказывать о работе снайпера.

По снайперу бьет полевая артиллерия, минометы, не говоря уже о немецких снайперах и пулеметчиках. Но снайпер, идя добровольно на эту работу, обычно рискуя своей жизнью, выполняет данное ему задание. Отбор должен быть сугубо добровольным. Учебу можно организовать следующим образом: отобрав группу в 15—20 человек, отвести ее в ближайший тыл дней на 10. В первую очередь нужно дать возможность будущему снайперу, не жалея патронов, тренироваться в стрельбе, научить их маскироваться и дать необходимые сведения о тактике. После выпуска собирать снайперов регулярно раз в две-три недели для обмена опытом. Первый выход новичка на огневую позицию

должен происходить с опытным снайпером, который обязан удержать его от первых необдуманных шагов.

3. Снайпера надо снабдить простейшими таблицами с указанием отклонений по движущейся цели, в зависимости от климатических условий. Снайпер храбр, любит свою Родину, он готов за нее отдать жизнь, но он также любит свою жизнь и должен ее беречь, а для этого он должен хорошо маскироваться, умело разить врага. В снайпере надо воспитывать военную сметку, военную хитрость. Ему не обязательно иметь высшее образование, на котором настаивают сейчас некоторые командиры. Человек с высшим образованием может быть плохим снайпером, если он не имеет военной сметки, если он не выработал в себе военной хитрости. Хорошим снайпером может стать боец, не имеющий почти никакого образования. Снайпер должен научиться бить на определенном расстоянии по движущейся цели, уметь перехитрить эту цель, подойти к любой цели незаметным и снять эту цель. Для такого снайпера и нужны простейшие таблицы для стрельбы, которые бы не пугали его своим внешним видом, а были бы подсобной, удобной памяткой.

4. Нужно соединить работу снайпера с работой разведчика. Разведчик идет ночью в тыл врага, снайпер днем не может пробраться в глубокий тыл врага, это слишком рискованно. Разведчик, прикрываясь темнотой, добывает нужные сведения, и эти сведения он должен сообщать снайперу. Разведчик знает все наблюдательные пункты врага, он знает местоположение врага. Об этом должен знать и снайпер, поскольку он видит только то, что находится перед ним. Что делается вне поля его зрения, снайпер не знает.

5. Об участии снайперов в наступлении. Здесь нам надо позаимствовать тактику немцев. Когда немцы ведут наступление, их снайперы остаются на переднем крае, выслеживают пулеметные гнезда и уничтожают их. У нас же во время боя снайпер наступает со своей частью. Я считаю, что во время наступления снайпер должен выбрать себе позицию и оттуда обстреливать пулеметные гнезда врага. Так он принесет больше пользы своей воинской части, уменьшит ее потери от огня противника. К тому же снайперская винтовка не приспособлена к штыковому бою, на ней нет штыка.

6. В отношении снайперского счета. Во время боя снайпер не имеет права вести свой счет, так как его работу учесть очень трудно, в бою должен быть общий счет. Снайпер имеет право вести свой счет только тогда, когда выходит один на охоту. За счетом снайпера следит и контролирует его снайпер-наблюдатель и разведка, а ведет счет индивидуально каждого снайпера инструктор снайперского дела каждого полка. Обычно враг хорошо знает наших снайперов, он их боится, и это — лучшая оценка нашей работы.

7. До сих пор существует безобразное отношение к маскировке снайпера. Очень часто снайпер в октябре, когда нужен коричневый халат, получает зеленый, в декабре, когда нужен белый, дают коричневый. И в большинстве случаев снайперу приходится маскироваться по собственному усмотрению, чем попало. Плохая маскировка приводит к смерти. Снайпер должен также иметь специальные маскировочные ветки и броневые щитки, которые зачастую лежат без употребления на армейских складах...»¹

¹ Записка Л.М. Павличенко о развитии снайперского движения находится в Центральном музее Вооруженных Сил РФ. Ф. № 4/18671.

В своей довольно пространной докладной записке Павличенко коснулась многих вопросов, не только боевых, но и бытовых. Например, писала о крайне необходимом сверхметкому стрелку отдыхе: раз в неделю — на сутки. Писала о правильной организации питания: снайпер находится в засаде несколько часов и потому не успевает получить горячий обед или ужин в своей воинской части. Писала и о подготовке огневой позиции: лучше всего окопы полного профиля (глубина до 1,5 метра. — *А.Б.*).

Студентка исторического факультета Киевского университета, получившая чисто снайперское образование в школе ОСОАВИАХИМА, в данном случае выступала как военный специалист, офицер, имеющий разносторонний боевой опыт. Надо сказать, что к ее суждениям прислушались. На докладной записке есть разные пометки: «снайперы не должны этого делать» (рыть окопы, строить блиндажи. — *А.Б.*); «выявлять снайперов в военкоматах, направлять на особый учет»; «новые таблицы!»; «сборы снайперов?» и т.д. и т.п.

Людмила, продолжая службу в учебном центре 32-й гвардейской дивизии ВДВ, читала лекции по баллистике для будущих сверхметких стрелков, занималась пристрелкой новых снайперских винтовок, поступивших в воинское соединение с завода. Однако в судьбе Павличенко внезапно наметился крутой поворот.

МЛАДШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ ЗА ГРАНИЦЕЙ

По представлению Центрального Комитета ВЛКСМ она была включена в советскую делегацию, вылетающую в США для участия во Всемирной студенческой ассам-

блее. Вместе с ней туда отправлялись Николай Красавченко, секретарь по пропаганде Московского городского комитета комсомола, и Владимир Пчелинцев, старший лейтенант, снайпер (личный счет — 102 уничтоженных гитлеровца), Герой Советского Союза, бывший студент Горного института в Ленинграде.

Инициатором этой поездки выступил... президент США Франклин Делано Рузвельт. Он прислал Сталину телеграмму с сообщением о том, что со 2 по 5 сентября 1942 года в Вашингтоне пройдет эта самая ассамблея и на ней, по его мнению, ведущее положение должны занять представители четырех держав, входящих в Антигитлеровскую лигу: Соединенные Штаты Америки, Советский Союз, Великобритания и Китай. Рузвельт просил прислать делегацию из двух-трех человек, желательно — фронтовиков.

Председатель Государственного Комитета Обороны, которому ныне подчинялись все учреждения в стране, Главнокомандующий Вооруженными Силами СССР и народный комиссар обороны размышлял два дня. Неделю назад союзники объявили ему, что открытия второго фронта в Европе в 1942 году не будет. Но если на Всемирной студенческой ассамблее советской делегации дадут возможность говорить о втором фронте, обратиться к мировой общественности с призывом активно участвовать в борьбе с фашизмом, то в таком случае русские, пожалуй, в Вашингтон приедут. Рузвельт это пообещал.

Состав делегации утверждал Сталин. Кое-кто сомневался в необходимости отправлять со столь серьезной миссией в чужую страну красивую молодую женщину, даже если она и офицер, за подвиги на фронте награж-

денный высшим орденом Советского Союза. Однако Главнокомандующий Вооруженными Силами СССР был уверен в том, что это — абсолютно правильный выбор. Дальнейшие события показали: Иосиф Виссарионович не ошибся.

С выезжающими в США провели инструктаж в компетентных органах, коротко объяснив им, кто такой Франклин Делано Рузвельт, каково устройство этой страны, ее экономика и политика. Затем они переместились в кабинет заведующего отделом агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) Александрова, который устроил им маленький экзамен по истории Коммунистической партии и Ленинско-Сталинского комсомола, интересовался деталями их биографии, службой в Красной Армии и остался доволен ответами комсомольцев Пчелинцева и Павличенко и члена ВКП(б) Красавченко.

Затем членов делегации повезли в Наркомат иностранных дел, и они очутились в его подвальном помещении, похожем на огромный универмаг, только совершенно безлюдный. В витринах и на застекленных прилавках там лежали предметы мужского и женского туалета, в свободной продаже в Москве давно не встречающиеся. Сотрудники Наркоминдела помогли им выбрать множество вещей, нужных для поездки, уложили их в чемоданы и попросили расписаться в длинной ведомости. Это означало, что одежда им выдана бесплатно. Также получили они командировочные: по две тысячи долларов каждый (немалая сумма в то время. — *А.Б.*) и заграничные паспорта.

Поскольку Пчелинцев и Павличенко являлись военнослужащими, то их следовало экипировать соответствующим образом. Так они попали в экспериментальную по-

шивочную мастерскую Наркомата обороны на Фрунзенской набережной, в народе называемую «генеральским ателье». Пчелинцеву парадный мундир подобрали в течение часа, но с Людмилой ничего не получалось. Женских парадных кителей в ателье не было, сшить такую одежду за сутки не смог бы никто. Приняли решение переделать для нее одну из генеральских гимнастерок из тонкого чистошерстяного габардина...

Советская студенческая делегация прибыла в Вашингтон 27 августа 1942 года. Президент США пригласил гостей из далекой России первый день провести в Белом доме. Там их встретили супруга президента Элеонора Рузвельт, Генри Лаш, вице-президент международной студенческой организации «International Student Service», которая и выступила инициатором проведения Всемирной ассамблеи, и генеральный секретарь американского комитета этой организации Гертруда Пратт.

После завтрака и короткой экскурсии по Белому дому снайперы переоделись в военную форму и вместе со своим комсомольским начальником на автомобиле поехали в советское посольство, возле которого их ожидали журналисты и кинооператоры.

Они вели себя довольно буйно и бесцеремонно, просили героев войны принимать разные позы, без конца снимали их, перекрикивая друг друга, задавали вопросы, пытались прорваться к крыльцу, где те стояли вместе с послом СССР в США Максимом Максимовичем Литвиновым. Вскоре выяснилось, что пишущая братия в полном восторге только от одного члена советской делегации — Людмилы Михайловны Павличенко. Симпатичная девушка в необычной военной одежде — это, конечно,

экзотика, и репортеры прилагали все силы, чтоб найти интересный ракурс, сделать хороший ее снимок для заграничных газет.

После этой фотосессии состоялся обед в посольстве, на котором присутствовали все его сотрудники с женами. На шесть часов вечера была назначена большая пресс-конференция. В ней участвовали представители 52 газет и 12 радиокompаний Соединенных Штатов Америки. Кроме того, из конференц-зала посольства шла ее прямая радиотрансляция. Теперь все было организовано иначе. Сначала слово предоставили членам делегации. Красавченко в коротком докладе, тезисы которого он получил в Москве от заведующего отделом пропаганды ЦК ВКП(б) Александрова, обрисовал ситуацию в стране в целом: тыл помогает фронту. Пчелинцев поведал о состоянии Красной Армии: она готова нанести фашистам новые удары. У Павличенко в руках тоже находился текст, согласованный с партийным функционером:

— Дорогие друзья! Я рада передать вам привет от советских женщин и советской молодежи, борющихся в первых рядах с кровавым фашизмом. Советский Союз борется не только за свою свободу, но и за свободу всех наций на Земле. Советский народ с первых дней борьбы переключил все свои возможности, всю свою энергию на оборону страны. Советские женщины заменили своих мужей, отцов и братьев на производстве. Они сделали все, чтобы мужчины могли воевать. Советский народ благодарит вас за помощь, но борьба, которую ведет Россия, требует все больших и больших средств. Мы ждем активной помощи, открытия второго фронта. Хочу заявить вам, что мы победим, что нет такой силы, которая могла бы по-

мешать победоносному маршу свободных народов мира. Мы должны объединиться. Как русский солдат я протягиваю вам свою руку. Мы вместе должны уничтожить фашистское чудовище!..

Дальше она добавила от себя, по-английски:

— Fellow soldiers, forward to victory!¹

Журналисты вяло поаплодировали, но затем оживились. Ведущий пресс-конференцию посол Литвинов предложил им задавать вопросы. Каждый должен был встать с места, назвать свою фамилию, издание, которое он представляет, и указать, кому он адресует свой вопрос.

Любопытство журналистов поначалу привело русских в замешательство. Американцы как будто нарочно игнорировали их предыдущие сообщения и не заботились о том, будет ли это приятно студенческой делегации. Наоборот, они старались выудить у них нечто такое, сенсационное, что в официальных докладах не прозвучало. К Людмиле обращались чаще всего, и она расценила это как своеобразную психическую атаку. Но снайперам ли бояться психических атак?..

На ее взгляд, вопросы были довольно-таки глупые. Тут она дала волю своему острому языку и потешала аудиторию, открыто издеваясь над теми, кто хотел смутить посланцев Советской России.

Вопрос: Принимаете ли вы горячую ванну на фронте?

Павличенко: Обязательно, и по несколько раз в день. Если ты сидишь в окопе и начинается артиллерийский обстрел, то делается жарко. Очень жарко. Это и есть самая настоящая ванна, только с землей.

¹ Друзья-солдаты, вперед, к победе! (англ.)

Вопрос: У вас была охрана?

Павличенко: Только моя винтовка.

Вопрос: Могут ли женщины на войне красить губы?

Павличенко: Могут. Но иногда не успевают. Приходится хвататься то за пулемет, то за винтовку, то за пистолет или гранаты.

Вопрос: Какого цвета белье вы предпочитаете?

Павличенко: За подобный вопрос у нас в стране можно и по физиономии получить. Ведь его обычно задают жене или любовнице. Мы с вами в таких отношениях не состоим. Потому с удовольствием дам вам пощечину. Подходите ближе...

Вопрос (задает его дама-журналист): Это ваша парадная или повседневная форма одежды?

Павличенко: Нам пока не до парадов.

Вопрос (та же дама): Но форма вас полнит. Или вам все равно?

Павличенко: Я горжусь униформой легендарной Красной Армии. На ней — орден Ленина. Она освящена кровью моих товарищей, погибших в бою с фашистами. А вам желаю хоть раз побывать под бомбежкой. Честное слово, вы сразу забудете о покрое вашего наряда.

Вопрос: Табачная компания «Филипп Моррис» предлагает вам контракт: за ваш портрет, размещенный на пачках сигарет, они готовы заплатить полмиллиона долларов. Вы согласитесь?

Павличенко: Нет. Пошлю их к черту...

На следующий день, 28 августа 1942 года, газеты вышли с обширными репортажами об этой пресс-конференции и фотографиями советской делегации. Больше всего внимания американцы уделили Людмиле Павличенко, опу-

бликовав ее портреты. Кто-то писал о смелой девушке-офицере, умеющей ответить на любой вопрос. Кто-то — о хладнокровной женщине-убийце, не знающей жалости к бедным немецким солдатам, которые лишь исполняли приказы своих командиров.

В газете «The New-York Post», например, журналистка Эльза Мак-Суэли опубликовала следующее: «...то, чем обладает лейтенант Павличенко — нечто большее, чем красота. Ее невозмутимое спокойствие и уверенность порождены тем, что ей довелось пережить и испытать. У нее лицо Мадонны с картины Корреджо и руки ребенка, а ее гимнастерка оливкового цвета с красными нашивками опалена огнем жестоких сражений. Одна из участниц пресс-конференции, журналистка, сидевшая рядом со мной в модном, изящном платье, спросила Людмилу с долей сарказма: “Интересно, это ваша повседневная или парадная форма?” Людмила как-то безразлично взглянула на мою нарядную соседку: “Да будет вам известно, что в России сейчас нет парадов. Наши мысли заняты другим...”»

Отзвуки женских споров об одежде заинтересовали и мужчин. Они попали на страницы деловой, сугубо информационной газеты «The Daily News». Издание поместило на первой полосе большую фотографию Павличенко во весь рост и снабдило ее подписью: «Я ношу свою военную форму с гордостью! На ней — орден Ленина. Она освящена кровью моих товарищей, павших на поле боя. Потому я дорожу ею больше, чем самым красивым платьем от лучшего портного!»

Первое заседание Всемирной студенческой ассамблеи произошло 2 сентября 1942 года в актовом зале Амери-

канского университета. Ассамблея собрала... 365 участников из пятидесяти трех стран. Замысел организаторов был ясен. Консолидированное большинство составляли представители США, Канады и Великобритании, которые могли влиять на голосование. Потому русские предложили другой вариант: одна делегация — один голос.

Снайперы приехали на заседание в военной форме, чем привлекли к себе всеобщее внимание. Доклады нашей студенческой делегации слушали внимательно, ее предложения принимали «на ура». Но провести через Всемирную студенческую ассамблею резолюцию, призывающую к немедленному открытию второго фронта в Европе, не удалось. Зато большинством голосов приняли так называемый «Славянский меморандум», где в жесткой форме осуждались преступления фашизма и звучал горячий призыв к народам мира объединить свои усилия в борьбе с германскими агрессорами.

Вечером того же дня состоялась неофициальная встреча советских делегатов с президентом Рузвельтом в Белом доме. Он подробно расспрашивал их о войне, которая идет на территории Советского Союза. Пчелинцев рассказал ему об обороне Ленинграда, Павличенко — об обороне Одессы и Севастополя, Красавченко — о партизанском движении.

Эту встречу, как и сбор молодежи на Всемирную студенческую ассамблею, организовала супруга 32-го президента США Элеонора Рузвельт. Она была не просто его женой, но — известным общественным деятелем, журналистом, «министром без портфеля» в правительстве Соединенных Штатов. С тех пор, как в 1921 году ее муж переболел полиомиелитом и частично лишился подвижности,

Элеонора вела все его выборные кампании, разъезжая по стране, выступая на митингах, встречаясь с избирателями. Ее называли «глазами, ушами и ногами президента», поскольку она бывала там, куда он не мог добраться, и влияла на его решения. Также она курировала различные молодежные и женские общественные организации, постоянно занималась благотворительностью. Американский народ любил и уважал супругу 32-го президента. Согласно социологическому опросу 1939 года, деятельность первой леди на «хорошо» оценили 67 процентов граждан США, а Франклина Делано Рузвельта — 58...

Имея немалый политический опыт, Элеонора сразу поняла, каким мощным потенциалом агитации за всемерное развитие русско-американского сотрудничества обладает студенческая делегация, и особенно — младший лейтенант Людмила Павличенко. В ходе пресс-конференций и митингов выяснилось, что красивая девушка Люда — не только смелый солдат, но и отличный оратор, умеющий подчинять своему влиянию людей.

Пребывание комсомольско-молодежной студенческой делегации в США Франклин Делано Рузвельт предложил продлить, с чем товарищ Сталин охотно согласился. Красавченко, Пчелинцев и Павличенко провели неделю на отдыхе в поместье Рузвельтов «Гайд-парк», расположенном в восьмидесяти километрах от Нью-Йорка, а затем поехали по стране: Красавченко и Пчелинцев отправились в города на Восточном побережье Северной Америки, Людмила вместе с первой леди — на Запад Соединенных Штатов.

Наивысшим ее достижением можно считать митинг в городе Чикаго, который проходил в старинном большом

парке, расположенном на берегу озера. Там собралось не менее десяти тысяч человек. Как обычно, митинг открыл мэр города. Сказав несколько фраз об Антигитлеровской коалиции и участии в ней США, он представил Людмилу присутствующим. Подойдя к микрофону, Павличенко отчетливо увидела два или три первых ряда. Их занимали мужчины. Довольно приветливо они взирали на девушку в военной форме, приехавшую из далекой России. Она начала спокойно, с нескольких слов о той войне, что бушует сейчас на ее родной земле, потом сделала паузу и резко возвысила голос:

— Джентльмены! Мне двадцать пять лет. На фронте я успела уничтожить триста девять фашистских солдат и офицеров. Не кажется ли вам, джентльмены, что вы слишком долго прячетесь за моей спиной?..

Оглянувшись на снайпера в изумлении, переводчик перевел эти слова, повторив ее интонацию. Толпа молчала несколько секунд. Потом на старинный парк обрушилась настоящая буря. Люди кричали, что-то дружно скандировали, свистели, топали ногами, аплодировали. К эстраде бросились журналисты. Расталкивая репортеров, туда же устремились те, кто хотел немедленно сделать взнос в фонд помощи СССР, о чем и просил мэр Чикаго, открывая митинг.

Слова, сказанные младшим лейтенантом на этом митинге, на следующий день появились на первых полосах многих американских газет. По всему миру их разнесло телеграфное агентство «Рейтер», снабдив восторженным комментарием. Пожалуй, еще никто так точно и образно не выражал суть позиции, занятой англо-американцами при кровавой борьбе России с германскими захватчиками...

Из США советская студенческая делегация отправилась в Канаду, затем на самолете перелетела в Великобританию. Программа повсюду была одинаковой: встречи в учебных заведениях, на заводах и фабриках, посещение воинских частей и осмотр боевой техники, общение с политиками на разных светских мероприятиях, выступления на радио, пресс-конференции для газет и журналов.

В Москву они вернулись на английском четырехмоторном бомбардировщике «Либереитор», вылетевшем из Глазго в ночь с 4 на 5 января 1943 года. На аэродроме во Внуково самолет встречала родня: жена Пчелинцева Рита и мать Павличенко Елена Трофимовна Белова. Заграничная командировка, рассчитанная на две недели, затянулась на четыре месяца...

После поездки члены студенческой делегации должны были написать отчеты о ней и представить их в секретариат ЦК ВЛКСМ, потом — в Главное политическое управление РККА, потом, 20 января 1943 года — прочитать на совещании молодежного комитета Совинформбюро. Стенограмма этого совещания послужила основой для большой радиопередачи, и так миллионы жителей Советского Союза узнали много интересного о путешествии по капиталистическим странам трех комсомольцев, которые агитировали в США, Канаде и Великобритании за скорейшее открытие второго фронта в Европе. Как отнеслись к этому волнующему рассказу радиослушатели, осталось неизвестным. Зато начальство оценку деятельности делегации выставило. Красавченко и Пчелинцев удостоились простой похвалы: «хорошо». Павличенко особой: «отлично»...

После чего делегация была расформирована. Николай Красавченко вернулся на работу в Московский городской

комитет комсомола. Владимир Пчелинцев вскоре отправился на фронт. Людмила тоже собиралась в дальнюю дорогу вместе с воздушно-десантным корпусом, куда влилась 32-я гвардейская дивизия. Но на самом деле она из Москвы не уехала и до августа 1943 года находилась в резерве отдела кадров Народного комиссариата обороны.

Согласно «Выписке о прохождении службы в Советской Армии», имеющейся в Центральном архиве Министерства обороны РФ, с августа 1943 года до мая 1944 года Людмила Михайловна являлась слушателем, а затем инструктором снайперской подготовки на офицерских курсах «Выстрел». Воинское звание «лейтенант» ей присвоили 3 июня 1943 года (приказ ГУК НКО СССР за № 0281), звание «старший лейтенант» — 15 мая 1944 года (приказ по ВДВ за № 0221).

В официальных документах не отражен один интересный факт из ее биографии. Летом 1943 года лейтенант встречалась с Иосифом Виссарионовичем Сталиным. Эту встречу она не афишировала и лишь спустя восемь лет вскользь упомянула о ней (очерк М. Лысенкова «Мирные дни Людмилы Павличенко», газета «Защитник Родины» № 54 от 6 марта 1951 года). Более подробный рассказ о беседе с вождем содержится в письме Людмилы Михайловны, адресованном Владимиру Пчелинцеву, который собирался писать книгу об их поездке в США, Канаду и Великобританию.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 октября 1943 года за боевые заслуги в Великую Отечественную войну доблестному снайперу было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением медали «Золотая Звезда» (№ 1218) и ордена Ленина. Кроме того, она

в мае 1943 года получила медаль «За оборону Одессы» за № 00009 и медаль «За оборону Севастополя» за № 01008, в 1945 году — медаль «За победу над Германией». Также она имела юбилейную медаль «XXX лет Советской Армии».

После войны, в 1945 году, Павличенко закончила исторический факультет Киевского государственного университета и до июня 1953 года служила в Четвертом отделе Военно-морского научного управления Генштаба ВМС в Москве. В отставку вышла по болезни (инвалид второй группы) в звании майора береговой обороны с правом ношения военной формы с особыми отличительными знаками на погонах.

ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ

Будучи отставным офицером, Людмила Михайловна активно занималась общественной работой. Она являлась членом правления общества «СССР — Канада», Советского комитета ветеранов Великой Отечественной войны и Комитета советских женщин. Она часто встречалась с молодежью, рассказывая юношам и девушкам о минувших сражениях, и поэтому ее неоднократно выбирали почетным делегатом на съезды ВЛКСМ. Была она и участницей нескольких международных конгрессов, посвященных борьбе за мир и за разоружение.

О снайперской службе на крымской земле Павличенко тоже вспоминала. В 1958 году в Москве «Госполитиздат» выпустил в свет ее небольшую книгу (70 стр.) под названием «Героическая быль. Оборона Севастополя». Правда, в ней больше внимания было уделено основным военным

событиям ноября 1941 — июня 1942 года, чем подробно описанию действий сверхметких стрелков, их тактике и методам боя. Хотя и своих однополчан она тоже не забыла. Например, старшего сержанта первой роты первого батальона 54-го стрелкового полка Нину Онилову, с которой была лично знакома. Нина хорошо знала станковый пулемет «максим» и метко стреляла из него, подпуская немцев на близкое расстояние. Смелая девушка умерла в марте 1942 года, получив тяжелое ранение в бою.

«Сила снайпера — в точном огне, — говорилось в этой книге. — Он уничтожает подвижные цели, находящиеся иногда на значительном расстоянии. К таким целям относятся: вражеские наблюдатели, офицерский состав, связные, пулеметные и минометные расчеты. Чтобы поразить их, автоматчику требуется небольшая дистанция и большое количество патронов. Снайперу же нужно значительно меньше патронов, чтобы уничтожить цель.

Как показал опыт севастопольцев, лучший метод использования снайперов в степных, лесостепных и гористых местностях — это работа парами: один ведет огонь, другой наблюдает, а в случае необходимости стреляют оба.

Противник, понеся значительные потери при втором своем наступлении на Севастополь, в течении пяти месяцев отсиживался за колючей проволокой и накапливал силы для новых атак. Перед снайперами Севастопольского оборонительного района была поставлена задача: не давать врагу покоя ни днем ни ночью. Местом для своих постов меткие стрелки обычно выбирали нейтральную зону — полосу земли между передним краем наших частей и противником. Ширина этой зоны, как правило,

достигала 30—100 метров. Поэтому у наших снайперов не всегда была возможность создавать запасные посты и часто их менять. Противник вел постоянное и тщательное наблюдение за нейтральной зоной.

Однако снайперы всегда находили способы обмануть гитлеровцев. Постоянная снайперская “охота” заставила их прекратить всякое движение на своем переднем крае и еще глубже закопаться в землю.

Чтобы вызвать в стане врага дезорганизацию, севастопольские меткие стрелки часто применяли засады. Когда фашисты готовились ко второму штурму города, у них заметно оживилось движение в тылу. В дневное время подвозились боеприпасы и кухни. Одним словом, неприятель полностью пренебрегал маскировкой. Особенно большое оживление начиналось в момент подхода кухни. Наше командование поставило снайперам задачу: нарушить движение противника в дневное время.

...Пять снайперов ушли (дело происходило в районе Мекензиевых гор) в три часа ночи; миновав передний край противника, они замаскировались в густом кустарнике, неподалеку от дороги. За два дня засады они уничтожили 130 вражеских солдат и офицеров. На исходе второго дня противник был вынужден послать против наших снайперов роту автоматчиков. Развернутым строем фашисты пошли в атаку на кустарник. Но снайперы сумели незаметно сменить позицию и с фланга открыли огонь по наступающим.

Гитлеровцы потеряли из виду наших бойцов. Они стреляли куда попало. Один взвод автоматчиков обходил высоту справа, другой — слева. Эсэсовцы решили во что бы то ни стало изловить группу снайперов. Лишь только

фашисты начали сближаться, по ним с фланга открыли огонь наши меткие стрелки. Противник, не разобравшись в чем дело, начал отстреливаться. Снайперы незаметно скрылись. Получилось, что фашисты, ведя огонь, стреляли по своим же солдатам, а снайперы благополучно вернулись в свое подразделение. Эти засады оправдывали себя. Гитлеровцам ничего не оставалось, как прекратить всякое движение днем.

Снайперская засада требовала большой подготовительной работы. Каждый севастопольский меткий стрелок обязан был досконально знать все проходы на нейтральной зоне, очертания линии вражеской обороны. В засаду ходили небольшими группами по три-пять человек. Каждый стрелок был вооружен, кроме снайперской винтовки, пистолетом, пятью гранатами и имел при себе двести патронов. На группу выделялось: один-два автомата, обязательно — ручной пулемет с несколькими запасными дисками и саперные лопатки. Облюбованное снайперами место в течение двух-трех ночей проверялось разведкой, в которую ходили только участники засады. Лишь после этого назначался выход всей группы. Подготовка к нему велась секретно. Наши засады противник часто принимал за партизанские налеты, и бывали случаи, когда он снимал своих солдат с переднего края и приказывал им атаковать какую-нибудь высоту, на которой находились советские снайперы. В связи с этим мне вспоминается один из фронтовых эпизодов.

Дорога, по которой подвозились нашим частям боеприпасы и продукты на передний край, проходила между двумя высотами в районе Итальянского кладбища (примерно 15—17 км от Севастополя, совр. Балаклавский район, на

север от деревни Камары, недалеко от левого берега реки Черной, высота над уровнем моря — 217 метров. — А.Б.). Эту дорогу враг постоянно держал под обстрелом. Командование поставило снайперам задачу — очистить высоту Безымянную от гитлеровцев. Для выполнения задания выделили восемь человек. Первый день нам не принес удачи. Эсэсовцы занимали выгодное положение на гребне высоты, а нам пришлось залечь у ее подножья. В 3 часа утра следующего дня, скрываясь в мелком кустарнике и умело используя неровности местности, мы поднялись наверх и очень близко подошли к противнику. Расстояние между нами исчислялось буквально десятками метров. Нетрудно себе представить, какую нужно было проявить сметку, чтобы так близко подойти к тщательно охраняемому рубежу.

С рассветом немцы увидели в семидесяти метрах от себя “выросшие” за ночь несколько кустарников. Укрывшись за камнями, снайперы замерли в ожидании того момента, когда гитлеровцы откроют огонь по кустам, полагая, что в них замаскировались снайперы.

Противник попался на нашу удочку.

Только на востоке заалела розовая полоска и первые лучи солнца брызнули из-за гор, раздалась бешеная стрельба из пулеметов и автоматов. Гитлеровцы открыли огонь по ложной цели. Мы этого и ждали. Нам требовалось точно определить месторасположение пулеметных гнезд и окопов автоматчиков. Почти одновременно прозвучали восемь наших выстрелов. Снайперы сумели быстро выбрать цели. Они били врага без промаха.

Услышав перестрелку, противник послал взвод для усиления своего боевого охранения. Но оно к тому вре-

мени было уже уничтожено. Подразделение автоматчиков наткнулось на наш огонь и откатилось на свою исходную позицию.

В течение семи дней высота Безымянная охранялась нами. Неоднократно враг пытался оседлать потерянный рубеж, но все его попытки заканчивались большими для него потерями. Семь суток держалась там горстка бойцов, семь суток мастера меткого огня обороняли захваченную высоту. Только на восьмой день нас сменила стрелковая рота...»¹

Очень скромным человеком была Людмила Михайловна. В этой книге, изданной тиражом в 50 тыс. экземпляров, она практически ничего не рассказала о себе, о своих победах, о трудностях снайперской службы, не поделилась с читателями собственными секретами маскировки, владения оружием, стрельбы без промаха по любым целям. Хотя одна эта боевая операция небольшой группы снайперов в районе Итальянского кладбища, наверное, достойна целого исследования.

Но совершенно неслучайно Людмила Михайловна взялась рассказывать о буднях второй севастопольской обороны. Она часто приезжала сюда уже в послевоенные годы, встречалась с теми, кто вместе с ней стоял на огневых рубежах. Ведь многие защитники Севастополя, окончив службу в рядах Советской Армии, вернулись в легендарный город-герой, до основания разрушенный захватчиками, чтобы восстановить его в память о стойкости и мужестве русских солдат и офицеров.

¹ Павличенко Л.М. Героическая быль. Оборона Севастополя. М., 1958. С. 39—42

Традиционным местом встречи знаменитых севастопольцев-ветеранов была просторная квартира в доме на улице Большой Морской, где жила Антонина Алексеевна Сарина, секретарь горкома ВКП(б) по промышленности и транспорту в годы войны. Собирались в два часа дня 9 мая, рассаживались за большим столом, минутой молчания поминали тех, кто не дожил до Победы, провозглашали тост за нее и предавались воспоминаниям о прошедших боях, снова и снова обсуждали события второй обороны, давая им разные оценки. Звучали за столом и песни Великой Отечественной войны. Обычно запевала их Людмила Михайловна. Голос у нее был грудной, глубокий, очень приятный...

В феврале 1958 года было принято постановление бюро Севастопольского горкома Коммунистической партии Украины и горисполкома «О зажжении Вечного огня в память воинов, погибших в боях за Родину» на Малаховом кургане. На торжественном митинге, посвященном этому событию, в качестве почетных гостей присутствовали Л. Павличенко и Г. Доля, защитник ДЗОТа № 11, который находился на склоне Камышловского оврага. ДЗОТ, вооруженный станковым и ручным пулеметами, в декабре 1941 года несколько дней сдерживал наступление гитлеровцев, и Доля — единственный, кто остался там в живых. Зажег Вечный огонь на оборонительной башне Малахова кургана бывший командующий Черноморским флотом адмирал Ф. Октябрьский...

С начала Великой Отечественной войны минуло двадцать лет.

В нашей стране решили отметить этот юбилей публикацией мемуаров военных деятелей, выпуском тематических

номеров журналов, организацией научно-практических конференций. Озаботились этим и в городе-герое Севастополе. Майор береговой службы в отставке Герой Советского Союза Л.М. Павличенко получила приглашение на заседание научного совета Музея героической обороны и освобождения, посвященное 20-летию со дня начала обороны, которое назначили на 21 октября 1961 года. Она подготовила доклад и выступила с ним в Севастополе.

В данном случае круг слушателей был невелик: научные сотрудники трех городских музеев, военные историки, ветераны-участники боевых действий в 1941—1942 гг. Они представляли разные роды войск. Про снайперов рассказывала только Людмила Михайловна. Она напомнила присутствующим о своих павших под Севастополем коллегам. Старшина 7-й бригады морской пехоты Ной Адамия, на счету которого имелось 200 уничтоженных фашистов, пропал без вести где-то на Херсонесском мысу. Звание Героя Советского Союза ему присвоили посмертно. В снайперской дуэли погиб ефрейтор 456-го полка НКВД, бывший пограничник Иван Левкин. Молодого жителя Севастополя Юрия Федоренко, в декабре 1941 года быстро освоившего ремесло меткого стрелка, тоже не было в живых.

— У нас как-то часто и много принято говорить, что снайпер такой-то убил, а вот чего это стоило снайперу? Приходилось ли нам говорить об этой серьезной и тяжелой фронтовой работе? — в начале своего доклада задала вопрос Павличенко и постаралась на него обстоятельно ответить:

«Мне бы хотелось сегодня коротко вспомнить — в чем же заключается наша работа. В такой день, как сегодня,

снайпер встает в три часа ночи, выходит на снайперский пост — в 4 часа утра. Снайперы обыкновенно сидели в нейтральной зоне, на ничейной земле, последнее боевое охранение позади, впереди гитлеровцы. Вы знаете, что линия ничейной земли в Севастопольском укрепрайоне была узкой, на отдельных участках до 150 метров, но в основном — значительно уже, поэтому очень часто приходилось быть в непосредственной близости от противника. За день можно было сделать 5—10 выстрелов.

Нам противостояли фашистские снайперы. Они имели отличную подготовку, заканчивали военные снайперские школы, учились стрельбе по живым мишеням в концлагерях смерти, а на фронте за каждую сотню убитых русских получали дополнительные награды.

Как-то принято думать, что мы друг друга обманываем веточками. Дело не в веточке. Подумайте: вот вы столкнулись со снайпером на вашем участке фронта. Вам передают, что снайпер мешает, нарушает движение. Тогда дается приказ нашему снайперу снять вражеского снайпера, а для того, чтобы его найти, надо потратить двое — двое с половиной суток. И вот двое с половиной суток снайпер работает один, наблюдатель отходит потому, что лишние люди — лишние жертвы и демаскировка.

Много способов приходилось применять, чтобы вызвать снайпера на огонь. Применяли стекло, жестянки — все, что было под рукой. У нас не было особых приспособлений, а когда обнаружишь снайпера, то начинается так называемая снайперская дуэль. Вы в прицел видите снайпера, его глаза, цвет волос, но и он вас видит. Здесь все решают доли секунды. После такой снайперской дуэли человек на несколько часов выходит из строя. Он

настолько устает, что трудно из него что-либо еще выжать.

Мы добились, что гитлеровцы не ходили в дневное время по переднему краю. Гитлеровца надо было искать, надо уничтожать. Каждый убитый фашистский солдат — это психическое воздействие на врага. Значит, надо было перейти к новому виду работы — снайперской засаде, то есть выходить на 500—800 метров к ним в тыл. Идешь ночью, на линии фронта спокойно. Но когда переходишь линию фронта, кожа у тебя деревенеет. В засаду мы ходили только добровольно, зная, что шансов вернуться на свои позиции — не более десяти из ста.

Приходишь в засаду часа в три ночи и до восьми часов утра. Лежат несколько снайперов, ведут наблюдение за врагом. В какой-то момент начинается снайперский налет, а вслед за ним — крик. Гитлеровцы кричат, что напали русские партизаны. У них — паника, а вслед за этим они приходят в себя, и для нас готовится ряд “сюрпризов”. Много бывало случаев, когда снайперы погибали в засаде, но не было случая, чтобы мы оставляли убитого товарища у врага.

Большую роль играли снайперы в бою.

Когда отдается приказ наступать нашей пехоте, то надо перекрыть вражеские пулеметные ДОТы, и на это задание шел наш снайпер. За час или два до наступления снайпер выходит на нейтральную полосу, подбирается к переднему краю врага и берет под огонь его ДОТ, а взять под огонь эту огневую точку — значит залечь прямо перед ДОТом. И мы такие задания выполняли.

При обороне Севастополя командование высоко ценило снайперский труд, это отношение было вполне заслужено нами.

Для того, чтобы стать снайпером, важно не только уметь метко стрелять. Важно другое — отношение к врагу. Это — холодная ненависть, когда все чувства подчинены расчету. И конечно, нужна воля, железная выдержка, умение пристально и терпеливо наблюдать. Наши снайперы не спускали с врага глаз ни днем ни ночью. Часто бывало, что боевой журнал разведки проверялся по снайперским наблюдениям. Каждую кочку, каждый кустик на своем участке снайпер знал наизусть.

Из-за этой тяжелой работы у многих из нас появлялась болезнь — реактивный невроз, и это — совершенно нормально. Сложная обстановка на фронте не позволяла вовремя предоставлять метким стрелкам отдых, и постоянное нечеловеческое напряжение сил выливалось в такую хворь.

Я помню первый слет снайперов в Севастополе, созданный Главкомандующим Приморской армии генерал-майором Иваном Ефимовичем Петровым. Он первый обратил внимание на трудные условия работы снайперов и приказал давать нам еженедельно сутки отдыха, снабжать снайперов дополнительным сухим пайком на посту, ведь горячий обед на нейтральную полосу не принесешь.

Хочу сказать и о теплом отношении к нам однополчан. Когда уставший снайпер возвращался из леса с “охоты”, то он мог зайти в первый попавшийся блиндаж, и каждый солдат или матрос считал своим долгом освободить ему место и сказать: ложись. Согрели чай на бездымном порохе и давали кружку: выпей, переведи дух, отдохни.

Когда мы получали суточный отпуск, то приезжали в Севастополь, и нас обычно встречала ребятня, расспрашивала об успехах на фронте. Бывало, снайпер ходит-ходит и

не имеет ни одного убитого — враг прячется. Командиру можно объяснить, что фрицев нет, а попробуйте это объяснить ребенку. Отвечаешь малышу: знаешь, фашистов не было. И слышишь в ответ: ты плохо меня защищаешь.

Потом, весной 1942 года, севастопольским ребятам стало известно, что у нас плохо с боеприпасами. Я получила в подарок от мальчишек с горы Матюшенко рогатку. Спрашиваю — зачем? А мне говорят: снайперу нужно тренироваться каждый день, а у вас патронов мало, потому не трать их и тренируйся с рогаткой. Это — серьезный момент. Говорит он о том большом единстве, которое существовало у нас в народе в годы борьбы с фашизмом.

Например, когда я приходила в Севастополь, то первая женщина, которая увидит тебя, считала своим долгом отдать свою воду — а в городе ее постоянно не хватало — и постирать тебе все.

Героическая оборона города продолжалась 250 дней. Мы противостояли противнику, имевшему большой численный перевес, перевес в орудиях и боевых самолетах. Это получилось потому, что три силы: народ, армия и флот — слились в одну. Мы, ветераны, очень благодарны севастопольцам, которые сейчас поддерживают нашу былую военную славу. Защитники приходят, защитники уходят, а Севастополь остается навсегда!...»

В этом докладе ничего не сказано о снайперских виңтовках, хотя они являлись важнейшим условием успешной работы сверхметкого стрелка. Но надо помнить, что публичные упоминания об оружии в СССР не поощрялись. Эта тема считалась запретной. Вероятно, потому Людмила Михайловна ни единым словом не обмолвилась ни о «трехлинейке» с прицелом «ПЕ», ни о «СВТ-40» с

прицелом «ПУ», которые видны на ее фронтовых фотографиях. На самом же деле оружие она очень любила и прекрасно в нем разбиралась.

У нее была собственная коллекция пистолетов и специальное разрешение на их хранение, выданное Управлением МВД по городу Москве.

Как пишет Людмила Михайловна в своих мемуарах, первым она получила пистолет «ТТ» (Тульский, Токарева), присвоенный младшему и среднему командному составу РККА. Этот образец выпущен в 1940 году на Тульском оружейном заводе и имеет номер «ПА 945». Тяжеловатым он казался для женской руки (вес 825 грамм без магазина на восемь патронов), зато калибр имел 7,62 мм и пробивал кирпичную стену толщиной не менее десяти сантиметров. С ним снайпер не расставалась во время обороны Севастополя, всегда носила в кобуре на ремне, перетягивающем гимнастерку.

Видимо, к военным трофеям можно отнести принадлежавший ей пистолет системы «Маузер» С/96 образца 1912 года и калибра 7,63 мм с номером «5198». Это мощное оружие с магазином на десять патронов, с длинным стволом, имевшим внутри шесть нарезов и сверху — секторный прицел с хомутиком. На правой стороне рамки выбита надпись: «WAFFEN-FABRIK MAUSER A.G. OBERNDORF A NECKAR». Кроме «Маузера» немецким оружием в ее коллекции являлся и «Парабеллум» («Люгер»). Впрочем, этот пистолет калибра 9 мм командование Российской императорской армии еще в 1906 году рекомендовало офицерам «для ношения в строю», который они могли приобретать на свои средства.

О поездке в США Людмиле Михайловне напоминали два пистолета: «Браунинг» образца 1930 года калибра 9 мм (№ 838993) и «Кольт» образца 1911 года калибра 11,43 мм (№ С-214969). Последнюю «игрушку» ей подарили от имени Чикагской ассоциации метких стрелков, с членами которой она встречалась и даже провела показательную стрельбу по мишеням в их клубе из американских винтовок «Гаранд М1» и «Спрингфилд М 1903», снабженных оптическим прицелом «Вивер».

Когда советская студенческая делегация побывала в городе Торонто (Канада), то на оружейной фабрике снайперам Павличенко и Пчелинцеву преподнесли сувениры: винтовки «Винчестер» в подарочном исполнении: цевье и приклад из светлого полированного орехового дерева с памятной надписью, все металлические части и ствол улучшенной обработки. Людмиле тогда досталось ружье с номером «35867». (В настоящее время коллекция оружия, принадлежавшая Л.М. Павличенко, находится в Центральном музее Вооруженных Сил РФ. Ф. № 1/2056).

Во второй половине 50-х и начале 60-х годов майор береговой службы в отставке регулярно ездила не только на юг, в Севастополь, но и на восток, в город Ижевск, где находился военный завод № 74, знаменитый «Ижмаш». Там группа конструкторов под руководством Е.Ф. Драгунова трудилась над созданием нового образца самозарядной снайперской винтовки калибра 7,62 мм. Людмила Михайловна консультировала инженеров, принимала участие в полевых и стендовых испытаниях. Пригодился ее бесценный опыт сверхметкого фронтового стрелка, ее глубокое знание устройства ручных «огнестрелов», ее особое

«чувство оружия», которое не раз выручало снайпера на переднем крае севастопольской обороны. Однако работа над проектом шла непросто.

Главное ракетно-артиллерийское управление (ГРАУ) Министерства обороны объявило конкурс на создание нового образца в 1958 году. Требования военных, например по кучности стрельбы, показались конструкторам почти невыполнимыми. Однако изготовленный Драгуновым в 1959 году опытный образец ССВ-58 «уложился» в них. Затем его группой был представлен доработанный вариант ССВ-61, который тоже получил ряд замечаний, но было ясно, что конструкторы находятся на правильном пути.

Наконец, в 1963 году ГРАУ приняло на вооружение Советской Армии 7,62-мм снайперскую винтовку Драгунова — «СВД», снабженную оптическим прицелом «ПСО-1».

Эта винтовка неплохо показала себя во время боевых действий в Афганистане и на Северном Кавказе, помогая нашим бойцам быстро уничтожать противника при столкновениях в горах. Она до сих пор состоит на вооружении некоторых частей спецназа ГРУ Генштаба ВС. Претерпев незначительные изменения, «СВД» попала и на вооружение армий стран, входивших тогда в Варшавский договор.

Кроме стрелкового оружия Людмила Михайловна хорошо знала... английский язык: читала, писала и свободно говорила на нем. Для того чтобы поддерживать это знание на должном уровне, она раз в неделю вместе с сыном Ростиславом занималась с преподавателем.

Сохранилась ее переписка с Элеонорой Рузвельт. Несмотря на буйные ветры «холодной» войны, гуляющие по Европе и Америке, обе дамы поддерживали отношения, которые возникли между ними во время встречи в Вашингтоне осенью 1942 года. Они сообщали друг другу об интересных литературных новинках, обменивались семейными фотографиями и маленькими подарками, поздравлениями с днем рождения, договаривались о поездках на международные конгрессы, посвященные борьбе за мир.

По приглашению майора береговой службы в отставке супруга 32-го президента США посещала Советский Союз дважды: в 1957 и в 1958 году. Они много времени провели в Москве, вместе ездили в Ленинград, бывали на театральных спектаклях и в музеях. Элеонора хлопотала о том, чтобы Людмила Михайловна снова приехала в Америку. Но госдепартамент США, помня пылкие речи младшего лейтенанта на митингах в 1942 году, не дал на это разрешения.

Вот одно из писем госпожи Рузвельт:

«November 4, 1957.

My dear Ludmila:

I was very glad to get your letter and I want to thank you warmly for the photographs.

You were very good of sending me the photographs and I am happy to have them as a souvenir of our most pleasant reunion in Moscow.

Since my return I have spoken often of your warm welcome and the kindness you showed me. Trude and Joe Lash were

delighted to hear we had met and they join me in sending you many warm messages.

I hope you will be able to visit us here soon again.
With deep appreciation and my good wishes,
Very cordially yours, Eleanor Roosevelt»¹.

«Ноябрь 4, 1957.

Моя дорогая Людмила:

Я была очень рада получить ваше письмо, и я хочу тепло поблагодарить вас за фотографии.

Вы были очень добры, послав мне фотографии, и я счастлива иметь их как память о нашей очень приятной дружеской встрече в Москве.

С тех пор, как я вернулась, я часто говорю о вашем теплом гостеприимстве и доброте, которые вы оказали мне. Труда и Джой Лэш (Гертруда Пратт и Джой Лэш — функционеры «Всемирной студенческой службы». — А.Б.) с удовольствием услышали, что мы встречались, и они присоединяются ко мне, посылая вам много теплых пожеланий.

Я надеюсь, вы сможете скоро посетить нас снова.

С глубокой признательностью и моими добрыми пожеланиями,

Сердечно ваша, Элеонор Рузвельт».

Годы шли, и здоровье доблестного снайпера стало давать сбои. Сказывалось тяжелое отступление по причерноморским степям от реки Прут к Одессе, бессонные и холодные ночи в зимнем крымском лесу, контузии и

¹ Центральный музей Вооруженных Сил РФ. Ф. № 4/3761/15—38.

ранения. Но когда в апреле 1970 года Людмила Михайловна получила из Севастополя приглашение на участие в торжественной церемонии зажжения Вечного огня на Сапун-горе, то без колебаний его приняла. Слишком много значил в ее судьбе этот город. А в Севастополе таким образом собирались отметить 25-летие Победы. Для севастопольцев это всегда был значимый и большой праздник.

Ясным, солнечным утром 9 мая 1970 года сотни горожан собрались на митинг на Малаховом кургане. Играл духовой оркестр, на морском ветру трепетали красные знамена, звучали речи о подвигах бойцов и командиров Красной Армии, о стойкости, храбрости и мужестве тех, кто грудью заслонял главную базу Черноморского флота от ударов фашистских захватчиков и тех, кто потом в ходе стремительного наступления разгромил гитлеровцев, выбил их из города-крепости. После этого участница второй обороны Герой Советского Союза Л.М. Павличенко зажгла факел от Вечного огня, горевшего на оборонительной башне кургана, и передала его в руки Героя Советского Союза Ф.И. Матвеева, участника освобождения Севастополя, гвардии сержанта 997-го стрелкового полка, штурмовавшего 7 мая 1944 года немецкие укрепления на Сапун-горе.

На бронетранспортере факел провезли по улицам Корабельной стороны, центральной части города и по проспекту генерала Острякова, далее — по Ялтинскому шоссе — и доставили на Сапун-гору. Здесь, пронеся факел по центральной аллее мемориального комплекса, Матвеев зажег Вечный огонь в специальной нише у подножияobeliska Славы.

....Людмила Михайловна Павличенко скончалась от тяжелой продолжительной болезни на пятьдесят восьмом году жизни 27 октября 1974 года и была похоронена в Москве на Новодевичьем кладбище. Для увековечивания памяти знаменитой героини Великой Отечественной войны ее именем в 1976 году назвали судно Министерства рыбного хозяйства, выпустили почтовую марку. Также ее именем названы улицы в городе Белая Церковь и в городе Севастополе. Ей посвящена экспозиция в Центральном музее Вооруженных Сил Российской Федерации (г. Москва).

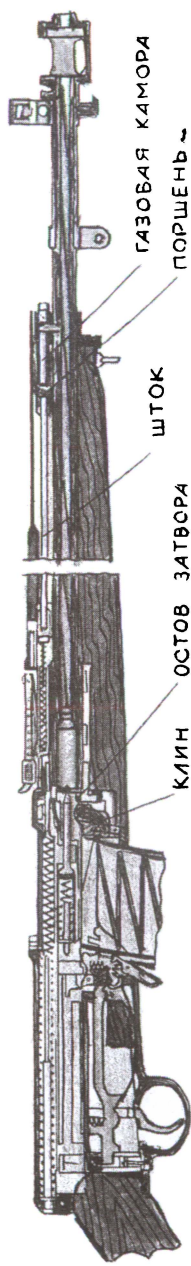
*В этом здании на станции Силикатная располагалась
Центральная женская школа снайперской подготовки*

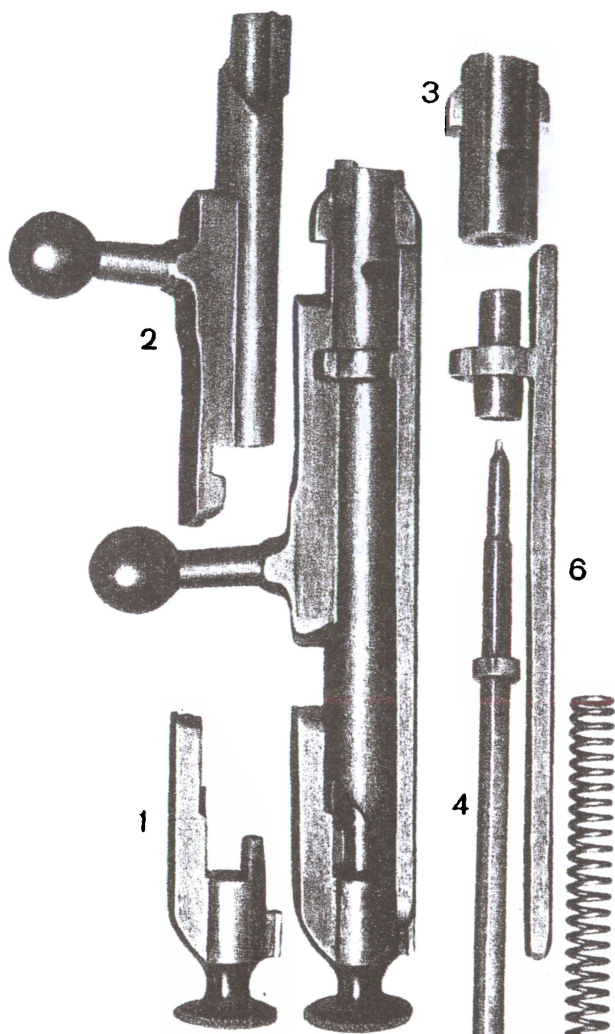
Девушки-снайперы в Центральной женской школе снайперской подготовки

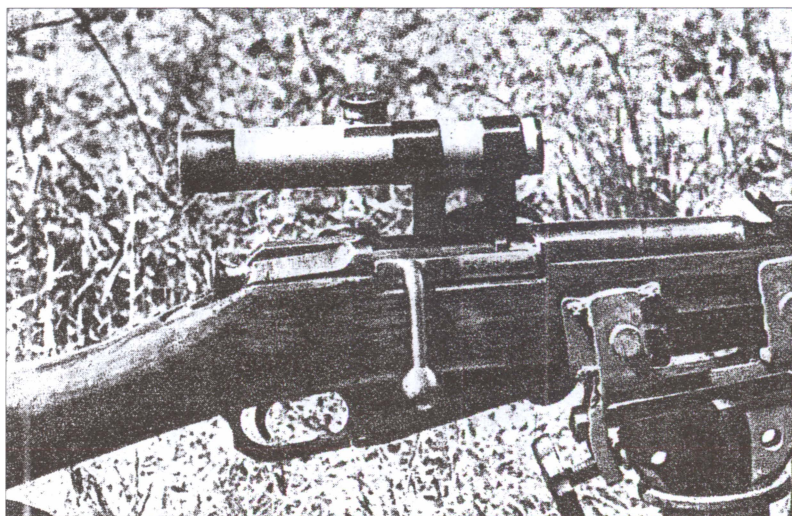
Самозарядная винтовка Токарева образца 1940 г. (СВТ-40)

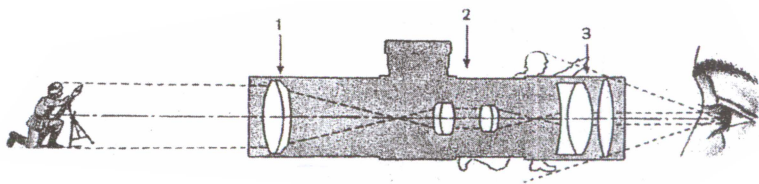
Автоматическая винтовка Симонова образца 1936 г. (АВС-38) в разрезе

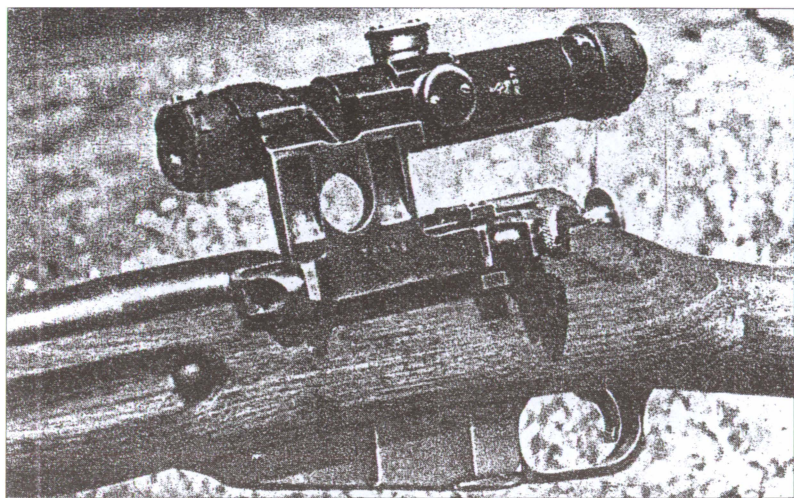
Продольно-скользящий затвор винтовки Мосина и его части: 1 — курок; 2 — стебель затвора с рукояткой; 3 — боевая личинка; 4 — к курку привинчивается ударник с бойком; 5 — на ударник надевается боевая пружина; 6 — эта планка соединяет части затвора; она и называется соединительной

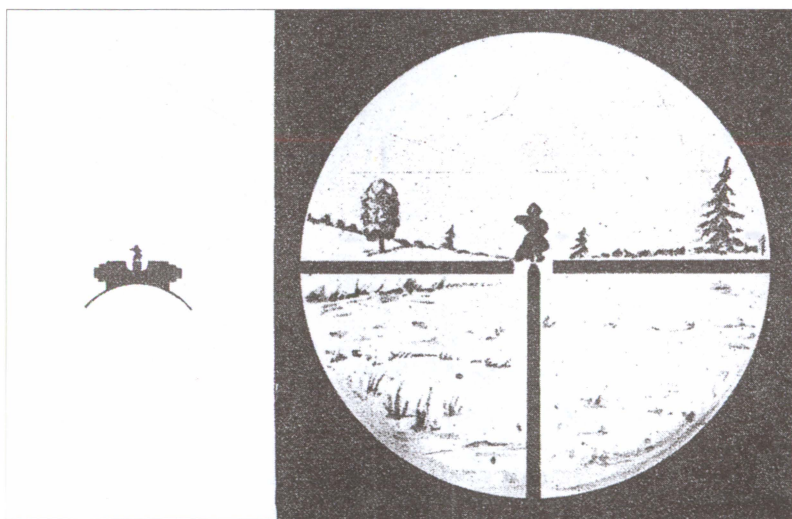
*Оптический прицел Емельянова («ПЕ»),
установленный на винтовке СВТ-38*

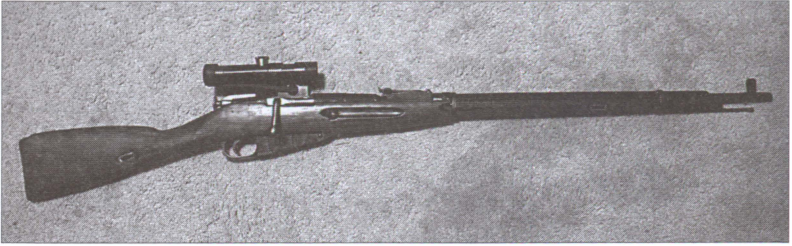
*Ход лучей в оптическом прицеле:
1 - объектив; 2 - оборачивающая система линз; 3 - окуляр*

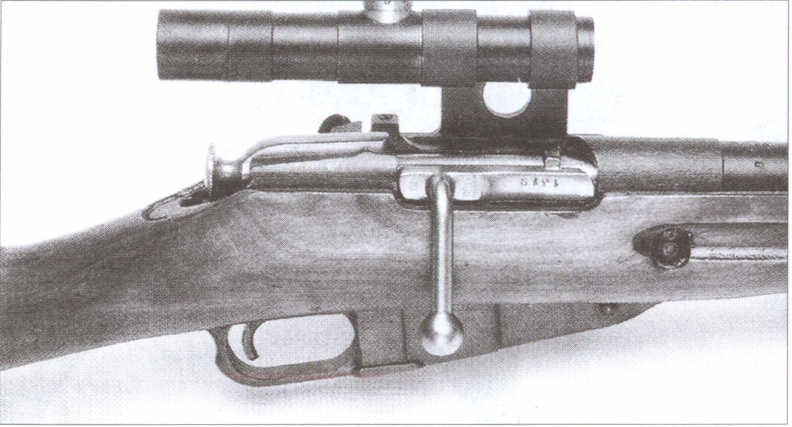
Прицел укороченный («ПУ») на кронштейне

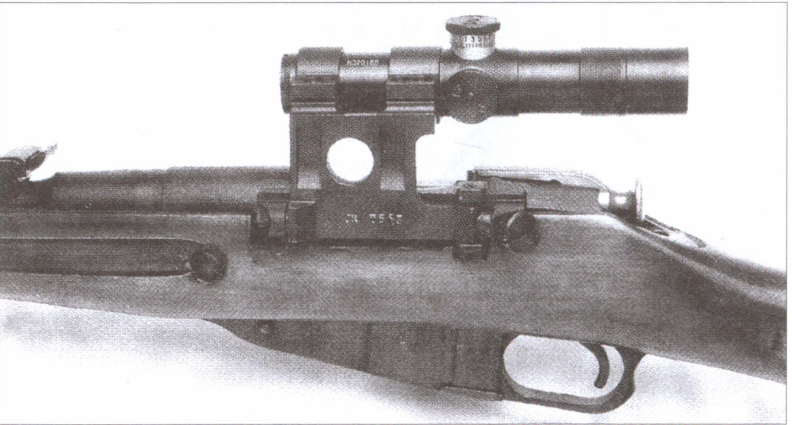
Поясная цель на расстоянии 100 м, видимая через открытый прицел (слева) и через оптический прицел

Винтовка («снайперка») системы Мосина образца 1891/1930 г.

Прицел «ПУ» на винтовке Мосина. Вид справа

Прицел «ПУ» на винтовке Мосина. Вид слева

*Боец-снайпер 54-го стрелкового имени Степана Разина полка
Л.М. Павличенко. Одесса, август 1941 г. Фото предоставлено
Государственным музеем героической обороны и освобождения
Севастополя*

*Старший сержант Людмила Павличенко. Севастополь, март 1942 г.
Фото предоставлено Государственным музеем героической обороны
и освобождения Севастополя*

*Герой Советского Союза старший лейтенант Л.М. Павличенко.
Москва, 1944 г. Фото предоставлено Государственным музеем героической
обороны и освобождения Севастополя*

*Майор береговой службы ВМС
Л.М. Павличенко. 1964 г.*

*Участники второй обороны Севастополя на юбилейных торжествах
в честь освобождения города в мае 1964 г.*

*Снайперы М.С. Поливанова
и Н.В. Ковшова*

*Снайперы М.С. Поливанова
и Н.В. Ковшова. Ноябрь 1941 г.*

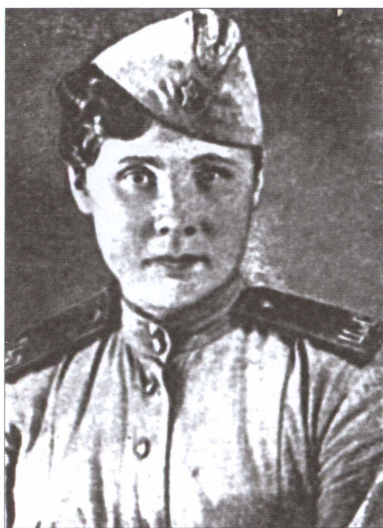
*Н.В. Ковшова, Т.А. Гаврилова и М.С. Поливанова
в снайперской школе. 1941 г.*

Снайпер 3-го Белорусского фронта кавалер ордена Славы II и III степеней старший сержант Роза Георгиевна Шанина в деревне Столяришки

Снайпер Р.Г. Шанина и ее командир А. Балаев

Снайпер Т.Н. Барамзина

Снайпер А.Н. Молдагулова

*В начале обучения в Центральной женской школе снайперской подготовки.
Сидят: Ю. Жукова и Р. Возина, стоят: А. Астрова и В. Шипова.
Апрель 1944 г.*

*Юлия Жукова (в центре)
с командиром взвода младшим
сержантом И. Папихиной
(справа) и командиром отделения
сержантом М. Дувановой (слева)
перед отправкой на фронт.
1944 г.*

Ю. Жукова (справа) и Л. Ружицкая. 1944 г.

*Знак «Снайпер ОСОАВИАХИМа»
образца 1933 г.*

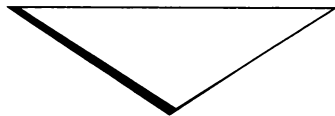

*Знак «Снайпер РККА»
образца 1938 г.*

Знак «Снайпер» образца 1942 г.

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ

НАТАЛЬЯ КОВШОВА И МАРИЯ ПОЛИВАНОВА, ДОБРОВОЛЬЦЫ ИЗ МОСКОВСКОГО НАРОДНОГО ОПОЛЧЕНИЯ

«Сказать по правде, я совсем не обрадовался, когда меня назначили командиром полка в ополченческой дивизии, — пишет в своих воспоминаниях майор Станислав Александрович Довнар. — Военного опыта у меня хватало, я воевал на Холхин-Голе и участвовал в войне с белофиннами. Но мне постоянно приходилось иметь дело с кадровыми бойцами Красной Армии. Теперь же мне предстояло начальствовать над людьми, которые проявили высокое патриотическое сознание, но в большинстве своем были в военном отношении совершенно неумелыми.

На первых порах мы встретились, естественно, с немалыми трудностями. Полк еще не был принят на регулярное интендантское снабжение. Оружия пока не хватало. Обмундирование у бойцов было самое пестрое. Да и “штатские” привычки и настроения были еще очень сильны...

И вот однажды я шел в расположение полка в самом неприятном настроении, попросту сказать, был зол до крайности. Вижу, шагают мне навстречу двое мальчишек небольшого роста, этаких “сосунков”, как я подумал тогда. Идут веселые, переговариваются между собой, смеются. Вижу: на обоих черные ватники не по росту, винтовки

за плечами. “Тоже мне, добровольцы!” — с раздражением подумал я. Остановил мальчишек и спрашиваю:

— Кто вы такие? Что тут делаете?

А они вытянулись в струнку и отчеканили:

— Боец Ковшова!

— Боец Поливанова!

Тут я окончательно вскипел: ну, думаю, не хватало мне еще таких “бойцов”. Непременно этих девчонок надо по домам отправить. Никогда у меня не было в части таких “красноармейцев” и, клянусь, никогда не будет! Однако спросил, что же они собираются делать в полку. Есть ли у них какая-нибудь военная подготовка? Где учились? Что умеют делать? Уверен был, что получу самый неопределенный ответ.

— Мы — снайперы, — вдруг отвечает та, что постарше. — В августе 1941 года окончили на “отлично” месячные курсы снайперов, имеем звание командиров отделения. Обе — комсомолки. В часть вступили добровольно. И желаем оставаться именно бойцами-снайперами.

— Ну, хорошо, — сурово говорю я. — Я еще на деле проверю, что вы за снайперы. А в случае чего немедленно по домам отправлю. Солдаты нам нужны настоящие. Мы стоим на боевом рубеже, на защите Москвы. И собираемся воевать, а не в бирюльки играть...

Вот это и была моя первая встреча с Наташей и Машей. Я и запомнил их на тот случай, чтобы отчислить из полка в первую очередь...»¹

¹ Здесь и далее цитируются мемуары и письма С.А. Довнара, находящиеся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. М-7. Оп. 2. Д. 594. Ч. XII.

События, которые описал Довнар, относятся к ноябрю 1941 года. Но отчислить из полка снайперов Наталью Ковшову и Марию Поливанову строгому строевику-офицеру все-таки не удалось. Участник боев с японцами на Халхин-Голе еще не понимал, какая тотальная война идет на территории России, не знал, что из-за колоссальных людских потерь, в том числе — и в битве за Москву — для борьбы с захватчиками будет нужен любой человек, освоивший военную специальность, тем более — такую сложную, как снайперское дело. Придется Станиславу Александровичу признать, что и женщины могут быть умелыми бойцами, проявлять стойкость, мужество и отвагу при выполнении боевых заданий. А потом именно Наталья Ковшова спасет командира полка, уложив с первого выстрела вражеского автоматчика, вывезет тяжелораненого офицера с места сражения и по приказу командования доставит его в госпиталь в Москве...

Наталья Венедиктовна Ковшова родилась 26 ноября 1920 года в городе Уфа. Ее мать Нина Дмитриевна Араловец происходила из семьи профессиональных революционеров-большевиков. Она заведовала парткабинетом в одном из московских райкомов ВКП(б). Ее отец Венедикт Дмитриевич Ковшов являлся членом РСДРП(б) с 1917 года, служил в Красной Армии комиссаром Богоявленского стрелкового полка, после войны был секретарем Златоустовского уездного комитета РСДРП(б), затем получил направление на партийную работу в Москву. Репрессирован в 1935 году как участник троцкистского подполья, реабилитирован в 1955 году.

Наталья Ковшова в 1940 году окончила московскую школу № 281 (совр. № 1284) и хотела поступить в Мо-

сковский авиационный институт. Но сразу ей это сделать не удалось. Она стала работать инструктором отдела кадров в тресте организации авиационной промышленности «Оргавиапром» и готовиться к новому поступлению в МАИ. Осуществить эти планы помешала Великая Отечественная война.

Еще до войны Наташа, как и многие молодые москвичи, занималась в стрелковом кружке ОСОАВИАХИМа и, возможно, даже имела удостоверение «Ворошиловский стрелок». Однако попасть на краткосрочные курсы снайперов она смогла не без труда. Ее мать Н.Д. Араловец, после войны написавшая книгу о дочери («Наташа Ковшова». М., 1952) вскользь упоминает об этом, но объяснений не дает. Наверное, причина была проста: отец, отбывающий наказание.

Краткосрочные снайперские курсы (в документах 528-го стрелкового полка, где в 1941—1942 гг. служила Н.В. Ковшова, указана их принадлежность — при Центральном Совете ОСОАВИАХИМа. — А.Б.) находились где-то под Москвой. Наташа по мобилизации Коминтерновского райкома комсомола уехала туда 26 июля 1941 года и вернулась в Москву 26 августа. Она охотно рассказывала матери о бытовых условиях этой учебы, о том, чем кормили курсантов (гречневая каша, гороховый суп), как одевали (гимнастерки, галифе, фуражки, ботинки с обмотками), каким был распорядок дня: подъем в 5.30 утра, физзарядка, завтрак, упражнения на свежем воздухе до обеда, послеобеденный отдых в течение часа, и снова занятия до позднего вечера.

В книге Нины Араловец почти ничего не говорится о программе обучения. Если четырехмесячные Снайпер-

ские школы ОСОАВИАХИМа предполагали 400 часов занятий, то за месяц освоить таковой объем знаний едва ли было возможно. Наташа рассказала матери, что их учили читать карту, ходить по азимуту, стрелять в цель, ползать по-пластунски. Скорее всего, это был своеобразный снайперский «кликбез». Выработать прочные профессиональные навыки, приобрести то самое «звериное чутье» едва ли было возможно. Хорошо еще, если курсантам прочитали несколько лекций по практической баллистике, объяснили, как пользоваться таблицами для стрельбы.

Ничего не сказано в этой книге и про оружие. Вполне вероятно, что на курсах начинающих стрелков все-таки познакомили с винтовками, снабженными оптическими прицелами, объяснили, как с ними работать. Впрочем, в рабочем батальоне, куда записалась Наталья, снайперских винтовок не имелось. На фотографии, датируемой зимой 1941 года, Наталья Ковшова и Мария Поливанова держат в руках винтовки Мосина. Оптических прицелов на них не видно. Отсутствует и кольцо-намушник, которым снабжались снайперские ружья. Значит, это обычные «трехлинейки». Скорее всего, «снайперки» появились у добровольцев лишь после перехода дивизии в кадровый состав Красной Армии.

Однако о боевой учебе, об оружии и о страстном желании попасть на фронт сама Наталья в декабре 1941 года писала матери в письмах: «Все мы рвемся в бой. И, вероятно, скоро наша мечта осуществится. Да и поскорей бы, а то я уже столько фанерных фашистов перебила, прямо нет числа, даже обидно пули зря тратить. Поскорей бы в наступление, тогда буду по живым гадам стрелять, буду их на мертвых переделывать. У меня винтовка (правда, не

снайперская, но очень хорошая) выпуска 1941 года, и я ее очень и очень люблю, чищу ее просто до седьмого пота. Ну, конечно, она отвечает мне полной взаимностью и бьет в цель на “отлично”. Так что мы с ней живем дружно и весело...»¹

Мария Семеновна Поливанова родилась 24 октября 1922 года в деревне Нарышкино Алексинского района Тульской области. Ее мать Матрена Яковлевна вела домашнее хозяйство, отец Семен Иванович определенной профессии не имел, ездил на заработки в Москву, где занимался то на стройку, то на завод. В семье было шестеро детей, и Маша — одна из младших сестер. Все дети получили начальное образование в сельской школе. Окончить восьмилетку удалось только Марии. В 1939 году семья Поливановых переехала в Московскую область, на станцию Валентиновка. В ноябре того же года Маша устроилась работать на фабрику бельевых товаров ученицей в стол заказов, позже стала секретарем в заводоуправлении. В 1940 году Поливанова перешла на работу в «Оргавиапром», где получила должность секретаря в сварочном отделе. В сентябре того же года она пошла в девятый класс вечерней школы, потому что хотела получить среднее образование и поступить в Московский авиационный институт вместе со своей новой знакомой Натальей Кавшовой

Девушки очень подружились.

Правда, характеры у них были разные: Наташа — решительная, быстрая, энергичная, умеющая настоять на своем. Маша — застенчивая, молчаливая, несколько мед-

¹ РГАСПИ. Ф. М-7. Оп. 2. Д. 594. Ч. XII. Л. 10—11.

лительная и очень спокойная. Получалось, что Ковшова верховодила, а Поливанова охотно подчинялась ей как старшей по возрасту и потому более опытной. Вслед за Натальей она поступила на снайперские курсы и училась на них, с крестьянской обстоятельностью овладевая навыками этой военной профессии. То, что Ковшовой давалось с лету, Поливанова усваивала в ходе упорных занятий, но от подруги не отставала.

Так и сложилась эта, самая известная в годы Великой Отечественной войны, снайперская пара: Ковшова — снайпер-истребитель, Поливанова — снайпер-наблюдатель. Распределение военных обязанностей вполне соответствовало их реальным отношениям между собой, что помогало девушкам успешно и своевременно решать боевые задачи.

АРМЕЙСКАЯ ШКОЛА

Сверхметкий стрелок может работать в группе.

Людмила Павличенко, упомянув о боевой операции на Безымянной высоте, которую снайперы удерживали семь дней, описала основные правила такой работы. Четко распределив обязанности в группе, вычислив расстояние для прицельного огня, умело применяясь к местности и маскируясь, они сдерживали противника, не давали ему осмотреться, выбрать место для атаки, понять, откуда ведется стрельба. Только выслав значительные силы, фашисты смогли вытеснить севастопольцев с позиции.

Снайпер также может действовать один.

Существует немало солдатских рассказов о том, как помогали меткие стрелки простым пехотинцам, разведчикам,

саперам. Например, так: «...“спасибо” говорю снайперу, который нас сопровождал. Полз я к ДОТу с толком. А впереди меня — траншеи с немецкими пулеметчиками. Пригнули головы и ведут огонь. Слепой огонь мне — не препятствие.

Но если кто из них голову вскинет да взглянет, тогда мне конец. Приподнялся один с автоматом, прямо на меня посмотрел и вдруг бац — сел замертво. Дальше ползу. Еще один вскочил, но и у него из головы брызнуло. И стало мне понятно, что Кондратюк, наш снайпер, меня меткой пулей оберегает. Потом Кондратюка другим подрывникам одалживали. Прямо ангел-хранитель, а не человек. Но мы его тоже без присмотра не оставляли. Автоматчик за ним следовал, как за генералом. И пулеметчикам наказ был — в случае чего — прикрывать...»

Однако наиболее распространенный на фронте вариант — работа в паре.

«...232-й стрелковый полк 182-й дивизии, когда в него прибыли снайперы, держал длительную оборону под Старой Руссой. Противником были пристреляны все траншеи и ходы сообщения, каждый бугорок, каждая лощинка. Выходить на задание снайперская пара могла только ночью, чтобы осторожно и бесшумно, до рассвета суметь выбраться на нейтральную полосу и зарыться в землю так, чтобы тебя не обнаружили вражеские наблюдатели. А затем под обстрелом часами до рези в глазах вглядываться в оптический прицел.

Встретили девушек солдаты в полку приветливо, старались подбодрить словом, взглядом, улыбкой. Делились своим опытом. Так, на первое боевое задание Зину Наумичеву послали в паре с опытным стрелком-мужчиной. Перед рассветом они стали осторожно пробираться к линии обо-

роны противника. Зинаида обрадовалась, когда для укрытия напарник ей предложил ту самую воронку от бомбы, которую заметила и она. Сам он устроился метров на сто левее. Зина внимательно смотрела, как снайпер, благополучно добравшись до места, начал оборудовать свою огневую точку и затем совершенно исчез из виду. Прошло немного времени, и тут Зина увидела его снова. Целясь, он чуть приподнял голову, и в ту же секунду раздался выстрел фашиста. Случилось непоправимое...»¹

Поднимать голову снайперу, скрывающемуся в складках местности, переползающему по-пластунски от одной оборудованной огневой позиции к другой, приходится неизбежно. Нужно осмотреться, нужно понять, что предпринимает противник. В этот момент сверхметкий стрелок наиболее уязвим. При снайперских дуэлях опытный боец ждет, когда враг откроется. Он всегда определит, с какой позиции, в какое время дня, при каком освещении и положении солнца будет стрелять тот, за кем он охотится. Только бы тот человек поднял голову, и пуля обязательно достигнет его...

«Случилось это весной, в ясный майский день. Девушки залегли под могучим вековым дубом. Замаскировались — лучше не придумаешь. Во всяком случае, обстрел с вражеской стороны, длившийся целый час, даже веточки возле снайперов не задел. Потом все стихло. Кошечкина просматривала линию обороны в оптический прицел на своей винтовке. Что такое? Откуда-то выросла маленькая елочка, до обстрела ее вроде бы не было. А ну-ка, ну-ка! Комякова тоже заметила новую елочку, чуть шевельну-

¹ Кролл Т. Очерк «Правофланговая». Сборник «Снайперы». М., 1976. С. 58.

лась, подняла голову, чтобы рассмотреть. Одновременно два выстрела грянули навстречу друг другу. Кошечка видела, как фриц выронил винтовку. Елочка, не поддерживаемая ничем, свалилась на мертвое тело. Оглянулась на подругу... Аня Комякова уронила голову на приклад. Тоненькая темная струйка стекала из-под каски вниз, на землю...»¹

Но далеко не всё и не всегда в работе снайперской пары складывалось так печально. Тут имел значение опыт, знания, военная сметка и, наконец, обычная удача. Один из знаменитых сверхметких стрелков Великой Отечественной войны, особенно отличившийся при обороне Сталинграда, Герой Советского Союза Василий Зайцев в своей книге «За Волгой для нас земли не было» рассказал, как вместе с напарником Николаем Куликовым охотился на фрицев в октябре—ноябре 1942 года.

Снайпер-наблюдатель действительно наблюдал за обстановкой вокруг огневой точки и об изменениях в ней сообщал своему старшему товарищу. Кроме того, вести наблюдение, которое требовало большой концентрации внимания, они могли по очереди. Поскольку Зайцев боролся именно с немецкими снайперами, то в обязанности Куликова входила работа с так называемой «куклой» — манекеном, одетым в шинель, или с каской, которую он по приказу Зайцева выставлял перед окопом. Задача была простой: вызвать противника на выстрел и по нему определить его местонахождение.

Очень часто в подобных случаях два выстрела звучали одновременно: со стороны противника и со стороны на-

¹ *Евстигнеев Г.* Очерк «Три Анны». Сборник «Снайперы».. С. 127.

ших позиций, потому что советский снайпер реагировал мгновенно.

«...Я держу фашистского снайпера на прицеле моей “трехлинейки” уже целых полчаса, — писал в книге Василий Зайцев. — Немного устал, напряжен до предела. Гоню от себя усталость, стараюсь не расслабляться. Фриц тоже смотрит через оптический прицел на наши позиции. Спрашиваю Куликова:

— Николай, как ты думаешь, он нас видит?

— Сейчас проверим, — отвечает он.

Куликов отошел назад, приподнял над бруствером окопа наш манекен в шинели и каске. Гитлеровец тотчас выстрелил. Блеснула короткая вспышка и каску сорвало с головы “куклы”. Положив руку на затвор, чтоб передернуть его и подобрать гильзу после удачного выстрела, как это принято у снайперов, фашист оторвался от окуляра оптического прицела и приподнял голову. В ту же секунду прогремел мой выстрел. Пуля легла где-то между глаз, перевернув его каску на лицо. Вражеская винтовка осталась лежать на месте. Лейтенант Федосов опустил на дно окопа, затем взял мою записную книжку — личный счет, послунял химический карандаш и записал в ней: “Я — очевидец дуэли. В. Зайцев на моих глазах убил немецкого снайпера. Л-т А. Федосов”...

С этой же позиции, действуя уже более решительно, в последующие дни мой ученик и напарник Николай Куликов снял двух вражеских дальномерщиков, взобравшихся на склон Мамаева кургана»¹.

¹ Зайцев В. За Волгой для нас земли не было. М., 1981. С. 213.

...Навсегда запомнила Нина Дмитриевна Араловец 15 октября 1941 года. Ранним утром бережно и аккуратно она уложила вещи в солдатский вещмешок для своей дочери Натальи и затем проводила ее на сборный пункт в Доме крестьянина на Трубной площади. Там формировался рабочий батальон Коминтерновского района города Москвы. Собралось 349 добровольцев. Их распределили по ротам, взводам и отделениям. Большой численный состав имел санитарный взвод: около 30 женщин. Оружия, конечно, москвичам не выдали. Они только построились в колонну и маршем двинулись к площади Пушкина, затем по улице Горького — к Белорусскому вокзалу. Но на фронт не поехали, а пошли по Ленинградскому шоссе к поселку Щукино. На первую ночевку остановились в доме отдыха Гражданского воздушного флота.

Рабочий батальон вошел в состав 2-го стрелкового полка Северо-Западной группы Московской обороны. Затем, 27 октября, группа была переименована в дивизию московских рабочих, а 14 ноября — в 3-ю Московскую коммунистическую дивизию, численность которой постепенно довели до десяти тысяч человек. В частности, во 2-м полку по списку состояло 2493 бойца и командира. К концу декабря 1941 года на вооружении в дивизии имелось 8565 винтовок (в том числе — и старых дореволюционных «трехлинеек», взятых на киностудии «Мосфильм»), 231 станковый пулемет, 200 ручных пулеметов, всего 52 пистолета-пулемета «ППШ» и «ППД» (в одном стрелковом полку Красной Армии, согласно штатам 1941 года, следовало их иметь более трехсот. — *А.Б.*), 4 миномета калибра 50 мм и 5 гаубиц. Потому хорошо вооруженным это воинское соединение назвать трудно. Вероятно, по такой

причине ополченцы и не принимали активного участия в обороне столицы, а занимались боевой учебкой, строили укрепления.

Как известно, в грандиозной битве за Москву Красная Армия вела оборонительные бои с 30 сентября по 5 декабря 1941 года, а наступательные — всю зиму 1942 года, вплоть до середины апреля.

Гитлеровцы планировали захватить нашу столицу с ходу, но при первом наступлении потерпели неудачу. Затем они разработали операцию под кодовым названием «Тайфун», при которой предполагали тремя ударами мощных танковых группировок расчленить оборону советских войск, окружить их и уничтожить. Группа армий «Центр» под командованием генерал-фельдмаршала фон Бока включала в себя примерно 1800 тыс. человек, 1700 танков, свыше 14 тысяч орудий и минометов, 1390 самолетов. Противник имел численное превосходство, поскольку советское командование могло противопоставить ему только 1250 тыс. человек, 990 танков, 7600 орудий и минометов, 667 самолетов.

После упорных и кровопролитных боев наши воинские соединения отошли к Можайску и Малоярославцу. Здесь они задержали наступление немцев на рубежах рек Лама, Руза и Нара. Не удалось захватчикам и продвинуться дальше города Калинина, где 14 октября прорвались вперед вражеские танки.

Противник везде понес значительные потери, но от захвата Москвы не отказался. К гитлеровцам подошли подкрепления, многие части были пополнены и перегруппированы. Теперь на столицу нацеливалась 51 дивизия, в том числе — 13 танковых и 7 моторизованных. Перевес в силах

был на стороне фашистов: в людях — в два раза, в артиллерии в 2,5 раза, в танках — 1,5 раза. Их наступление на Москву возобновилось 15—18 ноября.

Советские войска сопротивлялись героически.

Ярким примером такого сопротивления является бой 18 ноября 1941 года при разъезде Дубосеково (примерно в 130 км от Москвы), когда взвод истребителей танков из 4-й роты 1075-го стрелкового полка 316-й стрелковой дивизии в ходе четырехчасового боя уничтожил 17 вражеских бронированных машин. Всего в отряде было 28 солдат, вооруженных гранатами и противотанковыми ружьями. Все они погибли. Последним пал командир взвода младший политрук В.Г. Клочков-Диев. Он сумел связкой гранат подорвать восемнадцатый танк.

В деревне Федюкино 19 ноября также отчаянно сражался с фашистами 4-й эскадрон 37-го Армавирского полка 50-й Кубанской казачьей дивизии. Лошадей казаки отогнали в лес за деревню и встретили врага в пешем строю. Противотанковых ружей они не имели. Только — сабли, карабины, гранаты и бутылки с горючей смесью («коктейль Молотова»).

По скованной льдом реке Гряда на них пошли в атаку десять немецких танков, за которыми следовала штурмовая группа автоматчиков численностью до ста человек. В эскадроне к тому времени оставалось всего 37 бойцов. Пять вражеских машин они забросали гранатами. Пехоту расстреляли из пулеметов и карабинов. Бой длился до темноты. Казачий эскадрон poleg в этой схватке полностью. Лишь тогда гитлеровцы смогли войти в деревню.

Ценой огромных потерь противнику удалось в конце ноября — начале декабря выйти к каналу имени Москвы

в районе Яхромы, форсировать реку Нара около Наро-Фоминска, подойти к Кашире с юга. Но затем 27—28 ноября русские нанесли германцам мощный удар и вырвали инициативу из рук врага. В первой половине декабря наши войска освободили несколько населенных пунктов: Рогачев, Истру, Солнечногорск, Клин, Калинин, Волоколамск.

В этих сражениях принимали участие некоторые соединения 3-й Московской коммунистической дивизии. Так, в боях за Сталиногорск был задействован 1-й стрелковый полк: 22 ноября — 8 убитых, 3 раненых, разбито одно орудие и две автомашины; 23 ноября под Солнечногорском — 278-й отдельный артдивизион подбил два вражеских танка и две автомашины, потери — 8 убитых. Бойцы и командиры из 2-го полка только из дивизионной газеты узнавали о схватках с врагом. Они находились в резерве, несли караульную службу, занимались военной учебой. Позиции полка неоднократно подвергались бомбежкам и обстрелам дальнобойной артиллерии немцев, но существенных потерь добровольцы не имели.

Здесь текла обычная гарнизонная жизнь с ее простыми развлечениями: комсомольские собрания, просмотры боевой кинохроники, концерты художественной самодеятельности, танцы под патефон.

Вот страница из дневника одного бойца:

«05.12.1941. День сегодня необычайно морозный. Ночью было минут 33 градуса, днем — минус 26 (приблизительно). Ну, кажется, русская зима наступила. Теперь немцу туго придется. Природа словно подыгрывает нам, так рано начались морозы. Перед обедом, после стрельбы, девчата заходили в нашу обитель. Заводили патефон,

танцевали. Мираж... Давненко я не танцевал. Приятно так было вспомнить былые упражнения. За обедом мы ходили с Матвеем, и, о несчастье! Я отморозил кончик носа...»

...В Центральном архиве Министерства обороны РФ сохранилось очень мало документов 3-й Московской коммунистической дивизии, и они не дают возможности подробно рассказать обо всех однополчанах Натальи Ковшовой и Марии Поливановой. Известно только, что в батальоне оказались люди разных, но абсолютно мирных профессий и разных возрастов, причем — довольно много пожилых. Но были и молодые — около восьмидесяти студентов Московского автодорожного института. Они все дружно записались в пулеметную роту. Девушки-снайперы попали в третий взвод этой роты. На привале их увидел двадцатилетний Леонид Зубарев, бывший студент МАДИ и будущий пулеметчик. Он вел дневник и сделал в нем следующую запись:

«В то время, как все остальные девчата пели, шутили и шумно веселились, эта девушка оставалась молчаливой и задумчивой. Не принимая участия в общем веселье, она лишь изредка чуть заметно улыбалась какой-нибудь особенно удачной или веселой, задорной выходке. Украдкой, но все более пристально я смотрел на эту незнакомую девушку. И чем больше я на нее смотрел, тем больше она мне нравилась.

Было в ней что-то неуловимое, что отличало ее среди других подруг — шумных, веселых, озорных. Какое-то спокойное, серьезное и в то же время очаровательно девическое достоинство. Лицо у нее было хорошее. Слегка смуглое, приятного овала, со смелыми, красиво и тонко

очерченными черными бровями и темными густыми ресницами, красиво оттенявшими ее лучистые серые глаза. Из-под серой солдатской шапки-ушанки, вокруг лба и щек, выбивались пушистые, как у ребенка, светло-русые волосы...»

Понятно, что красноармеец Леонид Зубарев влюбился в снайпера Наталью Ковшову с первого взгляда. Однако они оба старались не демонстрировать свои чувства, а скрывать их потому, что командование таких отношений отнюдь не поощряло. Бывало, Ковшова и Зубарев не виделись неделями, мельком встречаясь то на комсомольских собраниях, то на стрельбах, то на батальонных учениях, то в штабе, то на боевых позициях, и почти никогда — наедине. Они писали друг другу письма, которые передавали через общих знакомых, указывали в них, где могли бы повидаться. Но не попадали в прежде назначенное место из-за быстро меняющихся на войне обстоятельств.

Тем не менее благодаря дневнику Зубарева наши современники имеют возможность взглянуть на двух легендарных героинь Великой Отечественной войны — Ковшову и Поливанову — как бы со стороны, в тот период их жизни (октябрь—декабрь 1941 года), когда они только готовились к сражениям с немецко-фашистскими захватчиками.

Автор дневника отмечает, что поначалу отношение к девушкам у бойцов рабочего батальона было снисходительно-покровительственное. Их не принимали всерьез.

Но после первых же занятий на стрельбище, которое находилось между каналом «Москва—Волга» и Тушинским аэродромом, студенты из пулеметной роты измени-

ли свои взгляды. Оказалось, что и Наташа и ее подруга Маша имеют основательную стрелковую подготовку. По сравнению с другими ополченцами они стреляли просто отлично. Неизменно заслуживая самые высокие оценки, девушки нисколько не хвалились этим, а искренне огорчались, что их друзья не так хорошо владеют оружием, и убеждали их, что это дело наживное, надо больше тренироваться на полковых и ротных учениях.

Потом они были первыми не только в стрельбе, но и в каждодневной солдатской работе — рытье окопов, траншей, землянок. Например, окоп полного профиля для засады двух снайперов они обустроили на учебном поле лучше всех: глубиной в полтора метра, с высоким бруствером, с нишами в стенах, куда можно было положить боезапас, со «щелью», вырытой неподалеку от него и замаскированной кустами, куда вел извилистый ход сообщения полуметровой глубины...

Добровольцы приняли присягу 20 октября в милицейском городке в селе Покровское-Стрешнево. С этим событием связано первое упоминание имен Н.В. Ковшовой и М.С. Поливановой в печати. В газете Московского военного округа «Красный воин» 23 октября 1941 года появилась их коротенькая заметка:

«Мы, советские девушки-снайперы, вместе с бойцами нашего батальона принимаем присягу. Каждый воин клялся в своей верности Родине и готовности защищать ее, не щадя своей жизни. Преодолевая все на своем пути, пойдем мы, москвичи, на бой с фашистами. Мы не только отгоним врага от Москвы, мы сметем с лица земли коричневых гадов. Наш девиз: лучше умереть стоя, чем жить на коленях. Н. Ковшова, М. Поливанова».

Обычно присягу в Красной Армии бойцы принимали после первоначального обучения, которое, как правило, занимало недели три-четыре. Но ситуация у стен столицы была тревожной. Никто не исключал, что части народного ополчения попадут на передовую очень скоро. Пусть и необученные, и плохо вооруженные, но принявшие присягу. К счастью, с воинскими подразделениями 3-й Московской коммунистической дивизии этого не случилось.

У них наступил период военной учебы, постепенного привыкания сугубо штатских людей к армейской жизни. Для начала им выдали обмундирование, правда, летнее, офицерское — гимнастерки с нагрудными карманами, брюки, ботинки и суконные обмотки к ним. Девушкам повезло больше: их обули в кирзовые сапоги. Боевая учеба пошла интенсивнее. Бойцы получили не только винтовки, но и станковые пулеметы «максим», ручные пулеметы «ДП», ротные минометы калибра 50 мм, стали осваивать эту военную технику.

В середине ноября девушек-снайперов перевели из пулеметной в другую роту — четвертую. Об этом похлопотал ее командир лейтенант Лукин. Причина у него была. Ему нравилась Татьяна Гаврилова, которая вместе с Натальей и Марией закончила краткосрочные снайперские курсы. Невольно Ковшова и Поливанова стали свидетелями их внезапно возникшей любви. Они изо всех сил пытались вразумить глупую и заносчивую Таню: мол, остановись, не за тем ты в армию пошла. Но Гаврилова подруг не слушала, и они с ней в конце концов поссорились. Однако для девушек эта история кончилась плохо.

Командир 2-го стрелкового полка майор С.А. Довнар, узнав о «бытовом разложении», 5 января 1942 года уволил

красноармейца Т.А. Гаврилову из воинской части. лейтенанта Лукина тоже куда-то перевели, причем с понижением в должности. Поскольку Ковшова и Поливанова вместе с Гавриловой служили в четвертой роте и когда-то водили дружбу с провинившейся, то суровый офицер, подозревая их в таком же аморальном поведении, вознамерился немедленно отправить девушек по домам.

Отчислять снайперов из личного состава 3-й Московской стрелковой коммунистической дивизии с таким позором было бы несправедливо. Все знали, что Наташа и Маша вели себя абсолютно безукоризненно и по праву считались одними из лучших бойцов подразделения как по воинской дисциплине, так и по боевой учебе. Казалось, будущее сверхметких стрелков в армии теперь висит на волоске. Но комсомольский актив вступился за них. Да и сама Наташа с присущей ей твердостью и решительностью сумела переубедить командира, отстоять их с Машей человеческое достоинство.

Довнар отменил свой приказ об отчислении Ковшовой и Поливановой из полка. Впрочем, своеобразное наказание они все-таки понесли. У них отобрали снайперские винтовки и перевели в... санитарный взвод.

«...Знал бы ты, что пришлось нам вытерпеть за эти десять дней, — писала Наташа своему другу Леониду Зубареву 14 января 1942 года. — Я думала, что совсем разучусь улыбаться. Но вот я снова улыбаюсь, и ты можешь сказать: “Первая... вторая... третья!” Дело в том, что нас здесь решили переквалифицировать на сандружинниц и приказом прикомандировали к санвзводу. Мы, конечно, пришли в ужас. Я с детства терпеть не могла докторов и по сей день не имею ни малейшего тяготения к медицинской деятель-

ности, а тут такие дела. Жуть!!! Каждый день изволь идти на занятия вместе с санитарями и выслушивать лекции о тифе, чуме, холере, о газовой гангрене и о других подобных прелестях, или есть еще “вынос раненых с поля боя”... Все эти дни я молчала, “словно лошадь, словно рыба... и т.д.” и разговаривала только с Машей, и меня не трогали. Сегодня Маша была в полку и узнала, наконец, что нас переводят во взвод. По этому случаю у нас была бешеная радость. Жить теперь, наверное, будем прямо в деревне. Точно еще не знаю, но только не в санвзводе. Красота!!!»¹

В конце января Станислав Александрович Довнар сменил гнев на милость, и милость его была очень широка. Он вернул снайперам их любимое оружие и перевел в комендантский взвод, в оперативную группу при командире полка как самых лучших стрелков. Более того, капитан занялся их дополнительным образованием, так как понимал, что на краткосрочных курсах многое им объяснить просто не успели. Например, он раздобыл для них учебник по военной топографии и сам прочел несколько лекций. Также он позволил им больше тренироваться в стрельбе, выдал запас боевых патронов, в том числе и с «тяжелыми» пулями.

Майор признавал, что Ковшова превосходно владеет снайперской винтовкой. На расстоянии 300 метров она с первого раза попадала в головную мишень, в то время как он сам — только со второго или с третьего выстрела. Ее способности были очевидны, и он хотел вырастить из молодой москвички настоящего армейского стрелка-аса.

Но не все складывалось гладко на этой службе.

¹ РГАСПИ. Ф. М-7. Оп. 2. Д. 594. Ч. IX. Л. 11—11об.

«Однажды мне пришлось заступиться, по справедливости, за Машу Поливанову, — вспоминал впоследствии Довнар. — Как-то возвращаясь с осмотра рубежей, я проходил мимо расположения комендантского взвода.

Там шли занятия. Вдруг я услышал взрыв грубоватого мужского хохота. Я зашел и спросил, что тут за веселье такое.

Бойцы ничего не ответили. Среди них я увидел Наташу и Машу и тотчас заметил, что щеки у Маши ярко пылают, а Наташа стоит рядом, и лицо у нее хмурое и гневное.

Командир взвода доложил мне, что происходит занятие по материальной части винтовки Мосина и в настоящий момент наступил десятиминутный перерыв. Тогда, подойдя к Наташе, я обратился к ней с вопросом: что все-таки здесь произошло? Оказывается, один из бойцов спросил у Маши, почему она забинтовала мушку и прицельное приспособление у своей винтовки. Не успела Маша ответить, как один из бойцов “разъяснил”:

— Женщины, они и женщины есть. Привыкли ребят пеленать, вот она и винтовку запеленала. Не бабье это дело, оружие!..

Я знал, что этот парень слыл во взводе шутником и острословом. Поощренный смехом своих товарищей, он продолжал высмеивать девушек за то, что они “нянькаются” со своими винтовками.

Уже по тону, каким рассказывала Наташа о происшествии, и по тому, как серьезно и внимательно я ее слушаю, бойцы поняли, что смеяться тут вовсе не над чем. Улыбки с лиц исчезли, воцарилась тишина.

Я объявил командиру взвода, что сейчас сам произведу осмотр и проверку состояния оружия у всех бойцов,

для чего приказал немедленно построить взвод. Наташа и Маша стояли на левом фланге. А я начал проверку с правого фланга, вызывая бойцов по одному. После осмотра винтовки я задавал красноармейцам вопросы по теории стрелкового дела.

Вывод был неутешительным. Я нашел, что оружие у бойцов комендантского взвода находится в неудовлетворительном состоянии. Слабо знали они и материальную часть винтовки и совсем не имели знаний по баллистике и теории стрелкового дела. Зато у Наташи и Маши я нашел винтовки в идеальном порядке. Налицо была и вся ружейная принадлежность. На мои многочисленные вопросы по баллистике они обе ответили отлично, по Уставу, коротко и точно.

Бойцам Ковшовой и Поливановой я объявил благодарность перед строем за образцовое отношение к боевому оружию. В ответ услышал два звонких девичьих голоса:

— Служу Советскому Союзу!..»

Надо ли говорить, что сбережение оптического прицела, в котором девять линз, — одна из важных задач в снайперской службе. Конечно, стрелять можно, используя и открытый секторный прицел с хомутиком, расположенный сверху на стволе винтовки. Но все же идеальное прицеливание, и особенно — на расстояние более 300 метров, — обеспечивает именно оптика, потому к ней следует относиться очень заботливо. Оба окуляра оптического прицела закрывают специальными кожаными колпачками, всю его металлическую трубку — брезентовым чехлом. Может быть, чего-то из этих принадлежностей у Маши Поливановой не было, и она нашла собственный выход из положения. Хотя

и бинты применяются. Снежной зимой для маскировки ими иногда оборачивают ствол, цевье ружья и даже приклад...

Как ни мечтали бойцы и командиры 2-го стрелкового полка попасть на передовую и громить фрицев, но под Москвой с оккупантами справились без них. Впервые с начала Второй мировой войны немцы понесли столь жестокое поражение. Никогда раньше, ни в Австрии, ни в Бельгии, ни в Польше, ни во Франции их не били так, как на заснеженных полях России. Однако боевые действия продолжались. Хребет фашистскому зверю только еще предстояло сломать.

По приказу Народного комиссариата обороны 17 января 1942 года 3-ю Московскую коммунистическую дивизию перевели из ополчения в регулярную Красную Армию, присвоили номер 130, определили ее состав: 371-й, 528-й (бывший 2-й полк), 664-й стрелковые полки, зенитные, артиллерийские, саперные, медицинские и другие части. Затем эшелонами по железной дороге дивизия отправилась на Калининский фронт.

Ранним утром 16 февраля 1942 года эшелон прибыл на станцию Черная, что в 90 километрах от города Великие Луки. После выгрузки солдаты и командиры 528-го стрелкового полка пешим порядком двинулись на север, к озеру Селигер. Путь был нелегкий: в мороз, по глубокому снегу, с ночевкой в лесу, без горячего питания. В отдалении уже слышалась артиллерийская канонада, над полковой колонной несколько раз низко пролетали немецкие самолеты. Днем 20 февраля пехотинцы вступили в бой с противником у большого села Новая Русса.

ПЕРВАЯ ПУЛЯ

Мирно прослужив четыре месяца под Москвой (если считать со дня принятия присяги — 20 октября 1941 года), добровольцы впервые очутились на фронте. До того они занимались боевой учебой то в поле, то на стрельбище, а теперь попали под самый настоящий артобстрел. Позиции 528-го стрелкового полка находились в лесу, засыпанном снегом. Бойцы и командиры имели белые маскхалаты, что помогало им незаметно для врага располагаться между огромными вековыми деревьями. От попаданий тяжелых снарядов многие сосны и лиственницы пострадали. Разбитые их кроны склонялись вниз, в снегу торчали обломки веток и стволов.

Майор Довнар решил осмотреть позиции первого батальона и углубился в лес. За ним последовала оперативная группа, то есть снайперы Ковшова и Поливанова. Где-то им пришлось ползти по-пластунски, где-то — двигаться, перебираясь через поваленные деревья. Густые заросли и снежные сугробы скрывали передовую линию. Тут было опасно, но Станислав Александрович в азарте позабыл о том, что противник может находиться где-то поблизости. Четко обозначенной линии наших и немецких окопов пока не просматривалось, и он шел вперед.

Внимание офицера привлекло вырванное с корнем дерево, обращенное к нему вершиной. Спутанные его корни, залепленные мокрой землей и снегом, как гора, поднимались метрах в тридцати. Он решил взобраться на этот комель, чтобы лучше сориентироваться на местности, и пошел к нему скорыми шагами, поднявшись во весь рост. Вдруг за его спиной раздался громкий крик Ковшовой:

— Довнар! Ложитесь! Буду стрелять!

К счастью, командир полка послушался своего снайпера и бросился в снег. Прямо над его головой просвистела пуля. Наташа стреляла из винтовки, стоя и навскидку. Она попала в рослого, плечистого немца, который выбежал из-за комля с автоматом в руках. Он упал, а два его товарища тотчас пустились наутек, петляя между деревьями. Ковшова мгновенно передернула затвор, вложила патрон и сделала еще один выстрел. Но он не достиг цели. Фашистов скрыл северный лес.

Так началась фронтовая служба двух смелых девушек.

Первый выстрел не по мишени в тире, а по живому человеку Ковшова сделала 20 февраля 1942 года. Никаких колебаний, сомнений или волнения она не испытывала. Времени для того не было. Ей пришлось, защищая своего командира, действовать очень быстро. В сущности, она спасла ему жизнь. Потом, вспоминая об этом эпизоде, майор Довнар восхищался находчивостью и зоркостью Наташи. Ведь она шла за ним, но на несколько шагов в стороне, тоже рассматривала лес, однако увидела фрицев чуть раньше, чем он, бывалый воин.

Бой за Новую Руссу продолжался весь день и шел с ожесточением. В него втянулись все три батальона 528-го полка. Половина этого большого селения с двухэтажными каменными домами, с церковью и высокой колокольней уже была освобождена от немцев, как вдруг с колокольни ударил их миномет. Его выстрелы остановили атаку. Пехотинцам пришлось залечь. Но вскоре верх колокольни удачным выстрелом снесли наши артиллеристы, и миномет замолчал, а сверху на снег посыпались фашисты, как вороны из разворошен-

ного гнезда. К вечеру все село перешло в руки бойцов Красной Армии.

Потери в первом бою оказались немалыми. Во втором батальоне вышла из строя почти половина студенческой пулеметной роты: десять убитых и тридцать пять раненых, в том числе — командир роты лейтенант Хачатрян и ее политрук Петрухин.

Уходить из Новой Руссы, которая стояла на пересечении трех магистральных дорог, немцам не хотелось, и они начали массированные воздушные налеты на село. Несколько дней подряд пикирующие бомбардировщики «Юнкерс-87» сбрасывали бомбы и поливали очередями из крыльевых пулеметов наши позиции. Во время одной из таких бомбежек осколком бомбы был ранен и сильно контужен пулеметчик Леонид Зубарев, друг Натальи Ковшовой. Его отправили в дивизионный медсанбат. Он считал свое ранение пустячным и не хотел уезжать в тыл, чтобы не потерять своих боевых товарищей. Но оказалось, что у него на левой ноге перебито сухожилие, и потому возвращение в строй едва ли возможно.

Наташа разыскала Зубарева в медсанбате, среди десятков раненых. Из-за недостатка мест в санитарных палатках их уже размещали в крестьянских избах села Ольшинка. Лежали они там в холоде и на голом полу, подстелив собственные шинели. Наташа раздобыла для него одеяло и подушку, подарила Лене новую книгу «Бои в Финляндии» (сборник воспоминаний участников войны с белофиннами, 410 стр., вышла летом 1941 года в Москве. — А.Б.). Они еще долго разговаривали о ней. Много общего имели описанные авторами мемуаров схватки с нынешним противостоянием русских и нем-

цев в здешних краях: трескучие морозы, глубокие снега, непроходимые леса, отчаянное сопротивление фрицев на каждом участке фронта. Однако они не думали, что это — их последняя встреча. Но именно так и поучилось. Вскоре Леонида Зубарева отправили в глубокий тыл. Он провел в госпиталях несколько месяцев и вышел оттуда инвалидом, на костылях. Ковшова писала ему, рассказывала о событиях полковой жизни, об их общих друзьях, которых оставалось все меньше и меньше...

Бои на Калининском фронте продолжались.

В промежутках между атаками советские бойцы столкнулись с явлением, знакомым им по войне с белофиннами. Немецкие снайперы, прячась в лесу на деревьях, целенаправленно охотились за командирами. Лучшим средством в борьбе с ними были, конечно же, наши сверхметкие стрелки. Личный счет Ковшовой и Поливановой понемногу увеличивался.

Они по-прежнему часто сопровождали командира полка Довнара в его передвижениях по боевым позициям. Осторожность надо было проявлять даже на самых глухих лесных тропах, на руинах селений, у сгоревших домов, где торчали остовы кирпичных печей. В одном таком походе Станислав Александрович, услышав выстрел, успел залечь, но командир комендантского взвода, сопровождавший его, получил тяжелое ранение. Зато фашист выдал себя. Ковшова заметила огненную вспышку и тотчас выстрелила в ответ. С высоты огромного дерева в снег упал гитлеровец со снайперской винтовкой. Командир полка подошел к нему, чтобы удостовериться в его гибели. Пуля Натальи ударила фрицу в кадык и вышла через затылок. Девушка стреляла снизу вверх и правильно

высчитала в уме поправку на положительный «угол места цели», а может быть, просто помнила наизусть соответствующую баллистическую таблицу.

Но не только вражеские снайперы становились ее добычей.

Во время атак 528-го полка Ковшовой и Поливановой приходилось подавлять и пулеметчиков, мешавших нашим бойцам подняться из окопов. В схватке за деревню Дубровка непрерывный и меткий огонь с короткой дистанции вел фашистский пулемет. Он скрывался где-то в развалинах домов, часто менял позиции. Залпы полкового орудия калибра 45 мм не причиняли ему вреда. Над руинами поднималось облако кирпичной пыли, падали какие-то обломки, а пулемет, спустя некоторое время, возобновлял свое губительное для наших солдат действие.

Атака откладывалась.

Ковшова вместе с Поливановой попросили у командира полка разрешения выдвинуться на новую позицию перед пулеметом. Они поползли вперед, прячась за сугробами, и этот их маневр удался, потому что поле было неровным, пересеченным канавами и воронками от тяжелых снарядов. Они помогали маскироваться, и бойцы даже потеряли девушек из вида, но через полчаса раздался один за другим два выстрела, и немецкий пулемет замолчал навсегда.

Наступление первого батальона увенчалось успехом. Врага из Дубровки выбили. Затем осмотрели и пулеметное гнездо. Это был обычный универсальный «MG-34», стоявший на треноге. Солдаты хотели сменить раскалившийся в ходе стрельбы ствол и достали другой, запасной, вместе с асбестовой рукавицей, но не успели это сделать.

Пулеметчик, коему пуля пробила переносицу, лежал на земле. Второй номер расчета замер, привалившись к коробке с патронными лентами. Снайперская пуля угодила ему в висок. Классические попадания, и за это майор Довнар объявил девушкам благодарность перед строем.

В начале марта 1942 года развернулась схватка за старинное село Великуша, расположенное между двумя левыми притоками широкой реки Мсты. Оно было небольшим, около тридцати дворов. Однако фашисты превратили его в хорошо укрепленный пункт обороны при помощи... снега и льда, построив из них довольно высокий вал с многочисленными амбразурами для пулеметов и минометов, с огневыми точками для автоматчиков.

Вокруг Великуши лежали болотистые леса и обширные ровные поля, засыпанные почти метровым слоем снега. В снегу наши наступающие части пробили траншеи и несколько раз подходили к деревне. Но немцы который день подряд отбивали эти нападения, ведя ураганный огонь. Выдержать его было невозможно, и русские уходили обратно в лес.

Передовой наблюдательный пункт 528-го полка находился на склоне небольшой высотки, среди редких сосен. Отсюда хорошо просматривалась вся немецкая оборона села Великуши. Вместе с майором Довнаром здесь находились комиссар полка, его адъютант, снайперы Ковшова и Поливанова. Иногда им приходилось выполнять и работу офицеров связи: доставлять боевые приказы командирам батальонов, и от них соответственно — рапорты в штаб полка.

Третьего марта 1942 года обстановка осложнилась, Довнар отослал на передовую линию все станковые пулеметы

ты, даже тот, который прикрывал наблюдательный пункт. Тогда его охрану целиком взяли на себя девушки. Командир полка передал им ручной пулемет «Дегтярев пехотный» с расчетом. Этот пулемет они установили примерно в ста метрах от своей снайперской засады и оттуда вели наблюдение за боевыми позициями, упиравшимися здесь в небольшую рощу.

Когда они замечали очередную группу вражеских автоматчиков, просочившихся в рощу, то давали условный знак своим пулеметчикам: поднимали варежку, надетую на ветку. Расчет «ДП» производил очередь из 20—30 патронов, и фрицы кидались на звук, подставляя метким стрелкам свой фланг. За эти секунды Наташа и Маша успевали сделать по 3—4 выстрела и уничтожить унтер-офицеров и офицеров в штурмовой группе. Немцы откатывались назад. Работа снайперов долго оставалась незаметной для гитлеровцев. Треск пулеметных очередей заглушал звуки выстрелов их винтовок, отвлекал внимание от них.

Осада села Великуши продолжалась. Ночью противники вели беспокоящий пулеметный и минометный огонь. На наблюдательном пункте полка никто не смыкал глаз: готовилась новая атака. За два дня сюда так и не смогли доставить питание из полевой кухни. Перед рассветом Наташа незаметно покинула товарищей и вернулась к ним через полчаса с... термосом, наполненным горячим какао, и сумкой ванильных сухарей. Станислав Александрович удивился. Она объяснила, что это — трофей, взятый у немецкого обер-лейтенанта. Вчера поздним вечером Ковшова застрелила его недалеко от их засады. Под огнем нашего пулемета немцы не успели вытащить тело, и те-

перь продуктовые припасы офицера будут кстати. Довнар с этим согласился. Сухари и какао поделили по-братски.

Утро 4 марта началось с хорошей новости.

Командир 130-й стрелковой дивизии полковник Анисимов по радиации сообщил майору Довнару, что снежный вал на дороге Великуша — Антоново взломан нашими танками и два батальона 371-го полка ведут бой уже в самом селении. Анисимов приказывал майору направиться туда, чтобы координировать действия солдат, прорвавшихся в деревню, с теми, кто продолжал обстреливать ее оборонительные сооружения на правом фланге. Тем более, что немцы готовили контратаку и усиливали огонь. Им опять удалось потеснить советские части.

Здесь, у снежного вала, Довнар и был ранен очередью бронебойно-зажигательных пуль в колени обеих ног. Из огня его вытащила Ковшова. Уложив командира на деревянную волокушу, она вместе с Машей Поливановой под непрерывным обстрелом гитлеровцев доставила раненого командира сначала в штаб полка, а затем и дальше — в медсанбат № 122, входивший в состав дивизии. Он располагался довольно далеко от передовой, в деревне Новое Гутчево. Здесь Станиславу Александровичу сделали первую настоящую перевязку, уложили перебитые ноги в лубки. По решению командования Довнара отправили в госпиталь в Москву, а Ковшову прикомандировали к нему с поручением сопровождать тяжелораненого офицера.

В столице Наташа провела почти месяц. Она ухаживала за командиром 528-го полка, который перенес ампутацию. В госпитале у него развилась газовая гангрена, и правую ногу пришлось отнять. Довнар находился между жизнью и смертью. Все это время Ковшова была рядом с ним,

навещала его каждый день. Но срок ее командировки заканчивался. Майор пытался уговорить Наташу остаться в Москве, работать инструктором снайперского дела. Он говорил ей, что она за свои боевые деяния (в частности, за спасение офицера) уже представлена к ордену Красной Звезды, и получить награду в столице проще, чем дожидаться ее где-нибудь на передовой. Но Наташа отказалась. Она рвалась на фронт.

«Здравствуйте, мои родненькие! — писала она матери в Свердловск 9 апреля 1942 года. — Вы, наверное, очень давно не получали моих писем... Я жива, здорова. Командира моего ранили, и меня откомандировали сопровождать его в Москву. Сейчас я уже собираюсь ехать обратно на фронт. Вы обо мне не беспокойтесь. Меня ни одна пуля не берет. Я счастливая. Видишь ты, командира ранили, его адъютанта убили, а я жива, здорова, а все еще говорят, что береженого бог бережет, а оказывается, наоборот... А меня ведь уже к награде представили (не знаю, что из этого выйдет). По-моему, еще рано. Ну да я еще оправдаю это. Я пока только 11 фрицев сбила, это мало. Ну, целую и обнимаю вас всех крепко...»

За две неполные недели военных действий уничтожить почти дюжину солдат и офицеров противника — совсем неплохо для начинающего сверхметкого стрелка. Другое дело, что Наташа, теперь поверив в собственные силы и возможности, мечтала увеличить снайперский счет. Она была строга к себе, поэтому старалась думать не о прошлых заслугах, а о новых победах. Скучала Ковшова и по своей подруге Марии Поливановой. Машенька при ее скромности и застенчивости нуждалась в поддержке более энергичной и уверенной в себе Натальи...

К этому можно добавить, что февральские и мартовские бои в районе Великуша — Старое Гутчево — Новое Гутчево отличались большим ожесточением. Деревня Великуша трижды переходила из рук в руки, и 130-я дивизия понесла здесь значительные потери: убитыми, пропавшими без вести, ранеными — около шести тысяч человек. На 1 апреля 1942 года в ней числилось всего 4887 бойцов и командиров.

Возвращение Ковшовой однополчане встретили радостно. Особенно радовалась Маша Поливанова. Их снайперская пара, которая так хорошо проявила себя в прошлых схватках с фашистами, могла возобновить свою фронтную работу. Девушки, как и прежде, редко разлучались. Солдаты так привыкли их видеть вместе, что, случайно встретив где-нибудь на наблюдательном пункте или в штабе батальона одну из них, тут же с тревогой задавали вопрос: «А где Маша?» или «А где Наташа?».

Весна 1942 года на Калининском фронте выдалась теплая, дождливая.

Метровый снежный покров под яркими лучами солнца таял быстро. Первыми «поплыли» грунтовые дороги. Они превратились в грязные и довольно глубокие канавы. В них застревала вся техника: автомашины, танки, самоходные артиллерийские установки. Их вытаскивали при помощи тракторов. Лучше передвигались повозки, запряженные лошадьми, коих имелось немало: до двухсот тридцати трех в каждом стрелковом полку.

Снайперам тоже пришлось приспособливаться к изменившимся условиям войны. Белые маскхалаты они сдали на армейские склады и взамен получили весенне-осенние куртки с капюшонами и широкие шаровары желтовато-

го цвета в коричневых разводах. Привычные им ровные белые пространства полей заполнили проталины, соединившиеся между собой новообразованными реками и ручьями. Низины стали походить на болота, где найти сухое место, подходящее для засады, делалось все трудней. Но занятие для Ковшовой и Поливановой нашлось. К ним во второй батальон прислали учеников — как опытных бойцов, так и новобранцев, показавших хорошие результаты на стрельбище.

Во исполнение приказа Наркомата обороны № 0052 от 16 марта 1942 года в каждом стрелковом взводе теперь следовало иметь три снайпера, в каждой роте — девять, в каждом батальоне — двадцать семь, в каждом полку — восемьдесят семь. Их решили готовить прямо на фронте.

Девушки с энтузиазмом приступили к делу. Каждая из них обучала свою группу: человек двенадцать — пятнадцать. Так было проще вести занятия, передавать им свои знания и работать с каждым новичком, объясняя ему законы снайперской войны.

Времени на подготовку отводилось немного, как правило — две или три недели. Программа, по которой они летом прошлого года учились сами, вполне подходила. Нужно было только вспомнить основные ее темы.

Прежде всего, доскональное изучение магазинной винтовки Мосина, проверка действия ее механизмов, уход за оружием, практическая пристрелка под оптический прицел, ведь после 150—200 выстрелов «трехлинейку» надо регулировать снова, приводить к нормальному бою с использованием определенных приемов.

Затем — владение оружием: как его правильно держать при стрельбе лежа с упора или без упора, но с применением

ремня, при стрельбе с колена или стоя. Например, положение приклада. Его следует плотно прижимать к плечу. Отдача у магазинной винтовки при выстреле достаточно велика. Если приклад плотно прижат к плечу, винтовка сильно толкнет назад. Толкнет, но не ударит. Если же приклад занимает неправильное положение, то она ударит стрелка, и довольно ощутимо. Кроме того, положение приклада оказывает влияние на точное попадание в цель. В частности, низкое положение приклада может вызывать разброс пуль не только по вертикали, но и по горизонтали. Поэтому известна снайперская поговорка: «Стреляет ствол, а попадает жога».

Были и другие занятия: «Практическое прицеливание», «Техника спуска курка», «Сопряжение визуального прицеливания и спуска курка», «Сваливание оружия в сторону», «Ошибки, допускаемые в прицеливании оптическим прицелом», «Практическая баллистика стрельбы», «Правила маскировки». Может быть, для досконального изучения этих вопросов времени в полковой школе не было, но группа солдат — всего около тридцати человек, обученных первоначальным снайперским навыкам, — в 528-м полку появилась.

Конечно, не все ученики Ковшовой и Поливановой стали непревзойденными стрелками. Согласно данным, представленным командованием полка в штаб дивизии, за май—июль 1942 года они все вместе уничтожили примерно триста солдат и офицеров противника. Известна фамилия наиболее результативного снайпера. Это — ефрейтор Данилов. Он застрелил 16 гитлеровцев. У остальных личный счет колебался от трех до десяти фрицев. Наталья и Мария, естественно, возглавляли список: на двоих — свыше сорока немцев.

Об основных событиях полковой жизни Ковшова сообщила бывшему своему командиру майору Довнару, который находился в госпитале в Москве. Она уже описывала боевые действия точно, как военный специалист:

«3 июня 1942 года.

Здравствуйте, уважаемый Станислав Александрович!

Наконец-то получила от Вас весточку. Сразу стало легче на сердце. Большое, большое, сердечное спасибо за письмо. Очень рада, что здоровье Ваше настолько улучшилось, что Вам не пришлось эвакуироваться в Ташкент. Настроение Ваше, судя по письму, тоже хорошее. Значит, все хорошо и будет еще лучше.

А я за Вас немножко отомстила фрицам: в последнем бою (20 мая 1942 года) мне удалось подстрелить пять фашистских автоматчиков. Правда, мне это даром не прошло: осколками мины я была ранена в обе руки и обе ноги. Но мне, как всегда, повезло: все раны без повреждения кости и совсем незначительные, кроме одной, из-за которой меня чуть в ППГ (подвижный полевой госпиталь. — *А.Б.*) не отправили. Ну, я попросилась в роту выздоравливающих при медсанбате, где сейчас и нахожусь. Живем в лесу. Природа здесь замечательная: холмы, покрытые лесом, очаровательные ярко-зеленые полянки, покрытые ландышами и фиалками, и самое главное — озера, большие и блестящие, как зеркала в изумрудных рамках травы и молодых березок, а на заре соловьи заливаются серебристой трелью, и в довершение ансамбля меланхолическое “ку-ку” раздаётся почти круглые сутки.

Все бы хорошо, но... комары!.. Просто спасения от них никакого нет. Да еще скучища смертная, так хочется по-

скорее в часть! Мы с Машей последнее время были во втором батальоне.

После Вашего отъезда у нас в полку очень много изменений...

Что касается “горячих дел”, то их у нас хватает. Стоим сейчас километрах в 15—18 от пункта “Д” (Демянск. — А.Б.). Вы, наверное, знаете и помните этот основной узел сопротивления после того, как взяты М. (Молвоотицы) — районный центр и вообще последняя опора врага на нашем участке фронта. В общем, еще одно усилие, и нам, пожалуй, здесь делать будет нечего.

Ну, характер боев, конечно, очень сильно изменился в связи с изменением времени года. “Концерты” (артподготовка перед атакой советских войск. — А.Б.) теперь уже совсем не те, что были, — гораздо сильнее и звучнее игрушек Лапповского типа и тяжелее. Работают прекрасно и заслуживают всяческих похвал (не то, что зимой).

Ну, а что касается “гостей” (танки. — А.Б.), которые действовали под непосредственным руководством Григорьева, то про них можно сказать, что они значительно прибавились в весе и полностью оправдывают свое назначение. Их не сравнишь с теми “двадцатками” (танки “Т-20”. — А.Б.), что были зимой. Кроме того, на небе также произошли существенные изменения: перед боем мы имеем удовольствие слышать “раскаты грома небесного” (действие советской авиации. — А.Б.) и видеть, как “не осенний мелкий дождичек” обрушивается (да как!) на паршивые головы фашистских собак и как они от этой музыки стремглав выскакивают из своих хваленых дотов.

Ну, а самых последних новостей я еще сама не знаю, так как к нам сюда новости доходят с опозданием. Поэто-

му еще особенно мне хочется отсюда сбежать в часть. Рана на руке у меня еще глубокая, открытая, но с обеих сторон (входное и выходное отверстия) очень чистая и симпатичная. Поэтому я думаю, что скоро выберусь отсюда, тем более, что все остальные ранки уже подсохли. Машенька ждет меня не дождется. Она меня здесь навещала. Вам от нее большой-пребольшой привет.

Ну, будьте здоровы и веселы. Приезжайте к нам обратно, и будем снова вместе воевать...

Как только поправлюсь, вернусь в часть, напишу еще...

А пока крепко жму руку, желаю счастья и успехов.

С сердечным приветом! Наташа.

(Мой адрес: 528 СП, 2-й батальон)¹.

В письме к командиру Ковшова упоминает Демянск, от которого 528-й полк находился в 15—18 километрах. Речь в данном случае идет о довольно известной операции Северо-Западного фронта, проведенной в мае 1942 года. Под Демянском была окружена крупная вражеская группировка: 16-я армия вермахта, насчитывавшая восемь пехотных дивизий, в том числе — моторизованная дивизия СС «Мертвая голова» (общая численность — до 95 тыс. чел., 1600 орудий и минометов). Советское командование пыталось уничтожить группировку, но немцы упорно оборонялись. Боевые действия затрудняла лесистая и болотистая местность, имевшая множество мелких рек и озер. Кроме того, окруженные войска противника получали подкрепления, боеприпасы и продовольствие по воздуху. «Воздушный мост» действовал эффективно. Всего гитлеровская авиация совершила до 3000 вылетов.

¹ РГАСПИ. Ф. М-7. Оп. 2. Д. 594. Ч. XII. Л. 122—124.

Наталья пишет о том, что участвовала в бою 20 мая 1942 года, где и была ранена. Этот бой произошел у деревень Малое и Большое Врагово Молвотицкого района Ленинградской области (ныне — Маревский район Новгородской области). Военские соединения 53-й армии, в состав которой входила тогда 130-я стрелковая дивизия, предприняли попытку прорваться к Демянску, наступая из села Большое Врагово в направлении на село Пеньково. Ожесточенные сражения шли около пяти суток, но успехом для советских войск не увенчались. Хотя наступление пехоты поддерживал 243-й танковый батальон 33-й танковой бригады. В его составе находилась рота тяжелых танков КВ.

Вероятно, имея в виду это, Ковшова сообщает Довнару в письме, что «“гости”... значительно прибавили в весе и полностью оправдывают свое назначение». Действительно, боевая масса танка КВ («Клим Ворошилов») превышала 40 тонн. Им управлял экипаж из пяти человек. Спроектированный советскими конструкторами в 1939 году, он имел дизельный мотор мощностью в 600 лошадиных сил, броню толщиной от 75 мм до 82 мм (на башне), пушку калибра 76,2 мм, а также три пулемета.

При атаке на Большое Врагово шесть таких могучих машин пошли вперед, прокладывая дорогу нашим пехотинцам. Метрах в пятидесяти от немецких траншей танк командира роты старшего лейтенанта Федорова наехал на противопехотную мину, но от ее взрыва не разрушился. Пулеметным огнем танкисты отогнали вражеских автоматчиков, прорыли под танком траншею, завели трос, вытащили свою броневую машину при помощи трактора, отремонтировали и снова ввели в строй.

В боях под хутором Малое Врагово отличилась и снайпер-разведчик 151-го отдельного моторизованного разведбатальона 130-й стрелковой дивизии девятнадцатилетняя Зиба Ганиева, бывшая студентка актерского факультета ГИТИСа, которая, как Ковшова и Поливанова, добровольцем вступила в Красную Армию, только не в Коминтерновском, а в Краснопресненском районе Москвы. До мая 1942 года ей удалось уничтожить 23 немецких солдата и офицера. У Малого Врагова она командовала снайперской группой из девяти бойцов, вела прицельный огонь по фашистам. При атаке ушла со своими подчиненными вперед, смогла окружить и расстрелять несколько фрицев (в том числе — двух офицеров), засевших в разрушенном доме. В самом конце схватки Зиба, как и Ковшова, получила ранение осколком мины, но более тяжелое, после которого очутилась в госпитале. За отличие в бою при Малом Врагове Ганиеву наградили орденом Красного Знамени.

Снайперской парой у Ганиевой была Нина Соловей, тоже москвичка. У нее на боевом счету к апрелю 1942 года числилось 6 уничтоженных немцев. За мужество, проявленное в боях, она получила орден Красной Звезды. После ранения ей пришлось долго лечиться в госпитале. В июне 1943 года сержанта Соловей направили в Центральную женскую школу снайперской подготовки, где она стала парторгом роты инструкторов, а потом командиром отделения из 16 выпускниц. С ними она уехала в 4-ю Ударную армию, расположенную под Полоцком. Орденом Славы III степени Нина Сергеевна Соловей была награждена весной 1944 года...

Вернувшись в полк из медсанбата, Ковшова отправила родным в Свердловск подробное письмо о схватке с фашистами 20 мая 1942 года. В тот день произошло много со-

бытий, которые заставляли девушку снова и снова к ним возвращаться. Не только первое в жизни снайпера ранение, но и действия в составе штурмовой группы, спешившей за танками, прицельная стрельба не из засады, а прямо в поле на ходу, помощь смертельно раненому офицеру.

«За бой 20 мая я получила самый строгий выговор от комбата. Он перед боем указал мне точку, из которой я должна стрелять, а я посмотрела — оттуда ничего не видно, и со своим учеником Голосевичем Борисом выдвинулась вперед. Смотрю, уже наши танки пошли на деревню, за ними — штурмующая группа. Ну, я вижу, что мне больше дела будет в деревне — и следом (как раз наша группа автоматчиков во главе с замкомбата двигалась туда). Ну, прямо за штурмующей группой влетели мы в деревню. Там мне удалось подстрелить пять фашистских автоматчиков. А потом меня позвал замкомбата, ну а дальше комбат рассказывает так: “Вы у нее спросите, что она там только не делала — на танк лазила, прикладом по нему стучала, раненых перевязывала, и спрашивается — для чего? Ведь это не ее снайперское дело. А результат? Вышел из строя нужный человек!”

Ну, он, конечно, уж очень преувеличивает. Просто меня, замкомбата и комиссара ранило одной миной, когда мы собрались двигаться вперед. Комиссара я отправила со связным, а сама осталась с замкомбата в каменном доме. Тащить его я никак не могла, так как была ранена в обе руки и в обе ноги. Причем левая рука сразу повисла, как плеть, и ни туда и ни сюда. Но правая действовала, а поэтому я ему немножко помогла на месте. Я никогда не забуду этих минут, проведенных с глазу на глаз с умирающим (он умер очень скоро, даже вынести его не успели). Все время он кричал: “Наташа, Наташа, я умираю!”

Я затащила его в комнату каменного дома, подложила под голову шапку. “Мне душно, Наташа, сними с груди камень!” Я расстегнула воротник его шинели, распустила пояс. “Теперь лучше мне! Возьми меня за руку, Наташа, за правую руку, я сейчас умру!”

Он еще помолчал минуту. Я стерла с его лица пыль и копоть. Он продолжал: “Ты передай всем, что я умер как настоящий москвич, большевик. Отомсти за нас, Наташа!..”»

Однако о мести пока думать не приходилось.

С середины июня 1942 года Ковшова пребывала в родном полку, но в боевых действиях не участвовала. Командир второго батальона Еремин не давал ей снайперскую винтовку потому, что рана на предплечье левой руки у Натальи еще не зажила. Она, как и Маша, лишь занималась с новобранцами, обучая их меткой стрельбе. Результаты они показывали неплохие: за две недели этого месяца уничтожили 111 фрицев, о чем Ковшова с гордостью сообщила матери. Впрочем, были у нее и другие радости. Обеим девушкам 5 июня зачитали приказ командира дивизии о присвоении им нагрудного знака «Снайпер», недавно установленного Указом Верховного Совета СССР. А 15 июня на полковом партийном собрании Ковшову приняли кандидатом в члены ВКП(б).

В это же время командование представило ее подругу Марию Поливанову к правительственной награде:

«НАГРАДНОЙ ЛИСТ

Фамилия, имя, отчество — Поливанова Мария Семёновна.

Воинское звание — красноармеец.

Должность и часть — инструктор-снайпер, 2-й батальон, 528-й СП, 130-я СД.

ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ К ОРДЕНУ “КРАСНАЯ ЗВЕЗДА”.

1. Год рождения — 1922.

2. Национальность — русская.

3. С какого времени в Красной Армии — с 15.10.1941 года.

4. Партийность — член ВЛКСМ.

5. Участие в боях (где и когда) — за дер. Новая Русса, Гутчево, Великуши, Лунево, Черная, Печище, Ожиеды с 22.02.1942 года.

6. Имеет ли ранения, контузии — была ранена.

7. Чем ранее награжден (за какие отличия) — не награждалась.

8. Каким РВК призван — Коминтерновским гор. Москвы.

9. Постоянный домашний адрес (представленного к награде или его семьи) — (не заполнено. — А.Б.)

I. Краткое, конкретное изложение личного подвига или заслуг.

Снайпер-инструктор ПОЛИВАНОВА Мария Семёновна вступила в ряды Красной Армии добровольно 15.10.1941 года, в рабочий батальон, влившийся в дивизию.

В 528-м СП ПОЛИВАНОВА пришла квалифицированным снайпером после окончания школы снайперов при Центральном Совете ОСОАВИАХИМа.

Участник всех боев полка (за исключением боев под дер. Большое и Малое Врагово), ПОЛИВАНОВА в боях за дер. Ожиеды уничтожила 3-х фашистов, значительно облегчив продвижение нашего подразделения вперед.

Тов. ПОЛИВАНОВА по праву может считаться одним из инициаторов снайперского движения в полку. Она сплотила и обучила первую группу снайперов, хорошо проявивших себя в боевых операциях, как истребители фашистов.

Работу по обучению снайперов ПОЛИВАНОВА вела с большой серьезностью и умением. Впоследствии ее ученики показали следующие результаты: снайпер Данилов — 16 фашистов, снайпер Субботин — 4 фашиста, снайпер Файзуллин — 2 фашиста и т.д.

Тов. ПОЛИВАНОВА достойна представления к правительственной награде — ордену Красной Звезды.

Командир полка
майор Тарасюк

Военком полка
ст. батальонный комиссар
Петров-Соколовский

30 июня 1942 года.

II. Заключение вышестоящих начальников.

Достойна правительственной награды ордена “Красная Звезда”.

Командир дивизии
полковник Анисимов
9 июля 1942 года.

Военком дивизии
полковой комиссар Лазарев

III. Заключение Военного Совета армии.

Достойна награждения орденом Красной Звезды.

Командир 53-й армии
генерал-майор
Ксенофонтов

Член Военного Совета
дивизионный комиссар
(подпись
неразборчива. — А.Б.)

20 июля 1942 года».

В последних числах июня комбат Еремин снайперскую винтовку Ковшовой все-таки вернул. Радости Натальи не было предела, потому что инструкторская работа — стрельба по фанерным мишеням, лекции о баллистике для начинающих — ей давно наскучила. Это спокойной и терпеливой Маше нравилось возиться с новобранцами. Энергичный характер Натальи требовал более активных действий. Теперь же вместе с Машей Поливановой она могла вновь вернуться к прежним занятиям и в составе снайперской пары ходить на охоту за фрицами.

Жили девушки тоже вместе, отрыв землянку на горке, над рекой. Они называли ее «березовой», так как выложили стены березовыми поленьями. Получилась настоящая девичья светелка. Были в ней и печка-«буржуйка», и стол, сколоченный из таких же деревянных обрезков, и две лежанки по бокам, и полочки для разных нужных солдату вещей. Из латунной гильзы от снаряда 45 мм сделали вазу. Цветы меняли через день, собирая их в лесу. Кроме цветов попадались ягоды: земляника, черника, малина. Находили также и грибы — маслята и подберезовики, из которых варили суп в котелке, подвешенном над костром.

К лету 1942 года войска Северо-Западного фронта исчерпали возможности для ведения активных действий. Не получая поддержки и резервов от Ставки, они перешли к обороне. При извилистой, прерывистой линии фронта, с нейтральной полосой, пролежавшей по густым северным лесам, болотам, берегам мелких рек и озер, открывались неплохие возможности для ведения снайперской войны.

С помощью полковых разведчиков девушки определили по карте места для нескольких снайперских засад. Они находились примерно в десяти километрах от их «березо-

вой светелки». Как правило, туда подружки отправлялись часов в одиннадцать вечера. Выкладка при этом у них была полная, солдатская. У каждой — винтовка Мосина с оптическим прицелом «ПЕ» (вес — 4,7 кг), пятьдесят патронов, четыре гранаты «РГД-33» (вес каждой — до 750 г), боевой нож «финка» на поясе, фляга с водой, саперная лопатка, сухой паек, бинокль. Кроме того, у Ковшовой имелся еще и пистолет «ТТ» (в снаряженном виде вес — 910 г), подаренный ей политруком их роты.

За ночь девушкам следовало добраться до места, преодолевая на пути большой сосновый лес и обширное поле ржи. Однажды, безлунной темной ночью, они на нем заблудились, так как рожь уже стояла высокая, выше их роста. После долгих споров вернулись обратно, к повороту еле заметной тропинки, сверились с компасом и картой, поняли, что здесь надо уходить направо, а не налево. Отметили место прутиком, и с тех пор уж больше не теряли эту узенькую тропинку.

Охота обычно продолжалась два дня.

Здесь, к югу от Демянска, немцы в обороне применяли свой излюбленный метод, называемый «жемчужное ожерелье». Вместо сплошной линии укреплений они на хуторах, перекрестках дорог и в небольших селениях, рассыпанных по заросшей лесами Восточно-Европейской (или Русской) равнине, обустроивали укрепленные пункты с пулеметами и минометами, возводили даже артиллерийские ДЗОТы. Они находились друг от друга на расстоянии 300—500 метров, секторы обстрела у них соприкасались.

Девушки перед рассветом выходили на нейтральную полосу и вели наблюдение за этими укрепленными пунктами, за ближним и дальним тылом противника. Дистан-

ции для стрельбы у них были промерены и не превышали тех же самых пятисот метров. Для укрытия своего огневого рубежа снайперская пара часто использовала крупные валуны округлой формы. Они, принесенные сюда доисторическими ледниками, торчали по берегам мелких речушек и озер. Стреляли сверхметкие стрелки также с листовенниц, чьи огромные кроны простирались над землей. Стреляли из окопов, устроенных в густом подлеске, в тени этих деревьев.

Результаты охоты могли быть разными.

Например, 11—12 июля 1942 года они уничтожили 11 гитлеровцев: Ковшова — 6, Поливанова — 5. Сначала расположились в трехстах метрах от хутора, где, судя по всему, был какой-то командный или наблюдательный пункт. По дороге к нему часто ездили мотоциклисты с какими-то пакетами. Вот эти ординарцы на мотоциклах были самой легкой добычей. Ухабистая и пыльная грунтовая дорога не позволяла им развивать большую скорость, и в таком случае сосчитать «упреждение» снайперам не составляло особого труда. Сделав три удачных выстрела, Маша и Наташа быстро перебрались в другое, давно отмеченное ими место — на лесную поляну, откуда отлично просматривался выход к реке. Здесь с жизнью расстались сразу шесть фрицев, поскольку они дружной веселой компанией пришли искупаться и набрать воды в какие-то канистры. Последняя цель — два связиста, тащившие катушки с проводом и ящики с полевыми телефонами. До ДЗОТа они не добрались. Девушки их сбили, стреляя с деревьев и довольно-таки издали — с пятисот метров.

Но все-таки большую часть времени они провели в засаде, которую устроили на краю лесной поляны. При-

шло несколько часов лежать на земле, покрытой прошлогодней листвой. Ночью прошел дождь, земля была очень сырой, пропитанной влагой. Разлапистые ветви елей создавали здесь глубокую тень. Она помогла снайперам хорошо замаскироваться, но в то же время мешала почве высохнуть даже в июльскую жару.

На следующий день, когда подруги вернулись в свою «березовую светелку», Маша заболела: температура — 39,4. Наталье пришлось вызывать к ней полкового доктора. Он поставил диагноз «воспаление легких» и дал лекарство — сульфидин. Наташа тоже пострадала от лесной сырости. У нее образовался флюс на правой щеке. Но все это были сущие пустяки по сравнению с одной прекрасной новостью. Обеим девушкам присвоили воинское звание «старший сержант» и согласно ему выдали денежное довольствие — 250 рублей. Наталья немедленно отправила деньги родителям, написав, что в армии они ей не нужны, и пообещав отныне высылать им эту сумму каждый месяц.

Переписка Марии с родными была не такой постоянной и сердечной, как у Наташи. Малограмотная родня писала девушке редко, столь же редко и она отвечала им. Но тут случай был особый, потому Поливанова не могла не написать о нем матери и отцу. Это письмо сохранилось:

«15 июля 1942 года.

Здравствуйте, дорогие папа, мама, Шура, Сережа!

С красноармейским приветом к Вам Маша.

Очень огорчена Вашим активным... молчанием, но тем не менее я не теряю надежды получить от Вас дорогую весточку.

Мне очень хочется поделиться с Вами радостью, которую я имею. По приказу командования я получила звание

“Снайпер-отличник”. Скоро получу значок, а на днях мне присвоено звание старшего сержанта. Я уверена, что моя радость явится нашей общей радостью — семьи. Да, сегодня послала вам 250 рублей денег — Вы их, наверное, скоро получите.

Мамусенька, как наш огород? А как ты работаешь, папуля? Пишите чаще. Жду с нетерпением ответа. Крепко-крепко целую. Маша.

Привет от Наташи. Она очень хорошая подруга и товарищ. Жду ответа, крепко-крепко целую. Ваша дочь Маша»¹.

БОЙ У ДЕРЕВНИ СУТОКИ

Демянский плацдарм, захваченный немцами в 1941 году, продолжал существовать, несмотря на все усилия войск нашего Северо-Западного фронта. Его командование проводило операции по разгрому противника и в январе—феврале, и в мае 1942 года. Но фашисты стойко оборонялись. Более того, создав ударную группировку «Зейдлиц» в количестве пяти дивизий, они повели наступление севернее Залучья в направлении селения Рамушево. В ходе боев, сопровождавшихся массированным применением авиации, врагу удалось прорвать кольцо окружения и пробить так называемый «рамушевский коридор» шириной до четырех километров. Таким образом, группировка «Зейдлиц» соединилась с окруженными частями 16-й германской армии.

¹ Центральный архив общеполитической истории Москвы. Ф. 8682. Оп. 1. Д. 505. Л. 242.

Борьба за Демянский плацдарм отличалась исключительным упорством и напряжением с обеих сторон. Советское командование, не имея тогда опыта боевых операций по окружению противника, допустило ряд просчетов. Удары наносились силами, не имевшими достаточной концентрации, одновременно на многих направлениях, без средств усиления, при слабой организации разведки.

Короткое северное лето 1942 года подходило к концу, а «рамушевский коридор», к тому времени расширенный немцами до восьми километров, действовал, мешая русским. Требовалось перерезать его, чтобы лишить захватчиков, окруженных около Демянска всякой поддержки и помощи извне. Такую задачу наше командование поставило перед Первой ударной армией Северо-Западного фронта. Ее усилили несколькими воинскими соединениями, в том числе — 130-й стрелковой дивизией.

По сравнению с февральскими и мартовскими боями за Новую Руссу, Гучево, Великуши, численный состав ее уменьшился почти в два раза, до 5985 человек. Пополнения в полки поступали крайне нерегулярно. Зато вооружение стало гораздо лучше. Кроме 4828 винтовок теперь имелось 573 автомата (то есть «ППШ-41» и «ППД-40». — А.Б.), 59 станковых пулеметов «максим», 153 ручных пулемета «ДП», 78 противотанковых ружей и 102 миномета разных калибров (50-мм — ротный, 82-мм — батальонный, 120-мм и 107-мм — полковой). Была и артиллерия — 8 гаубиц калибра 122 мм.

Вечером 5 августа 1942 года 528-й стрелковый полк получил приказ перебазироваться в район реки Рось, к селениям Козлово, Маклаково, Сутоки, расположенным

в Парфинском районе Новгородской области, где находились позиции Первой ударной армии.

«Тяжелый 130-километровый путь полк прошел по плохим дорогам, под дождем и за четыре ночи, — говорится в Журнале боевых действий данной воинской части. — В светлое время суток в целях маскировки своего передвижения полк делал привалы в лесах... Несмотря на то, что идти приходилось с тяжелой материальной частью (например, с минометами и станковыми пулеметами), полк совершил марш организованно, без происшествий и без отставших солдат. Прибыв на место 10 августа утром, полк получил боевую задачу. Командир полка майор Тарасюк и военком полка старший батальонный комиссар Петров-Соколовский созвали совещание командного состава, на котором доложили о боевой обстановке и разъяснили задачу.

Полк должен был наступать во втором эшелоне дивизии, прикрывая ее правый фланг. В тот же день утром 10 августа мощной артиллерийской подготовкой началось наступление Первого гвардейского корпуса, в оперативном подчинении которого находилась наша дивизия, с целью перервать знаменитый “рамушевский коридор” на участке Омычкино. — Бяково, севернее реки Робья...»

Дивизионные гаубицы вели огонь по врагу, снаряды с воем перелетали через передовую линию, но приказа наступать в тот день пехота не получила. Можно было заняться обычным солдатским делом: рыть окопы, траншеи, землянки для обустройства на новом месте. Второй батальон 528-го полка под командованием старшего лейтенанта Еремина 12 августа выдвинулся на исходные позиции, готовясь к наступлению, и днем 13 августа На-

талья Ковшова успела написать матери короткое письмо, в котором сообщила последние новости своей фронтовой жизни:

«Мы совершили большой переход, примерно 115 километров, и теперь наступаем в другом месте, с другой армией. Место здесь очень болотистое, грязь везде по колено. Ну, ничего, мы и здесь повоюем. Побьем фашистских гадов, чтоб им тошно стало. Ты Машеньке напиши, чтобы она зря не надрывалась, а то с ней никакого сладу нет. Я после ранения стала много осторожней...»¹

События 14 августа 1942 года описаны в нескольких документах.

Дополняя друг друга, они дают достаточно полную картину того, что произошло в тот злополучный день со снайперской парой Ковшова — Поливанова. Никак не должны были они оказаться впереди группы автоматчиков при следующих одна за другой лобовых атаках противника. Таких превосходных стрелков на фронте берегли, прикрывали, охраняли. Конечно, на войне бывают неожиданные стечения обстоятельств, но здесь — случай прямо-таки вопиющий.

Резкую оценку дал ему бывший командир 528-го стрелкового полка майор Довнар в письме к Н.Д. Аралову: «В безвременной смерти Наташи и Маши повинен исключительно самозванец, трус и паникер... Петров-Соколовский (политработник, с ним Довнар начинал службу в 528-м полку. — А.Б.), который быстро себя реабилитировал пасквильной брошюрой “Подруги” в 1943 году и тем прикрыл свои гнусные дела...»

¹ РГАСПИ. Ф. М-7. Оп. 2. Д. 594. Ч. XII. Л. 61.

Однако вот страницы из Журнала боевых действий 528-го полка:

«Командир и комиссар направились на передовую, и второй батальон, преодолевая упорное сопротивление врага, начал движение вперед. В этот момент от пули вражеского снайпера на боевом посту погиб командир полка майор Тарасюк. Командование полком перешло к начальнику штаба капитану Чистякову, который во главе спецподразделений полка, совместно со штабом направился на передовую. Второй батальон по-прежнему наступал на левом фланге полка... Противник бешено сопротивлялся и переходил в контратаки с большими, чем у нас, силами. Вскоре был тяжело ранен капитан Чистяков, контужен ПНШ-1 (помощник начальника штаба по оперативной работе, вел подсчеты боевой численности, оформлял приказы, вел рабочую карту, журнал боевых действий и т.п. — А.Б.) старший лейтенант Беломарь. Вышли из строя и другие командиры, которые показывали личный пример отваги и мужества. На поле боя оставался только контуженый военком полка тов. Петров-Соколовский, который руководил боем.

Все контратаки противника были отбиты, и люди не отступили ни на шаг. В этом бою героически погибли любимцы и героини полка снайперы Маша Поливанова и Наташа Ковшова. Во второй половине дня в полк прибыл вновь назначенный командир — майор Чернусских, который быстро вошел в курс дела и начал руководить успешным наступлением...»

Получается, что майор Довнар прав. Все началось с того, что меткая вражеская пуля вывела из строя командира полка, и полк лишился управления. Какие-то его под-

разделения наступали, какие-то отступали под яростными контратаками фашистов, какие-то удерживали прежние позиции. Едва ли контуженый военный комиссар был в силах правильно оценивать обстановку и отдавать адекватные приказы. Не оттого ли четвертая рота второго батальона вместе с группой снайперов, назначенных в резерв, вдруг оказывается перед линией наших окопов безо всякого прикрытия?

«В 5 часов утра 14 августа, когда наши части поднялись в атаку и ворвались в немецкие траншеи, произошло это так неожиданно, что противник дрогнул и, оставив передние траншеи и блиндажи, отошел на заранее подготовленный рубеж обороны, — рассказывает в письме к Н.Д. Араловец однополчанин девушек В.Ф. Обносков. — Примерно в полдень пулей немецкого снайпера был убит командир полка майор Тарасюк. В это время и ввели в бой четвертую роту. Наташа и Маша крикнули бойцам: “Отомстим за любимого командира! Вперед, за Родину, за Сталина! Вперед, москвичи!” Они вместе с наступающими бойцами ворвались в траншею противника. Немцы отошли на вторую линию обороны, теряя по пути убитых и раненых от метких пуль девушек-снайперов. Более 15 солдат было уничтожено ими за короткий срок.

К вечеру противник, перегруппировав силы, при поддержке артиллерии пошел на узком участке фронта в контратаку. Превосходящие силы пехоты яростно атаковали наши позиции. Первая контратака была отбита. Девушки, или, как их у нас называли, «неразлучные друзья», имели задачу прицельным огнем выводить из строя офицерский состав противника. С этой задачей они справлялись отлично. При отражении первой контратаки они вместе уничтожили

ли 4 офицера и 5 солдат. Противник повторил контратаку. Ему удалось обойти наши подразделения, и в частности — четвертую роту — с фланга. Героическая горсточка людей дралась храбро. У них кончались боеприпасы, а поднести их туда не было никакой возможности...»

Почему же тот, кто должен был управлять боем, видя все это, не отдал приказ к отходу? Ведь другие подразделения отступили, сохраняя порядок и дисциплину. Ответа на этот вопрос товарищ Обносов, видимо, не знал, но зато красочно описывал подвиг смелой снайперской пары:

«Примерно в 6 часов вечера была ранена в руку Наташа. Наспех перевязав рану, она непрерывно уничтожала немецкую мразь. Вот ранило и Машу, а вслед за Машей вторично была ранена Наташа. Немецкие цепи плотно сжимали кольцо. Девушки решили скорее умереть, чем сдаться в плен немецким тварям...»

За скобками этого повествования остается один ныне мало кому известный факт из истории Великой Отечественной войны. Ни немцы, ни русские снайперов в плен не брали. Их расстреливали на месте. Несомненно, опытные бойцы Ковшова и Поливанова об этом знали. Знали они и о том, как могут поступить озверелые солдаты с женщинами.

«У девушек кончались боеприпасы: в подсумках осталось по одной гранате и несколько патронов. Обнаглевший немецкий офицер ворвался в траншею к снайперам и крикнул: “Рус, сдавайсь!” Девушки ответили: “Русские в плен не сдаются!” — и уложили наглеца точным выстрелом. Фрицы приближались. Их отделяло от траншеи уже метров 25—30. Маша, собрав последние силы, бросила гранату, и четыре немца остались лежать на земле. Мария сказала:

“Наташа, ты не бросай последнюю гранату. Оставим ее для себя”. Они обнялись и привели в действие гранату, бросив ее себе под ноги. Раздался взрыв. Вместе с ними погибли и три гитлеровца, в ту минуту ввалившиеся в траншею...»

Оказалось, что из снайперской группы Ковшовой и Поливановой, в тот день внезапно очутившейся впереди боевых порядков второго батальона, уцелел один человек — рядовой Новиков, раненый осколком мины в живот. Он притворился мертвым, и фашисты его не заметили. Зато потом он выступил свидетелем последних минут жизни двух отважных подруг. Утром 15 августа 1942 года 528-й полк вытеснил противника с занятых им позиций у деревень Сутоки и Бяково. В траншее наши бойцы нашли тела снайперов, над которыми гитлеровцы успели еще и поглумиться. Там же нашли Новикова. Именно с его слов составлено приведенное выше описание подвига доблестной снайперской пары.

Согласно списку № 28 безвозвратных потерь (убитых) младшего начальствующего состава 528-го стрелкового полка 130-й дивизии от 16 августа 1942 года снайперы-инструкторы Ковшова Наталья Венедиктовна и Поливанова Мария Семеновна были похоронены в деревне Сутоки (в то время — Правобережного района Ленинградской области. — *А.Б.*) на реке Рось, в ста метрах от опушки леса.

Нина Дмитриевна Араловец, получив в Бугуруслане последнее письмо дочери 18 августа 1942 года, написала ей ответ — подробный, обстоятельный рассказ о разных семейных событиях, о родственниках, знакомых, своих заботах и делах. Письмо вернулось с пометкой: «Адресату доставить невозможно». Тревожась, она отправила

следующее письмо на фронт 21 августа, но и оно пришло обратно с такой же самой пометкой.

Трудно было матери поверить в случившееся.

Трудно, потому что Наталья с самого начала своей военной службы уверяла ее, будто с ней ничего страшного случиться просто не может:

«8 декабря 1941 года.

Матя! Будь здорова и спокойна: мне теперь 21 год, я человек вполне взрослый, и голова на плечах у меня крепко-крепко держится. И ни одна пуля подлой фашистской собаки не отнимет у меня жизни. А я, твой “солдатеночек”-снайпер, постараюсь им насолить так, чтобы долго помнили проклятые...»

«24 февраля 1942 года.

Милая, родная моя мамусенька!

...Я по-прежнему верю, что со мной ничего не случится, что все будет хорошо. Интересно, что попав первый раз под неприятельский огонь, я не испытала никакого страха. А сейчас уже совсем привыкла к свисту пуль (фиии-ууу) и завыванию мин, даже голову не поворачиваю... Не беспокойся обо мне, все будет хорошо...»

«28 марта 1942 года.

Здравствуй, родная моя мамусенька!

...Обо мне не беспокойся. Мне теперь ничего не страшно. Я знаю, что я — счастливая: меня ни пуля, ни мина не берет. Сняла я 11 фашистов-автоматчиков и снайперов, выгатила своего командира после его ранения с поля боя. И теперь он мне сказал, что представил меня к правительственной награде. Чуешь?»

Об этом же писала она и своей лучшей школьной подруге Лидии Гончаровой 12 декабря 1941 года:

«... Не знаю, может, тебе и покажется диким, но я думаю, что в этой войне меня не убьют. Меня призвали на фронт 15/X.41 года, и я загадала, что если меня не убьют до 26/X.41 года, то я останусь жива. 26/XI.41 года мне исполнилось 21 год. Сегодня уже 12/XII.41 года, а я еще жива и здорова. Отсюда ясно, что мне и дальше так будет везти. Ну а если что-нибудь, так лихом зря не поминайте. Мы сейчас поем одну песенку. Она хорошо говорит за наше настроение:

Смерть подойдет к нам,
Смерть погрозит нам
Темной косою своей,
Мы улыбнемся, мы улыбнемся,
Мы улыбнемся ей.
Скажем мы смерти
Ласково очень,
Скажем такую речь:
“Нам еще рано, нам еще рано,
Нам еще рано лечь!”

В какой-то степени предчувствия Наташи оправдались. Немецкие пули, мины и снаряды ее не задели. Она свою жизнь оборвала по собственной воле, совершив подвиг самопожертвования. Такой был девиз у этого поколения: лучше умереть стоя, чем жить на коленях.

Тяжелые бои в районе реки Ровья продолжались 15, 16 и 17 августа 1942 года. Немцы бросались в контратаки, наши отбивали их и постепенно вытесняли противника с его позиций. В журнале боевых действий 528-го полка говорится: «...За это время полк продвинулся вперед более,

чем на 600 метров, было захвачено 14 ДЗОТов, 15 стрелковых окопов, 3 радиостанции и много других трофеев. Были взяты пленные и захвачен “язык”. За это время было уничтожено до 300 солдат и офицеров противника. 17 августа весь личный состав полка за успешное выполнение боевых заданий получил благодарность от командующего Первой ударной армии. Ночью командование дивизии прислало радиограмму, в которой восхищалось боевыми делами полка и поздравило весь личный состав полка с боевыми успехами... В период с 14 по 25 августа полк отбил 28 контратак противника, не отступив ни на шаг...»

Лишь 2 сентября бойцов и командиров 528-го стрелкового полка сменила на передовой линии другая воинская часть — пулеметный батальон из той же 130-й дивизии. Отдых продолжался неделю. Командир полка майор Чернусский и военный комиссар Петров-Соколовский приступили к оформлению документов на награждение особо отличившихся. В их числе находились живые: командир второго батальона старший лейтенант Еремин, батальонный комиссар Сухобоков, лейтенанты Штрайхер, Лебедев, Оськин, Игнатов, рядовые Рогачев, Фокин-Дмитриев, Меркулов — и погибшие: старшие сержанты Ковшова и Поливанова, которых после консультаций с командованием 130-й стрелковой дивизии решили представлять к высшей правительственной награде.

«НАГРАДНОЙ ЛИСТ

Фамилия, имя, отчество — ПОЛИВАНОВА Мария Семеновна.

Воинское звание — красноармеец.

Должность и часть — стрелок-снайпер 528 стрелкового полка 130-й стрелковой дивизии 1-й Ударной Армии.

Представляется к званию ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА.

1. Год рождения — 1922.

2. Национальность — русская.

3. С какого времени в Красной Армии — с 15 октября 1941 года.

4. Партийность — кандидат в члены ВКП(б).

5. Участие в боях (где и когда) — Северо-Западный фронт. За деревни Новая Русса, Гутчево, Великуша, Большое и Малое Врагово, район Сутоки — Бяково, река Рось, февраль — август 1942 года.

6. Имеет ли ранения, контузии — убита 14 августа 1942 года.

7. Чем раньше награждался (за какие отличия) — орден Красная Звезда, пр. СЗФ № 0986 от 13.08.42.

8. Каким РВК призван — доброволец, Коминтерновским РВК гор. Москвы.

9. Последний домашний адрес (не заполнено. — А.Б.)

I. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг.

Снайпер-инструктор ПОЛИВАНОВА Мария Семеновна в грозные октябрьские дни 1941 года, когда враг подходил к Москве и лучшие люди столицы вставали на ее защиту, — одной из первых добровольно пришла в формировавшийся коммунистический батальон Коминтерновского района Москвы.

С первых же дней ПОЛИВАНОВА выделялась на работе по сооружению подмосковных оборонительных ру-

бежей, занимаемых батальоном, и работала по формированию снайперской группы.

В феврале месяце 1942 года ПОЛИВАНОВА М.С. вместе с полком прибыла на фронт, активно участвовала во всех его боевых операциях.

21—22 февраля в боях за деревню Новая Русса истребила 8 фрицев, большинство из них — “кукушки”.

В боях за деревню Гутчево Маша ПОЛИВАНОВА истребила 7 гитлеровцев.

Во время боя она, рискуя жизнью, под ураганным огнем противника вытащила с поля боя тяжело раненного командира 3-го батальона старшего лейтенанта Иванова.

В боях за деревню Великуша 1—4 марта ПОЛИВАНОВА истребила 14 фрицев. В одном из этих боев ПОЛИВАНОВА вместе с Натальей Ковшовой вывели из строя пулеметный расчет противника, что дало возможность нашему подразделению продвинуться вперед.

В бою под деревней Великуша Маша ПОЛИВАНОВА под ураганным минометным и ружейным огнем противника вынесла с поля боя тяжело раненного командира полка майора Довнара.

Тов. ПОЛИВАНОВА вместе с Ковшовой явились организаторами снайперского движения в полку. За короткое время они подготовили 26 снайперов, которые истребили около 300 гитлеровцев. Охотясь сами, ПОЛИВАНОВА и КОВШОВА уничтожили свыше сорока фрицев.

14 августа 1942 года полк вел наступательный бой севернее реки Робыя. На одном из ответственных участков, где противник особенно мешал продвижению нашего подразделения, была выдвинута лучшая снайперская пара

ПОЛИВАНОВА и КОВШОВА. Они метко разили фрицев, уложив их в этот день до 40 штук.

В процессе боя вышел из строя командир снайперской группы. Командование группой приняла на себя Наташа КОВШОВА. В это время немцы пошли в контратаку. Хладнокровно, не открывая себя, снайперы допустили фашистов на близкое расстояние и по команде Наташи открыли меткий губительный огонь. Десятки трупов фашистов остались в тридцати метрах от группы снайперов. Контратака немцев захлебнулась и они отступили. По месту расположения снайперов противник открыл бешеный минометный огонь. Мины ложились кучно, не оставляя живого места. Одновременно немцы, собрав силы, снова пошли в контратаку.

Снайперы, вооруженные мужеством девушек, не отступили ни на шаг. Группа их редела, но они все время вели меткий огонь по врагу. Маша и Наташа были ранены.

Вскоре из группы снайперов в живых остались только трое: Маша, Наташа и снайпер Новиков, но стрелять могли только Маша и Наташа. Немцы упорно лезли вперед, и Новиков решил притвориться мертвым.

Девушки условились бить врага до последнего. Несмотря на страшную боль еще не перевязанных ран, они продолжали вести меткий снайперский огонь. Патроны были на исходе. ПОЛИВАНОВА была вторично ранена. Немцы кричали: “Рус, сдавайс!” Наташа ответила: “Проклятушие, русские девушки не сдаются!” — и выпустила последнюю пулю в офицера, свалившегося замертво. Вторично была ранена КОВШОВА. У девушек остались 4 гранаты. Немцы были совсем близко, Маша и Наташа бросили гранаты. Еще несколько фрицев взвыло.

Ведя ураганный огонь из автоматов, фрицы подползали все ближе и ближе. У ПОЛИВАНОВОЙ и КОВШОВОЙ появились новые раны. Девушки молча обнялись и приготовили две последние гранаты. Они теряли последние силы, и немцы прекратили стрельбу, решив захватить их живыми. Когда обнаглевшие фрицы подползли совсем близко и наклонились над девушками, те неожиданно приподнялись. Раздалось два взрыва. Около десятка фрицев было уничтожено.

Погибла и Маша ПОЛИВАНОВА.

Достойна звания ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА.

Командир полка

Военком полка

Майор Чернусских

Ст. батальонный комиссар

Петров-Соколовский.

2 сентября 1942 года.

II. Заключение вышестоящих начальников.

Достойна звания ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА.

Командир дивизии

Военком дивизии

Полковник Анисимов

Полковой комиссар Лазарев

4 сентября 1942 года.

III. Заключение Военного Совета армии.

Достойна звания ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА.

Командующий армией

Член Военного Совета

Генерал-лейтенант

Бригадный комиссар

Романовский

Колесников

7 сентября 1942 года.

IV. Заключение Военного Совета фронта (округа).
Достойна звания ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА.

Командующий СЗФ
Генерал-лейтенант
Куручкин
24.09.1942.

Член Военного Совета
(подпись отсутствует. — А.Б.)

Начальник штаба
(подпись отсутствует. — А.Б.)

Печатка синими чернилами: «Присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали “Золотая Звезда”. Указ Верховного Совета Союза ССР от 14.02. 1943 года»¹.

Так Наташа Ковшова и Маша Поливанова стали первой женской и вообще единственной в истории Великой Отечественной войны снайперской парой, удостоенной столь высокого звания.

О личном счете сверхметких стрелков нет точных и проверенных данных. В некоторых списках указывается, что Наталья истребила 167 вражеских солдат и офицеров, а Мария — примерно 140. Фигурирует и цифра «300», но с пояснением, что это — общий их результат, куда также могли войти фашисты, уничтоженные их учениками и подчиненными из состава той снайперской группы 528-го полка, что погибла 14 августа...

В феврале 1943 года Матрену Яковлевну Поливанову и Нину Дмитриевну Араловец вызвали в Москву. Грамоты

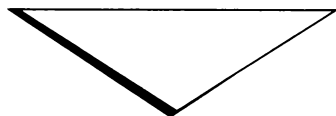
¹ Центральный архив МО РФ. Ф. 33. Оп. 682525. Ед. хр. 4.

о присвоении их дочерям звания Героя Советского Союза им вручил в Кремле председатель Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинин. «Он принял нас, как отец родной, — впоследствии вспоминала М.Я. Поливанова. — Крепко пожал руки обеим и сказал: “Спасибо вам, матери! Партия, правительство и товарищ Сталин благодарят вас за то, что вы вырастили таких славных и верных дочерей!”»

Память о Наталье Ковшовой и Марии Поливановой была увековечена.

В 1944 году выпустили почтовую марку с изображением их подвига и портретами девушек. В 1952 году увидела свет художественно-документальная книга Нины Араловец «Наташа Ковшова», в которой немало страниц было посвящено и боевой подруге ее дочери — Марии Поливановой. В 1965 году в Западном административном округе Москвы появились две улицы, названные в честь героинь. В 1966—1967 годах вступили в строй два больших плавающих добывающих рыбоконсервных завода — «Наталья Ковшова» и «Мария Поливанова» (порт приписки — Севастополь). В экспозиции Ленинско-Снегиревского военно-исторического музея (расположен в Истринском районе Московской области) находится двухфигурная скульптурная композиция «За Родину!». На ней изображены Ковшова и Поливанова, которые собираются бросать гранаты. В 2010 году Главное архивное управление города Москвы выпустило сборник «Боец-снайпер Наташа Ковшова: документы и материалы» (303 стр.).

ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ

ВЫПУСКНИЦЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЖЕНСКОЙ ШКОЛЫ СНАЙПЕРСКОЙ ПОДГОТОВКИ

Ничего подобного ни в одной из стран, участвовавших во Второй мировой войне, не было. Только в Советском Союзе появилось это сугубо женское военно-учебное заведение.

Приказ Наркомата обороны Союза ССР за № 0367 от 21 мая 1943 года гласил: «К 25 июня 1943 года сформировать на базе женских курсов отличных стрелков при Центральной школе инструкторов снайперского дела — Центральную женскую школу снайперской подготовки в составе двух батальонов... Отбор произвести из добровольцев-женщин в возрасте до 25 лет с образованием не ниже семи классов и прошедших обучение в снайперских комсомольско-молодежных подразделениях “Всеобуча”...»

Шел третий год Великой Отечественной войны.

Уже произошло сражение под Москвой, в ходе которого советские войска разгромили фашистских захватчиков. Победой и полным окружением большой вражеской группировки на Волге закончилась оборона Сталинграда. Но гитлеровская Германия все еще обладала внушительной военной мощью. В результате проведенной тотальной мобилизации ресурсов собственной страны и оккупирован-

ных им государств рейху удалось к лету 1943 года сосредоточить на советско-германском фронте более 5,3 млн человек, свыше 50 тыс. орудий, около 3 тыс. самолетов. На лето 1943 года немецкое командование планировало силами 50 дивизий (до 900 тыс. чел., примерно 2700 танков, 10 тыс. орудий, свыше двух тысяч самолетов) провести операцию «Цитадель» в районе Курской дуги и разбить воинские соединения двух наших фронтов: Центрального и Воронежского, затем направить удар по Юго-Восточному фронту (операция «Пантера»), начать новое наступление на блокированный ими Ленинград.

В этих грядущих схватках Советский Союз мог рассчитывать только на собственные резервы, поэтому на счету был каждый солдат. Опыт же двух прошлых военных лет показывал, что женщины, несмотря на физиологические особенности своего организма, вполне способны усваивать армейскую науку и действовать на поле битвы не хуже мужчин. Примером тому служила боевая биография Людмилы Павличенко, знаменитого севастопольского снайпера, и славные деяния отважных москвичек — Натальи Ковшовой и Марии Поливановой.

Но были и другие, менее известные героини, взявшие в руки снайперские винтовки с первых месяцев войны. Так, начали воевать, правда, сначала в должности санинструкторов на Ленинградском фронте, Нина Петрова, Валентина Хохлова и Татьяна Константинова. Они занимались стрелковым спортом еще до 1941 года. Н.П. Петрова и Т.Л. Константинова даже окончили ленинградскую Снайперскую школу ОСОАВИАХИМа. Сержант 108-го пограничного полка В.П. Хохлова с апреля 1942 года по декабрь 1943-го уничтожила 94 фашиста. Старший сержант

169-го стрелкового полка Т.Л. Константинова (кстати говоря, участница боевых действий в Финляндии) к январю 1943 года имела на личном счету 85 убитых врагов. Старшина первого батальона 284-го стрелкового полка 86-й дивизии Н.П. Петрова в возрасте 48 лет вступившая в Красную Армию добровольцем, уничтожила более ста гитлеровских солдат и офицеров.

Елизавету Федоровну Миронову, начавшую свой боевой путь при обороне Севастополя в 1942 году, называли лучшей ученицей Людмилы Павличенко. Ефрейтор (старший краснофлотец) 255-й Краснознаменной бригады морской пехоты Миронова в бою действовала смело и дерзко. Девятнадцатилетняя Лиза получила смертельное ранение в сентябре 1943 года под Новороссийском, на Малой земле. К этому времени у нее на счету было около ста убитых гитлеровцев. Осталась одна ее прижизненная фотография, сделанная фотокором газеты «Красная звезда» Евгением Халдеем. На снимке — красивая девушка с белокурыми волосами, одетая в черную флотскую униформу. Она держит в руках винтовку Мосина с прицелом «ПЕ» и пристально смотрит в сторону врага...

Теперь от службы в разных воинских частях сверхметких стрелков женщин-одиночек решили перейти к регулярной, централизованной, планомерной подготовке целых групп женщин-снайперов (отделений численностью до 10—12 человек, взводов численностью до 25—30 человек) для последующего их распределения по фронтам действующей армии. Так, с лета 1943 года по май 1945-го при штабе 3-й ударной армии находилась даже женская рота (примерно 50—60 бойцов), которая уничтожила более трех тысяч немецких солдат и офицеров...

По своей структуре и формам обучения Центральная женская школа снайперской подготовки походила на пехотное училище.

Из существовавших с лета 1942 года Женских курсов отличных стрелков в Школу перевели около трехсот девушек, прибавили к ним новичков, приехавших из разных областей страны, и организовали два батальона по четыре роты в каждом и одну отдельную роту снайперов-инструкторов. В нее зачисляли тех, кто уже имел фронтовой опыт. Согласно армейской традиции, в первую роту батальона брали самых рослых и видных девушек. Их называли «королевами». В четвертую роту попадали те, кто ростом не вышел, и называли их иронически: «карандаши», — но они на это не обижались.

Сначала Школа базировалась в довольно-таки тесных казармах в поселке Вешняки, затем на лето переехала в палаточный лагерь у деревни Амерово Шелковского района, а в сентябре 1943 года расположилась на станции Силикатная в трех километрах от подмосковного города Подольска. Здесь удалось добиться заметного улучшения бытовых условий. Курсанток разместили согласно взводным спискам (каждому взводу, состоящему из 30 человек, — одна комната) в сером трехэтажном доме, ранее бывшим клубом местного силикатного завода. В помещениях были устроены нары в два яруса, вешалки для шинелей, пирамиды для винтовок, поставлены небольшие квадратные столы, тумбочки, но вот стульев курсанткам не полагалось. Имелись также сушилки, умывальни, гигиенические комнаты. Отдельно располагалась столовая, учебный плац, склад боеприпасов. Обширную школьную территорию обнесли высоким забором, на воротах поста-

вили часовых. Выйти за пределы этой территории курсантки могли только по увольнительной.

В Школе существовал армейский распорядок дня.

Подъем — в 6 часов утра, но через день, когда ходили на стрелковый полигон, — в 4.30. При любой погоде — физическая зарядка на улице. Затем — умывание, уборка постелей и поход строем на завтрак в столовую, оттуда опять строем в казарму, где до обеда проходили теоретические занятия. Они длились восемь часов с перерывом на обед. После обеда давали час на сон, за которым снова следовали занятия. Ужин — это третий поход в столовую. Вечером — полтора часа на самоподготовку, чистку оружия (в течение сорока минут), вечерняя поверка, прогулка по плацу (строем и с песнями). Личное время — один час. Команду «отбой» в Школе давали в 22 часа. Получалось, что курсантки были заняты 15 часов в сутки, и привыкнуть к подобной нагрузке многие из них смогли не сразу.

Обучать снайперов сначала предполагали шесть месяцев, но потом увеличили срок пребывания курсанток в Школе до восьми месяцев. Программа обучения мало отличалась от той, что имели Снайперские школы ОСОАВИА-ХИМа: политическая, строевая, огневая, тактическая подготовка, военная топография, инженерно-саперное дело. Кроме того, девушки должны были знать обязанности бойцов стрелкового подразделения: стрелять из автомата, ручного и станкового пулеметов, противотанкового ружья. Их обучали приемам штыкового боя, метанию гранат и бутылок с зажигательной смесью, а также давали начальные медицинские знания, и они могли быть саниструкторами.

Начальником Центральной женской школы снайперской подготовки, естественно, назначили мужчину —

подполковника Николая Николаевича Кольчака (1905—1968).

Он был не строевым офицером, а военным педагогом. Службу начинал на Красном флоте, потом в 1928 году окончил пехотную школу, служил в Средней Азии, но в 1937 году вернулся в Москву, стал преподавать на курсах усовершенствования комсостава «Выстрел». В 1942 году Кольчак занял должность заместителя начальника отдела в Главном управлении «Всеобуча», а оттуда уже перешел в ЦШЖСП и много сил приложил к тому, чтобы правильно организовать в ней учебный процесс. В частности, он составил памятку «12 заповедей снайпера», выезжал на фронт, чтобы узнать, как там служат выпускницы и что надо изменить в программе Школы, дабы приблизить ее к требованиям действующей армии. В июне 1944 года Кольчак получил в командование стрелковый полк и отбыл к месту его дислокации, отличился при штурме Берлина и удостоился высокой награды — звания Героя Советского Союза.

Правда, начальником политотдела стала женщина — майор Екатерина Николаевна Никифорова. Девушки ее любили за доброту и отзывчивость, называли «мама Катя». В сентябре 1943 года она с одной из снайперских групп уехала на фронт.

Командирами батальонов и рот являлись мужчины — офицеры-фронтовики, прибывшие в Школу по излечении от ран, из госпиталей. Командовать взводами уже доверили не только мужчинам, но и молодым женщинам. Среди них были и бывшие инструкторы Снайперских школ ОСОАВИАХИМа: О. Петухова, А. Морозова, И. Мудрецова, О. Маликова, Е. Успенская. В июне 1943 года из числа курсанток первого выпуска в Школе оставили 125 де-

вушек, получивших воинское звание «младший сержант». Они стали командовать отделениями.

В это же время 50 выпускниц отправили на Калининский фронт и 54 выпускницы — на Северо-Западный фронт. Затем приступили ко второму набору, самому массовому. Теперь курсантские мундиры надели 887 девушек из разных городов и областей СССР, не пострадавших от вторжения немецко-фашистских войск.

Это было следующее поколение бойцов, подростками встретивших начало Великой Отечественной войны. Год рождения у них в основном колебался от 1924-го до 1926-го. Как правило, они трудились на оборонных предприятиях, без отрыва от производства закончили краткосрочные курсы «Всеобуча» (110 учебных часов), являлись членами ВЛКСМ и в армию шли добровольно, желая отомстить фашистам за разорение родной страны и гибель тысяч и тысяч ее людей. Собственно говоря, именно райкомы комсомола, проводя патриотическую и разъяснительную работу среди молодежи, давали рекомендации для поступления в Школу.

Центральный Комитет ВЛКСМ был ее шефом, и в сентябре 1943 года вручил Школе свое Памятное Красное Знамя. Также по инициативе первого секретаря ЦК ВЛКСМ Николая Михайлова группу преподавателей и командиров наградили именными часами за успехи в подготовке отличных снайперов для действующей армии. О том, что в Школе давали основательные военные знания, говорит следующий факт: 23 октября 1943 года 17 сержантов ЦЖШСП сдали экстерном экзамены в Московском пехотном училище имени Верховного Совета СССР и получили звание «младший лейтенант».

В январе 1944 года Школа удостоилась нового награждения. Начальник Главного управления «Всеобуча» генерал-майор И.И. Пронин вручил ее коллективу Красное знамя Президиума Верховного Совета. Центральный Комитет ВЛКСМ снова отметил заслуги офицерского и сержантского состава Почетными грамотами, именными часами и именными снайперскими винтовками. В распоряжение штабов Западного и Северо-Западного фронтов были откомандированы более ста двадцати выпускниц.

В марте того же года 50 офицеров, сержантов и рядовых за добросовестное исполнение своих обязанностей получили значки «Отличник РККА». Закончив восьмимесячный курс обучения и сдав экзамены (если на «отлично», то с присвоением звания «младший сержант», всем остальным — с присвоением звания «ефрейтор»), девушки из второго набора Центральной женской школы снайперской подготовки уехали:

на Карельский фронт — 150 человек;

на 2-й Прибалтийский фронт — 75 человек;

на Западный фронт — 200 человек;

на 1-й Прибалтийский фронт — 75 человек;

на 1-й Белорусский фронт — 85 человек.

Третий выпуск состоялся 1 мая 1944 года. В эти дни Школа отмечала годовщину своего существования. Для участия в торжественной церемонии и военном параде в Подольск с трех фронтов прибыли 22 ее выпускницы, уже отмеченные за подвиги в боях с немецко-фашистскими захватчиками правительственными наградами. В Школе получали и письменные отзывы о службе бывших курсанток:

16 мая 1944 года. Начальник штаба 1104-го стрелкового полка майор Безниско: «...Высокий класс подготовки

и большое воинское мастерство девушек-снайперов — вот оценка, которую подсказывает общий итог, — 182 солдата и офицера противника уже не топчут землю нашей прекрасной Родины...»

22 мая 1944 года. Командир 331-й стрелковой Краснознаменной дивизии гвардии генерал-майор Берестов: «Ваши воспитанники за полуторамесячный срок пребывания в дивизии истребили 225 немецких солдат и офицеров. Наибольший счет у Рыжовой — 16, Суворовой — 15, Андриановой — 13. За образцовое выполнение заданий командования все трое награждены орденом Красной Звезды. Двоим вручен орден Славы III степени...»

Такие результаты вдохновляли на продолжение работы. Центральный Комитет ВЛКСМ 10 августа 1944 года принял постановление о мобилизации девушек-комсомолок в Центральную женскую школу снайперской подготовки и обязал 16 областных своих комитетов подобрать и направить в Школу 360 добровольцев, прошедших первоначальную подготовку в системе «Всевобуча».

В конце ноября 1944 года состоялся еще один выпуск. В действующую армию уехали 559 девушек.

К концу февраля 1945 года командировки в воинские соединения получили еще 149 снайперов-инструкторов и 262 снайпера-стрелка. Расклад получился следующим:

на 1-й Белорусский фронт — 35 инструкторов и 60 снайперов;

на 2-й Белорусский фронт — 35 инструкторов и 52 снайпера;

на 1-й Украинский фронт — 40 инструкторов и 70 снайперов;

на 2-й Украинский фронт — 39 инструкторов и 80 снайперов.

В период с 15 марта по 10 мая 1945 года Центральная женская школа снайперской подготовки, просуществовав 27 месяцев, была расформирована. Часть ее личного состава передали Курсам усовершенствования офицеров «Всеобуча» Наркомата обороны СССР. Девушки (всего — 106 человек), успешно сдавшие выпускные экзамены в Московском пехотном училище имени Верховного Совета, получили звание «младший лейтенант» и остались служить в Советской Армии.

Школа выпустила 1061 снайпера и 407 снайперов-инструкторов. Из них на фронтах Великой Отечественной войны погибли 185 человек.

ТРУДНО В УЧЕНИИ, ЛЕГКО В БОЮ

В конце января 1943 года майор Никифорова, приехав в Вешняки, застала там около трехсот девушек, ранее набранных на женские снайперские курсы. Приказ НКО СССР об организации Школы только готовился, но новые преподаватели и новые учащиеся уже прибывали. Новобранцы проходили медицинскую и мандатную комиссии прямо в Вешняках, зачислялись на довольствие и приступали к занятиям.

Знакомство майора с будущими снайперами произошло в помещении первой роты. Комнату нельзя было назвать ни комфортабельной, ни уютной. В ней пахло сыростью. Высоко под потолком тускло горела одна лампочка. Большую часть помещения занимали трехъярусные нары. У стенки размещалась вешалка для шинелей и пирамида

для винтовок. Девушки сидели, тесно прижавшись друг к другу, на первом ярусе нар. Они изучали Боевой Устав пехоты РККА, первую его часть: боец, отделение, взвод, рота. Тоненькая, небольшого формата книжица находилась в руках примерно у каждой третьей. По команде преподавателя они перелистывали в ней серые, из газетной бумаги страницы. Параграф про снайпера находился во второй главе, между определением обязанностей и деятельности на поле боя наблюдателя, наводчика пулемета (ручного и станкового), подносчика боеприпасов, связного:

«...68. Снайпер — сверхметкий стрелок, имеет своей основной ЗАДАЧЕЙ уничтожение снайперов, офицеров, наблюдателей, орудийных и пулеметных расчетов, низко летящих самолетов противника и вообще всех важных, появляющихся на короткое время и быстро исчезающих целей.

Снайпер действует в составе снайперской пары, выполняя по очереди обязанности стрелка и наблюдателя»¹.

Из пояснений преподавателя к этому параграфу следовало, что Устав допускает некоторую самостоятельность в работе сверхметких стрелков. Они могут сами выбирать позиции для стрельбы и тактику ведения наиболее результативного огня при наступательном и оборонительном бое, при схватках с противником в лесу, в горах, в населенных пунктах.

Вот, скажем, наступательный бой. Снайпер должен как можно быстрее уничтожить вражеских офицеров, связистов, наводчиков орудий, минометов и пулеметов, трассирующими пулями навести на цели однополчан. При обо-

¹ Боевой Устав пехоты РККА. М., 1942. С. 30.

ронительном бою надо защищать фланги своего подразделения и стыки между взводами, ротами, батальонами, где может просочиться противник.

Изучение Уставов Красной Армии, как Боевого, так и Дисциплинарного, конечно, являлось весьма важной частью теоретической подготовки. Когда Школа переехала из Вешняков на станцию Силикатная, в более просторные помещения для таких занятий выделили целый класс с разными наглядными пособиями: схемами, чертежами, рисунками.

В классе девушки поначалу изучали и материальную часть оружия: устройство магазинной винтовки Мосина, самозарядной винтовки Токарева, пистолета-пулемета Шпагина, ручного пулемета «Дягтерев пехотный» и станкового пулемета «Максим». Требовалось разбирать и снова собирать их, уметь устранять простейшие неполадки. С теоретических занятий начинался и самый главный предмет в Школе — огневая подготовка.

Вел его майор Николай Григорьевич Крепс, участник Гражданской войны. Он окончил Стрелково-тактические курсы усовершенствования командного состава РККА «Выстрел» в 1930 году, успел повоевать с немцами в 1941-м и 1942-м. Крепс превосходно знал стрелковое дело, проводил занятия увлекательно, интересно. Он умел просто и доходчиво объяснять сложные вещи.

— Даже очень меткий стрелок, умеющий маскироваться, никогда не станет снайпером, если не изучит практическую баллистику, таблицы и расчеты для стрельбы, — так обычно начинал он свою первую лекцию. — Тот, кто все время стрелял только на стрельбище, при стандартных, отмеренных расстояниях, начинает «мазать», стре-

ляя по целям, возникающим на произвольных дистанциях, не говоря уже о стрельбе по движущимся и внезапно появляющимся целям, которые вы обязательно встретите при боевых действиях. Например, если сильный ветер подует сбоку, могут начаться неконтролируемые промахи. При стрельбе в горах, на разных высотах, сверху вниз или снизу вверх пули ложатся совсем не туда, куда нужно стрелку... Летящая пуля — физическое тело в движении, на него действуют законы физики и математики. Законы, говорю я. Значит, люди их уже открыли, изучили. И вы должны изучить. При ведении настоящего боя сверхметкий стрелок, прошедший правильную подготовку, мгновенно, чисто автоматически учитывает разные объективные показатели, влияющие на точность стрельбы. Будем этого добиваться...

Затем майор Крепс отходил к черной классной доске, брал в руки мел, рисовал, хотя достаточно упрощено, винтовку, и спрашивал курсанток, как, по их мнению, летит пуля, выпущенная из ружья: прямо горизонтально или по дуге?

Девушки, не обремененные законченным средним образованием, уверенно ему отвечали:

— Конечно, прямо!

— Все нет, — сказал преподаватель, посмеиваясь. — Выяснилось сие очень давно, в 1537 году. Итальянец Николо Тарталья в своем сочинении «Новая наука» на основании собственных опытов и наблюдений доказал, что любой снаряд описывает в воздухе кривую линию, похожую на дугу. Он назвал ее траекторией. Эту траекторию он разделил на две ветви: восходящую и нисходящую, а высшую точку назвал вершиной тректории. Если бросить

снаряд под углом в 45 градусов к горизонту, то он при прочих равных условиях пролетит дальше всего. Это открытие легло в основу науки баллистики...

Николай Григорьевич мелом изобразил на доске сначала прямую линию, над ней — дугу, исходящую из дула винтовки, и пулю, замершую на самой высокой точке этой дуги:

— Вы видите путь пули в безвоздушном пространстве. Смотрите, вот — восходящая ветвь траектории, вот — нисходящая. Вот — вершина траектории, вот — ее высота. Все это можно вычислить... Только секрет в том, что существует сила притяжения Земли. Выброшенная ударом пороховых газов, наша пуля устремится вперед и вверх со скоростью 865 метров в секунду и одновременно начнет падать вниз по направлению к центру Земли, подчиняясь закону свободного падения тел. Закон, открытый Галилеем, гласит, что любое свободно падающее тело, будь то камень, щепка, мяч или бомба, в первую секунду проходит 4,9 метра, а в каждую последующую секунду скорость его падения возрастает на 9,8 метра...

Такие теоретические рассуждения поначалу пугали девушек. Но потом они узнали, что существуют давно составленные таблицы превышения средних траекторий при стрельбе из разных винтовок — «трехлинейки» Мосина и «СВТ-40» — на разные дистанции, разными пулями. А их задача проста: выучить таблицы наизусть. Пусть не сразу, постепенно. Для того их и собрали здесь...

«Когда началась война, мне было 15 лет, — рассказывала о себе Клавдия Ефремовна Калугина (девичья фамилия — Пантелеева), бывшая курсанткой второго набора. — Я пошла работать на военный завод “Респиратор”

в Орехово-Зуево. Война началась — карточки нужны рабочие. На заводе их давали и по ним — 700 грамм хлеба в день. На заводе я вступила в комсомол. По выходным комсомольцев отправляли на “Всевобуч”. Там нас подготавливали к военной службе. Потом, когда “Всевобуч” мы закончили, сказали, что открылась снайперская школа. Очень многие пошли добровольно, пошла и я в 17 лет. Это был июнь 1943 года. В школе я была самая молодая. Всем по 18 лет, а мне — 17. Думали, вернуть меня домой или не вернуть? Решили, если буду успевать за всеми, то оставить. Начали рыть полигон (то есть обучать правилам маскировки с рытьем окопов, траншей и т.д. — А.Б.). Я — из небогатой семьи. И дрова рубила, и воду носила. Я — привычная к делу, работала хорошо. Меня оставили, даже дали увольнительную домой. Когда начали стрелять, у меня не получалось. Я стреляю, и все — в “молоко”. Тогда Баранцева Зинаида Андреевна, наш командир отделения, стала заниматься со мной отдельно. Она научила меня очень хорошо стрелять...»¹

Замечательные лекции майора Крепса по баллистике были предметом совершенно необходимым. Но обучением новобранцев практической стрельбе занимался младший командный состав, а он формировался из первого выпуска курсанток Центральной женской школы снайперской подготовки, «на отлично» закончивших это военно-учебное заведение. Потому трудности, с которыми столкнулась Клава Пантелеева, старшему сержанту Баранцевой были понятны. Она взяла ее под свою опеку и добилась успеха.

¹ Полностью опубликовано А. Дробкиным на сайте <<http://irememeber.ru/>>.

Впоследствии З.А. Баранцева, по мужу — Колобова, сдала экстерном экзамены в Московском пехотном училище, получила воинское звание «младший лейтенант» и после войны продолжала службу в рядах Советской Армии.

Между тем всей своей деятельностью Школа подтвердила простую истину: научить стрелять в цель можно любого человека, даже не наделенного отличным глазомером. Процесс обучения будет долгим, от шести до восьми месяцев, трудным, даже изнурительным. Но при горячем желании обучающегося, при умелом и терпеливом наставнике достичь результата можно. Получится обычный армейский снайпер, не ас, однако — боец, накрепко освоивший ряд определенных приемов, которые позволят ему правильно выполнять задания командования на поле боя.

Кстати говоря, согласно наградным документам, Клавдия Ефремовна Пантелеева, ефрейтор, а затем младший сержант, в период с апреля 1944 года по май 1945 года уничтожила 28 гитлеровцев и была награждена медалями «За боевые заслуги», «За отвагу» и в конце мая 1945 года — орденом «Красная Звезда». Следовательно, труды Зинаиды Баранцевой не пропали даром. Используя разработанные в Школе методики, старший сержант подготовила для фронта крепкого профессионала.

Возможно, начинала она с элементарных вещей.

Например, объяснила Клаве, что перед выстрелом нужно задерживать дыхание, сам выстрел производить на выдохе. Часто начинающие стрелки задерживают дыхание, пристально не всмотревшись в цель. Поскольку воздуха не хватает, они спешат нажать на спусковой крючок. Или наоборот — задерживают дыхание слишком поздно, перед самым выстрелом, когда оружие еще не «выровня-

лось» и не «устоялось». При этом пуля чаще всего уходит вверх.

Для нормального выстрела нужно не более 5—6, максимум — 8 секунд. Если стрелок не может уложиться в это время, то ему что-то мешает. Инструктор должен проверить правильность изготовления. При правильной и натренированной, наработанной изготовке, ничего не беспокоит, не болит, не тянет, не давит. Потому, что снайпер не должен испытывать никакого напряжения в момент нажатия на спусковой крючок.

Есть и другой недостаток, характерный для начинающих — «заценивание». На самом деле долго целиться нельзя. За одну минуту непрерывного прицеливания острота зрения падает вдвое. По окончании «заценивания» глаз устает настолько, что плохо различает положение мушки и других прицельных приспособлений. Стрелок этого не замечает, его зрительная память сохраняет в сознании «прицельную картинку» во всей яркости на 2—3 секунды. Инструктор, расположившись рядом с курсантом, должен проверять по секундомеру отсчет этих восьми секунд, нужных для выстрела, и контролировать весь процесс: задержка дыхания, прицеливание, выдох с плавным нажатием на спусковой крючок.

Нередко встречается у новичков и такое — боязнь выстрела, особенно из магазинных винтовок, которые дают сильную отдачу. Начинающий инстинктивно зажмуривает глаза, прекращает целиться и дергает за спусковой крючок, тем самым окончательно сбивая наводку оружия. Помогает простое объяснение: если винтовка дернулась и толкнула в плечо, то пуля уже находится в мишени. Грохот выстрела вообще никакой опасности для здоровья не

представляет. А смотреть обоими открытыми глазами на винтовку и в сторону мишени в момент выстрела — вообще очень интересно.

Усилие, которое необходимо применить для нажатия на спусковой крючок, составляет не менее 1,5 кг. С подобным усилием и должен действовать указательный палец стрелка. Однако напрягать правую руку и правое плечо ему нельзя. Дело в том, что вышеуказанные 1,5 кг на спуске распределяются и на указательный, стреляющий палец, и на остальные пальцы, удерживающие руку на прикладе. Так создается равновесие, и оно существует до тех пор, пока курок не спущен. Как только он вводится в действие, то те самые 1,5 кг на спуске пропадают. Но на остальных пальцах, сжимающих шейку приклада, они остаются. Происходит мгновенная и резкая разбалансировка сил, отчего стреляющая кисть «вздрагивает» на прикладе. Движение передается на винтовку и сбивает ее. У профессионалов это называется «провалом» спуска с последующим «сдергиванием» оружия. Пуля при этом уходит от цели в сторону¹.

Немало времени провела сержант Зинаида Баранцева вместе с Клавой Пантелеевой на полигоне в окопе полного профиля у винтовки Мосина, уложенной на бруствер. Учила не задерживать дыхание, не напрягать все тело, не «зацеливаться», не моргать при выстреле, правильно нажимать на спусковой крючок — только сгибом на суставе между первой и второй фалангами указательного пальца правой руки, ибо направление нажима на спусковой крючок должно происходить строго по оси канала ствола.

¹ Описание методики дано по книге А. Потапова «Искусство снайпера». М., 2009. С. 134.

Девушка из подмосковного городка Орехово-Зуево безгранично доверяла своей наставнице и старалась выполнять все ее указания. Клавдии совсем не хотелось возвращаться домой, как говорится, не солоно хлебавши. Да и пребывание тут в конце концов ей понравилось: одета, обута, накормлена, кроме хлеба выдают два раза в неделю сливочное масло, мясным супом регулярно потчуют. Марш-броски, работа саперной лопаткой на полигоне ничуть ее не пугали. К тяжелому труду она была приучена с детства. Также никто не торопил семнадцатилетнюю курсантку с освоением снайперской науки. За восемь месяцев все необходимые навыки они с Баранцевой довели до полного автоматизма. Пантелеева сдала экзамены на «хорошо» и перед отправлением на фронт получила от командования Центральной женской школы подарок — американские белые чулки, красивые, но совершенно непрактичные...

Примерно таким же было начало армейской биографии у Юлии Жуковой. Она родилась в семье партийных работников, до войны жила в городе Уральске, училась в школе, но в 16 лет поступила работать на военный завод № 231, эвакуированный из Ленинграда. Там рабочим за двенадцатичасовой рабочий день выдавали по 800 грамм темно-серого, сырого, комковатого хлеба, больше напоминающего глину, иногда подкармливали супом в заводской столовой. Но комсомольцы не унывали. Юля довольно быстро освоила профессию слесаря-инструментальщика третьего разряда, трудилась в цехе, где собирали торпеды и мины для кораблей военно-морского флота.

Однако у Жуковой была мечта — попасть на фронт. Поэтому она вместе с лучшей подругой Валентиной Шиловой

пошла на двухнедельные курсы «Всеобуча» с отрывом от производства, успешно закончила их. Затем летом 1943 года добилась в горвоенкомате направления в Центральную женскую школу снайперской подготовки, хотя ей и не исполнилось 18 лет. Вместе Валея она поехала в Подольск. В Школу их зачислили, только, к большому огорчению девушек, они попали в разные роты. Жукова очутилась в третьей роте, а Шилова из-за своего малого роста — в четвертой. Видеться часто они теперь не могли, да и жизнь в Школе оставляла не слишком много времени для отдыха.

Шесть дней новобранцы находились в карантине и занимались тем, что набивали резаной соломой матрасы и подушки для себя.

«Первые яркие впечатления связаны с походом в баню, — писала потом в своих воспоминаниях Юлия Константиновна Жукова. — Нас вывели на плац, приказали построиться в колонну и повели в баню в Подольск. Это было зрелище! По-моему, мы больше напоминали цыганский табор, нежели военный строй. Ходить в строю, строго выдерживать равнение еще не умели, наши ряды путались. Одеты все были кое-как. Ведь мы понимали, что гражданскую одежду придется бросить, поэтому дома, собираясь в дорогу, надевали самое плохое и ненужное. Девчата громко переговаривались в строю, обменивались впечатлениями. Командиры тщетно старались навести порядок, но никто не слушал их...

В бане нас ожидал сюрприз — целая бригада парикмахеров. Ловко орудуя ножницами и бритвами, они всех подряд стригли почти под “полубокс”. Девчата не хотели расставаться со своими прическами, пытались сопротивляться, кто-то даже пустил слезу, но здесь этот номер не

проходил. Всем сделали одинаковые прически, все стали похожими на мальчишек и как будто на одно лицо...

После бани нас обмундировали. В первую очередь выдали нижнее белье: белые широкие и длинные, почти до колен трусы из бязи со шнурком на поясе вместо резинки; бязевые мужские нижние рубашки с длинными рукавами и завязками у горла; байковые портянки. Затем — хлопчатобумажные брюки и гимнастерки, брезентовые ремни, кирзовые сапоги с широченными голенищами, шинели и шапки-ушанки. Все нескладное, зато новое, кроме — шинелей и шапок. При этом надо было не просто взять и надеть одежду. Каждому предстояло подобрать ее себе по росту. Пока занимались нижним бельем, все было нормально. Но когда дело дошло до верхнего обмундирования, начался настоящий спектакль. В тесном предбаннике мы примеряли один комплект за другим, менялись то брюками, то гимнастерками... Больше всего возни было с портянками, которые никак не удавалось навернуть более или менее сносно. Девчата толкались, шумели, хохотали, дурачились.

Наконец, все утряслось, мы оделись и вышли на улицу строиться. Все-таки одинаковая для всех военная форма сильно дисциплинирует. Мы представляли собой совсем иную картину, нежели несколько часов назад. Отмытые, подстриженные, одетые в солдатские мундиры, мы вдруг почувствовали себя иначе и держались уже по-другому. В строю старались соблюдать равенство, шагали в ногу, не разговаривали...»¹

¹ Жукова Ю.К. Девушка со снайперской винтовкой. М., 2006. С. 22—23.

Девушки были готовы принимать казарменную жизнь такой, как она есть. Все они пришли в ЦЖШСП добровольно, с огромным желанием научиться воевать, освоить сложную военную профессию и потом безжалостно истреблять врагов своей страны. Командование Школы тоже имело определенную задачу: внушить курсанткам правила армейской службы, выработать у них аккуратность, точность, дисциплинированность, умение беспркословно подчиняться приказам вышестоящего начальства. Однако как это будет происходить, новобранцы не догадывались.

«Казалось бы, простое дело — заправка постелей, — продолжает свой рассказ о пребывании в Школе Юлия Жукова. — Но когда начали это делать, то не сразу получилось. От нас требовали так уложить одеяла и простыни, чтобы на них не было ни морщинки, ни складочки, иногда даже приходилось шомполом выравнивать. Подушки ставились в ряд таким образом, чтобы ни одно “пузо” не выпирало, а ведь они были, как уже говорилось, набиты соломой. Вафельные полотенца выкладывались около подушек треугольниками, притом их основания должны были образовывать прямую линию. Если старшина при проверке обнаруживала недостатки в заправке постелей, то все, сделанное с таким трудом, безжалостно ломалось, и приходилось делать заново. Теперь даже представить себе не могу, как мы умудрялись создавать идеально ровное сооружение из десяти постелей, стоя на втором ярусе и согнувшись почти пополам.

Еще тяжелее было научиться буквально за считанные секунды одеваться и обуваться, правильно наворачивать портянки, пришивать подворотнички.

Трудно нам давались все эти премудрости военного быта. Помню, чуть рассвет, раздается команда: “Подъем!” И все разом, еще не окончательно проснувшись, соскакивают с нар, судорожно натягивают на себя форму, тычутся в ряды сапог, стоящих в два ряда около нар, каждый ищет свои. А рядом с нами — старшина с секундомером в руках проверяет, укладываемся ли мы в нормативы. Не успели одеться в положенное время — тут же раздается команда: “Отбой!” Снова раздеваемся, укладываемся на свои места. Потом опять: “Подъем!” И все сначала. Только оденемся, незамедлительно раздается следующая команда: “Выходи строиться, на зарядку!” Бежим, но на ходу кто-то что-то еще застегивает, поправляет...»

Не менее интересна история с подворотничками для гимнастеров и чисткой кирзовых сапог. Подворотнички курсанткам не выдавали, однако требовали их иметь всегда ослепительно белыми, что было затруднительно, например, при рытье окспов на стрельбище. Поэтому их приходилось менять раз или два в течение дня. Ваксу для сапог выдавали, но — неопределенного цвета, и оттого сапоги не блестели. А неписанные правила Школы гласили: сапоги должны блестеть как зеркало! За сапожным черным кремом «Люкс» приходилось ездить в Москву, где его покупали на выдаваемые курсанткам ежемесячно в качестве денежного довольствия 7,5 руб.

Постепенно девушки справились со всеми трудностями: и с заправкой постелей по-армейски, и с наворачиванием портянок, и с одеванием по секундомеру, и с чисткой сапог. Более того, вооружившись ножницами, иголками и нитками, они разобрались с выданной им одеждой не по размеру: что-то ушили, что-то перекроили по фигуре,

а что-то даже усовершенствовали. Например, стали вставлять фанерные дощечки между двумя полосками ткани на погонах, и те красиво лежали на плечах.

За месяц курсантки научились ходить строевым шагом, маршировать, не нарушая построения в шеренгах, выполнять разные приемы с винтовкой: «на плечо», «к ноге», «на караул», — петь хором солдатские песни. Пришло время принимать присягу. Перед торжественным днем им выдали армейскую женскую парадную форму, в нее входили не брюки, а юбки. Радости курсанток не было предела, хотя от юбок в Школе они успели отвыкнуть.

Церемония проходила на плацу, с выносом знамени, под духовой оркестр.

Четкий строй двух батальонов порадовал бы глаз любого кадрового офицера. Девушки приобрели необходимую солдатскую выправку, держались уверенно, умело обращались с оружием. По очереди они подходили к столу, накрытому красной скатертью, читали текст присяги: «Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии, принимаю присягу и торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным бойцом, строго хранить государственную и военную тайну...», расписывались под ним и, став на одно колено, целовали край знамени.

После церемонии состоялся парад. Маршировали курсантки в шеренгах по шесть человек, на коротких интервалах, держа винтовки со штыками наперевес. Они дружно кричали «Ура!» в ответ на праздничные призывы, которые раздавались с трибуны. Там находилось командование Школы и высокие гости, приехавшие из Москвы.

Посмотреть на парад также собралось множество местных жителей. Их присутствие очень вдохновляло будущих сверхметких стрелков, и они старательно печатали шаг.

После присяги занятия стали более интенсивными.

Перечитывая воспоминания девушек, окончивших ЦЖШП, можно получить представление о том, как протекал их обычный учебный день на полигоне, куда они ходили четыре раза в неделю. Отправлялись сразу после завтрака в столовой и возвращались в казармы вечером, к ужину. Расстояние было немалым: семь километров туда и семь километров обратно. Совершали поход с полной солдатской выкладкой: скатка шинели через плечо, винтовка, противогаз в сумке, саперная лопатка в чехле, пристегнутом к брезентовому поясу. Летняя жара, осенний дождь, зимняя вьюга — ничто не могло помешать курсанткам в этой дороге.

Практические занятия по огневой подготовке начинались с рытья траншей и окопов, оборудования огневых точек и примитивных оборонительных сооружений. Будущие снайперы копали землю саперными лопатками. Наверное, переместили ими с места на место не одну тонну рыхлой подмосковной землицы. Зато научились окапываться быстро, делать все очень аккуратно. Прятались в своих окопчиках так ловко, что однажды проверяющий из Москвы, между прочим, в генеральском чине, стоя почти рядом со снайперской засадой, не сумел определить ее местонахождение. За такую отличную маскировку девушкам объявили благодарность перед строем.

Стрельба стала следующим этапом в обучении сверхметких стрелков. Под наблюдением младшего комсоста-

ва сначала они вели огонь из обычных винтовок Мосина, потом получили снайперские. Задания были разными: по мишеням в полный рост, поясным, грудным, бегущим, неподвижным, открытым и замаскированным. Нормативы тоже определялись: попасть в верхнюю часть головы противника, размер мишени 15×20 см; попасть в голову, размер — 20×25 см; попасть в стереотрубу, размер — $15\text{—}18 \times 8$ см; попасть в перископ, размер — 20×8 см; попасть в ручной пулемет, размер — 50×60 см; попасть в станковый пулемет, размер — 60×80 см; попасть в перебегающую фигуру, размер — 50×50 см.

Осваивать оружие начинали с наиболее простого способа — стрельбы лежа с упора. Он обеспечивает почти абсолютную устойчивость винтовки при выстреле, и это облегчает работу новичку. Лежать надо на животе, прижав ноги коленями и каблуками к земле, расставив их в полтора раза шире плеч. Винтовка находится на упоре под некоторым углом к оси позвоночника и углом к линии плеч стрелка настолько, чтобы ему было удобно целиться. Бывают и особенности. Можно поддержать левой рукой приклад — стрельба с упора «по-пулеметному». Можно левой рукой поддерживать цевье ружья — стрельба с упора «по-винтовочному». При отсутствии упора естественного (бруствер окопа, камень, ствол дерева и т.п.) лежащему на земле стрелку подходит и ремень «снайперки», пропущенный под локоть левой руки. Сама эта рука удерживает винтовку, захватывая ее за выточки на ложе.

Иногда стрелять из положения лежа не представляется возможным: стрелок находится в развалинах дома, среди высокой травы или кустарника. Тогда можно сесть на пятку правой ноги и опираться левым локтем на согнутую

в колене левую ногу. Ремень натянут, пропущен под локоть левой руки и соединяет в одно целое стрелка и его оружие. Стрельба с колена с применением ремня нелегка для снайпера, но ему необходимо владеть и этим методом.

Достаточно трудна для начинающего стрельба из положения стоя. Она требует от стрелка немалой силы, самообладания, выдержки. Винтовка — все-таки в ней весу более 4,5 кг — тут может «ходить» влево и вправо, вниз и вверх. Поскольку тяжесть оружия тянет стрелка вперед, то ему приходится отклонять корпус немного назад и в сторону затылка, локоть левой руки упирать себе в бок, в ребра, ноги распрямлять и расставлять на ширину плеч. Кистью левой руки он удерживает винтовку за цевье, приклад плотно прижимает к плечу чуть выше, чем при стрельбе с колена или лежа. Правая рука при стрельбе обычно опускается локтем вниз на 25—30 градусов...

Патронов для тренировок не жалели.

Но девушки получали их под расписку и по окончании стрельб должны были сдать по счету столько же гильз. После выстрела гильза вылетала из патронника, и иногда довольно далеко. Если обнаруживалась недостача, то искали пропажу всем отделением, ползая на коленях то в грязи, то в траве, то в пыли. Вроде бы латунные, поблескивающие на солнце гильзы отыскать нетрудно, но когда времени в обрез, идет дождь или снег, эти цилиндрические небольшие по размеру железки, как назло, закатывались в самые недоступные места.

Первая половина учебного дня на полигоне проходила незаметно.

К двенадцати часам туда приезжала походная кухня с приготовленным горячим обедом. Кашу раздавали в боль-

шие котелки: один — на четырех курсанток. Плюс к тому — трехсотграммовая пайка хлеба. После армейского учения простая еда казалась необыкновенно вкусной. Девушки по очереди черпали кашу ложками. На обед отпускали времени немного, но потом — целый час на отдых. Расстелив шинели, укладывались прямо на мягкую слегка влажную землю, недавно вынутую из траншей и окопов. Час пролетал, как одно мгновение, и звучала команда: «Подъем!»

Кроме занятий в классах и на полигоне у курсанток бывали и ночные учебные тревоги, и стокилометровые пешие походы, и марш-броски, а также шла обычная гарнизонная служба. Они дневалили на кухне (чистка картошки, отмывание котлов от жира, мойка полов), несли круглосуточные караулы. Особенно неприятным было дежурство у склада с боеприпасами: два часа с винтовкой на посту — два часа в караулке — два часа сна в том же караульном помещении. Склад находился довольно далеко от главного здания, на пустыре, заросшем густым кустарником, рядом с ним — глубокий овраг. Ночью, когда поднимался ветер, ветви кустов качались и стучали друг о друга, то действительно могло показаться, что в овраге кто-то прячется.

Но было в Школе и другое: праздничные вечера и концерты художественной самодеятельности, просмотры кинофильмов, встречи со знаменитыми людьми. Приезжали в ЦЖШСП уже прославившиеся на фронте снайперы. Например, одним из первых нанес визит Герой Советского Союза капитан Владимир Пчелинцев, служивший в то время командиром роты в Центральной школе инструкторов снайперского дела. Он доходчиво объяснял слушателям основы баллистики, правила ма-

скировки и ухода за оружием, подкрепляя лекцию примерами из собственного опыта. Несколько раз побывала в Школе Герой Советского Союза старший лейтенант Людмила Павличенко. С ней разговор у девушек вышел более доверительным, искренним. Людмила, обладая ярким даром рассказчика, повествовала о типичных для женщины-снайпера ситуациях, как на передовой, так и в тылу. Она советовала им никогда не терять бодрости и присутствия духа...

Как уже говорилось выше, командирами курсантских взводов в первое время назначили офицеров-мужчин. Разные это были люди по своему характеру, культурному уровню, знаниям, боевому опыту. Среди них встречались и те, кто не скрывал пренебрежительного отношения к девушкам, решившим стать солдатами. Вероятно, от этого проистекали их слишком жесткие требования к подчиненным, иногда смахивающие на издевательство.

«Помню случай, — писала в своей книге Юлия Жукова. — Однажды выдался у нас особенно тяжелый день. К тому же погода была мокрая, холодная. Пошли в столовую на ужин (строим, как всегда), а песни не поются. Взводный (младший лейтенант Мажнов. — А.Б.) призывает петь, а мы не поем. Он в конце концов рассвирепел, но и мы тоже уже разозлились и не стали петь. Долго гонял он нас по плацу строевым шагом, требуя, чтобы мы пели, но в этот раз, как говорится, нашла коса на камень, мы упрямо молчали. Наступил отбой, все улеглись в предвкушении сна. Только начали засыпать, как вдруг команда: «Подъем, выходи строиться!» Мажнов вывел нас на плац и начал гонять, снова добиваясь, чтобы мы пели. Взвод молчал. Шепнули нашей запевале Маше Жабко,

чтобы она запевала, сами же решили и в этот раз не подчиняться взводному. Маше нельзя было отмолчаться, потому что одну ее он мог потом замордовать нарядами, а со всем взводом этот номер не прошел бы. Так и ходили мы по плацу среди ночи: взводный приказывает петь, запева-ла начинает песню, а остальные молчат. В тот раз у него ничего не получилось. В глазах всей роты мы выглядели героями...»

Эта и некоторые другие выходки младшего лейтенанта стали известны командованию Школы. Решение приняли в пользу курсантов. Мажнова отправили на фронт, его место заняла младший лейтенант Ирина Папихина, выпускница Рязанского пехотного училища. Вскоре всех мужчин, командовавших здесь взводами, сменили женщины. Требования к девушкам не изменились, но все-таки служить им стало легче.

Подошло время выпускных экзаменов.

Курсанты должны были продемонстрировать умение действовать в военной обстановке: стрелять, ползать по-пластунски, маскироваться, окапываться, оказывать первую медицинскую помощь, разбирать и собирать винтовку, обращаться с противогазом. Принимала экзамены комиссия, прибывшая из Москвы. Каждая девушка получала индивидуальное задание, выполнение которого происходило на полигоне. Например, такое: «Ваше подразделение ведет наступательный бой. Противник открыл пулеметный огонь. Нейтрализуйте вражескую огневую точку».

Полигон, знакомый как свои пять пальцев, пробежать или проползти было нетрудно. Однако «вражеские точки» на нем прятали довольно изобретательно. От снайперов

требовали, чтобы, проведя осмотр местности, они быстро обнаружили цель и поразили ее выстрелом из винтовки. На это выдавали три патрона. Первый меткий выстрел — «отлично», если понадобится второй — «хорошо», а третий — «удовлетворительно». Отличницам присвоили воинское звание «младший сержант», некоторым из них предложили остаться в инструкторской роте, готовившей командиров отделений для Школы. Согласились далеко не все. Девушки, восемь месяцев пробыв в стенах сего военно-учебного заведения, теперь рвались на фронт.

Перед отправкой случилось еще одно испытание: комбинированные и очень болезненные уколы для прививки от столбняка, холеры, дизентерии...

Экипировали 559 выпускниц Школы в конце ноября 1944 года основательно: новые хлопчатобумажные гимнастерки, брюки и шинели, шапки-ушанки, ватные телогрейки и штаны, теплое белье, портянки, варежки с двумя пальцами. Кануло в Лету то время, описанное Людмилой Павличенко, когда в действующей армии не хватало даже обычных винтовок. Девушки ехали на фронт со своими «снайперками» (в основном — винтовки Мосина с прицелом «ПУ», но встречались и «СВТ-40»), полученными в ЦЖШСП, пристрелянными, хорошо изученными, тщательно вычищенными и смазанными перед дорогой. Оптические прицелы — в брезентовых чехлах, окуляры закрыты кожаными колпачками. Для надежности сверхметкие стрелки обмотали прицельные приспособления еще и бинтами.

В вещмешках у ефрейторов и младших сержантов — сухой паек: брикеты концентратов из гречневой и пшенной каши, горохового супа. Из них на печках-«буржуйках»,

установленных в теплушках воинского эшелона, идущего на запад, они готовили себе еду. Имелись у них также черные ржаные сухари, пачки с чайной заваркой. Кроме того, на остановках бойцам выдавали селедку (вместо мяса. — А.Б.).

Из Москвы до Минска поезд шел долго.

Настроение у девушек не было подавленным или печальным. Ведь они мечтали о том, как вольются в ряды доблестной Красной Армии, будут бить проклятых фашистов. Они пели свои школьные песни, в открытые двери теплушек смотрели на проплывающие мимо поля и леса, на станциях выбегали, чтобы подышать свежим воздухом, размять ноги, умыться холодной водой из колодца или водокачки. Сердобольные русские женщины встречали их на перронах разбитых бомбами вокзалов и старались угостить какой-нибудь домашней снедью. Говорили им: «Может быть, и моего кто-то угостит...»

По прибытии в Минск снайперы выгрузились из вагонов-теплушек, построились на перроне. Не без удивления взирали встречающие их офицеры на приехавшее из столицы пополнение. Более полутысячи девушек в возрасте 18—20 лет в новеньких необмятых шинелях, розовощекие, стройные, подтянутые, с винтовками, которые по команде поставили у ноги. Тут закадычным подругам и пришлось попрощаться. Их отделениями численностью по десять — двенадцать человек направляли в разные полки и дивизии, даже — на разные фронты. Например, ефрейтора Клавдию Пантелееву в паре с Марией Чигвинцевой — в 1152-й стрелковый полк 344-й дивизии; младшего сержанта Юлию Жукову в паре с Галиной Лепешкиной — в 611-й стрелковый полк 88-й дивизии 3-го Белорусского фронта; ефрейтора Антонину

Захарову в паре с Ольгой Важениной — в штаб 143-й стрелковой дивизии 1-го Белорусского фронта; младшего сержанта Александру Назаркину в паре с Зинаидой Вершининой — в 508-й стрелковый полк 174-й дивизии...

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

Очень ждал пополнения командир 609-го стрелкового полка полковник Гришаев. Наконец, раздался звонок из штаба 139-й стрелковой дивизии: «Пополнение просил?» — «Так точно, товарищ генерал-майор!» — «Встречай. Это — снайперы». — «Огромное вам спасибо, товарищ генерал-майор!»

Полк стоял в обороне, немцы — за нейтральной полосой в четыреста метров. С наблюдательного пункта в бинокль хорошо видно, как они спокойно прохаживаются по траншеям, телефонную связь налаживают, боеприпасы на передовую подносят, у штабных землянок и складов за просто, на виду караулы меняют. Кто мог нарушить их покой при позиционной войне? Только снайперы...

Командир полка, радуясь, поехал в штаб дивизии, который занимал деревенскую школу. На заснеженный двор вышло солдатское отделение численностью в десять человек. Гришаев присмотрелся и ахнул: да ведь это девочки! Построились, командир отделения отдала рапорт, бойцы не очень стройно, звонкими девичьими голосами ответили на приветствие комполка: «Здравия желаем, товарищ полковник!» Ошеломленный офицер задал им вопрос, совершенно, как он потом понял, неуместный:

— Девушки, а вы стрелять-то умеете?

— Мы Центральную женскую школу снайперской подготовки закончили, товарищ полковник, — с некоторой обидой ответила за всех младший сержант Надежда Кирьян.

«Милые вы мои, — подумал тогда Гришаев, — вас бы машинистками в штаб, или в госпиталь, или во вспомогательные, тыловые службы — картошку к солдатскому харчу чистить, — в общем, куда-нибудь подальше от передовой. Что вы в окопах делать будете? Фронтальная служба — занятие непростое, нелегкое. Как Суворов про солдата говорил? “Руки у него в крови, но совесть чиста...” Так вам ли в кровь эту окопную, в ярость штыковых атак лезть? Эх, девушки, девушки...»¹

Однако приказ есть приказ, и полковник отправился вместе с необычным пополнением на позиции вверенной ему воинской части. В первую же неделю Гришаев понял, что подготовка у девчонок неплохая: умеют маскироваться, правильно оборудуют снайперские засады, метко стреляют. С энтузиазмом они взялись за дело и быстро отучили немцев от вальяжной жизни. Пленные гитлеровцы стали сообщать, будто командование их предупредило: на фронт прибыл отряд знаменитых сибирских богатырей-охотников, которые бьют без промаха. В 609-м полку немало шутили на эту тему: наши девчонки — сибирские богатыри! Но если говорить серьезно, то результаты были отличные. После первого месяца службы у каждой на счету — по пять-семь уничтоженных врагов. Полковник Гришаев, отдавая должное их мужеству и умению, охотно писал на снайпе-

¹ *Гришаев Г.* Очерк «Гордость нашего полка». Сборник «Снайперы». М., 1976. С. 72.

ров представления к правительственным наградам. Первой орденом Красной Звезды получила Надежда Кирьян.

Сержант Кирьян погибла летом 1944 года в боях на реке Свислочь. Она и ее напарница Анна Комарова отравились в рейд с группой полковой разведки. Но разведгруппа внезапно натолкнулась на немецкую засаду. Неравная схватка произошла в невыгодных для русских условиях. Надежда отстреливалась до последнего патрона, потом поднялась во весь рост с гранатой в руках, но тут фашистская пуля попала ей в сердце.

В письме, отправленном родителям незадолго до своей смерти, Надя писала о долге солдата, о победах, покупаемых ценою жизни. Правда, очень скупно рассказывала она о своей службе, о том, каково это — убивать людей. Но воспоминания других выпускниц ЦЖШСП о первом бое сохранились.

КЛАВДИЯ ПАНТЕЛЕЕВА (Калугина):

...Нас было, наверное, человек 12, и вот Надя Логинова (ее потом ранило), поползла в сторону немцев на нейтральную полосу, а нейтральная полоса вся заминирована. Еще только первый день — мы так боялись! Крикнули погромче: «Надя! Сюда! Сюда!» Она вернулась, и мы поползли. Приползли в ту траншею, она вся в снегу. Снег шел, наверное, несколько дней. Немцы чистили открыто траншеи. В этот день можно было хоть десяток фрицев убить. Но, понимаете, убить человека в первый раз! У нас разные люди были, одна из партизан была — Зина Гаврилова, другая — секретарь комсомольской организации — Таня Федорова. Мы с Марусей Чигвинцевой только смотрели. Мы так и не смогли нажать на спусковой крючок,

тяжело. А они открыли счет. И когда мы вечером пришли в землянку, начали обмениваться впечатлениями, мы ничего с Марусей не смогли сказать и всю ночь ругали себя: «Вот трусихи! Для чего мы приехали на фронт?» Ну, нам обидно стало, почему они открыли счет, а мы нет?..

И вот — следующий день. Там бруствер был и амбразура для солдат, а для пулемета — стол. И вот немец «чистил» эту пулеметную точку. Я выстрелила. Он упал, и его стащили туда за ноги. Это был мой первый немец...

В одном месте было озеро. Немцы ходили умыться, даже в нижнем белье бегали. Так вот Зина Гаврилова стрельнула, убила одного. И немцы не стали ходить туда умыться. Мы уже стояли, это было лето, и уже каждый в своей амбразуре, потому что у немцев никакого движения не было, и у нас не стало. Мы стояли днем, а солдаты стояли ночью, днем спали. И вот мы с Марусей Чигвинцевой поставили винтовки в амбразуру и наблюдали за немецкой обороной. И вот я наблюдала в свою очередь (потому что глаза устают), и вот Маруся говорит: «Давай я теперь встану». И она встала, а солнечный день был, и видно, она шевельнула линзу. Только встала — выстрел, и она упала. Ой, как я заплакала! 200 метров немец был от нас. Я кричала на всю траншею, солдаты выбежали: «Тише, тише, сейчас открывают минометный огонь!» Ну, где там тише. Это — первая моя подруга. Мы до вечера сидели, и я все плакала. Потом мы ее похоронили. Я помню, цветов было много полевых. Под Оршей это было, 3-й Белорусский...

ЮЛИЯ ЖУКОВА:

...И вот мы на передовой. Длинная, глубиной почти в человеческий рост, траншея, повсюду оборудованы

огневые точки и наблюдательные пункты, от траншеи в тыл ведут такие же глубокие ходы сообщения. Между нашими и немецкими позициями — нейтральная полоса. А немцы — вот они, почти рядом, и их хорошо видно через оптический прицел винтовки. Иногда над бруствером проплывет каска — в одну, в другую сторону. По вечерам слышно, как на стороне противника поют, играют на губных гармошках. Там шла своя жизнь.

Сложно описать, что я испытала, впервые попав на передовые позиции. Это и некоторое возбуждение, приподнятость, но и неуверенность, и ожидание чего-то необычного, и страх, конечно. Тогда, на первых порах, я, например, испытывала страх больше не перед немцами, а оттого, что точило меня сомнение: вдруг не сумею, не справлюсь, оплошаю, стану посмешищем. Настоящий страх перед врагом пришел позднее, когда мы вплотную столкнулись с ним, начали ходить на задания, участвовать в боевых действиях. Но постепенно удалось преодолеть все сомнения и страхи. Правильнее сказать, мы научились как бы отрешаться от страха, не позволять ему угнетать наши чувства и волю...

Еще до наступления Нового года состоялось мое боевое крещение, я уничтожила первого немца. Было это так. Мы с моей напарницей в очередной раз вышли на задание. Поскольку опыта у нас еще не было, то нам не разрешали выходить за пределы линии обороны, мы должны были находиться в траншее, изучать оборону противника, засекаать огневые точки, следить за передвижениями фрицев, определять цели для последующего их поражения. Стрелять разрешалось лишь в исключительных случаях и только наверняка.

В тот день наша вахта на передовой затянулась, мы уже замерзли и устали, но не уходили. Вдруг вижу: прямо против того места, где мы находились, по траншее, ведущей из тыла на передовую, в полный рост, не пригибаясь, идет немец. Этот участок передовой противника был открытым, все просматривалось, как на ладони, поэтому немцы торопились пройти его быстрее и пригибаясь пониже. А этот — или только что прибывший, или бесшабашный какой-то — шел во весь рост, не торопясь. Принимаю решение: стрелять! Задержав дыхание, тщательно прицеливаюсь, плавно нажимаю на спусковой крючок. Немец нелепо взмахивает руками и как-то боком валится вниз. Подождав немного, мы с напарницей уходим, договорившись с солдатами, что они понаблюдадут за тем немцем. На следующий день они рассказали, что долго наблюдали за ним, но он не поднялся. Очевидно, я попала в цель. Доложили командиру. Вечером выстроили все отделение, мне объявили благодарность.

Сложные чувства обуревали меня в тот день. С одной стороны я была рада, что открыла боевой счет. С другой стороны, когда убиваешь человека, даже если это враг, то становится не по себе. Помню, весь вечер меня слегка подташнивало, знобило, думать об убитом не хотелось.

Потом это прошло. Столько довелось увидеть зла, сотворенного фашистами, что я не испытывала уже никакой жалости к тем, кого убивала. Страшно признаться, но уничтожение немцев стало просто делом, обязанностью, которую надо было выполнять хорошо. В противном случае они убьют тебя...

АЛЕКСАНДРА НАЗАРКИНА (Медведева):

...Помню, как убила своего первого фашиста. Вместе с напарницей заняли наши снайперские позиции, наблюдали за немцами, обнаружили пулеметчика. Я прицелилась и выстрелила. Попала или нет — неизвестно. Но когда вернулись в подразделение, то уже все знали, что я уничтожила врага. Об этом сообщил артиллерийский наблюдатель. Он увидел в свой перископ, как был убит вражеский пулеметчик. Все радовались, спешили ко мне с поздравлениями. А я плакала потому, что убила человека...

Мне, обычной девушке, было очень трудно осваиваться на фронте и стрелять в людей, хотя я и понимала, что стреляю по врагам. Вскоре в моем сознании произошел перелом. Видя людское горе и кровь родной земли, я поняла, что не может быть жалости к лютому захватчику. За уничтожение первых десяти гитлеровцев меня наградили медалью «За отвагу»...

Осень 1944 года. Шли тяжелые бои в Польше. На одном участке появился снайпер, мы стали нести ощутимые потери, погибли командир, разведчик, многие связисты. Поступил приказ: «Уничтожить снайпера!»

На выполнение задания отправились втроем: Нина Исаева, Лена Акулова и я. Устроились на позициях и начали бронебойно-зажигательными пулями стрелять по крышам домов. Соломенные крыши загорелись. Немцы стали выбираться из домов со своими пулеметами и минометами. А мы стреляем и стреляем. Так увлеклись, что забыли об осторожности. И немецкий снайпер засек нас. Метким выстрелом он попал Нине Исаевой прямо в глаз. К счастью, она осталась жива, но потеряла глаз и зрение у нее существенно ухудшилось.

Мы сосредоточились на наблюдении. Скоро снайперскую засаду обнаружили и немца расстреляли, а еще — несколько огневых точек с пулеметами. Задание выполнили полностью. За эту успешную операцию я была награждена орденом Славы III степени и продолжала воевать. Когда война закончилась, на моем счету уже было 43 немца. Меня наградили орденом Славы II степени...

МАРИЯ КАТАЕВА (Бондаренко):

...Помню первого убитого врага. Немолодой мужчина. Когда нажимала на спусковой крючок, никаких эмоций не ощущала. После выстрела стала плакать, скорее даже рыдала. Долго плакала, размазывая слезы по грязным щекам. Знаете, отчего я так разревелась? Первой мыслью было: где-то дети страдают, папу ждут, а я его убила. Нам с собой давали по 40 грамм спирта для смелости. Выпила его залпом, горло обожгло, но в голове прояснилось. Больше никогда не плакала после того, как убивала врага. И больше никогда не пила спиртное... Войну кончила в Германии, боевой счет — 28 фашистов. Награды: медаль «За отвагу» в январе 1945 года, орден Славы III и II степени в марте и апреле 1945 года.

АНТОНИНА КОТЛЯРОВА (Захарова):

...Вот мы ходили на «охоту» с Ольгой Важениной. Днем выбирали позицию, перед рассветом ее занимали и уже вели «охоту». Конечно, в основном выбирали позицию так, чтобы не изменить рельефа местности, чтобы немец не знал, что здесь, прямо перед нашими окопами, кто-то находится. Притом на фронте всегда получалось

так, что наши позиции на голом месте, а немец всегда в лесу, в кустах.

Тут я еще должна сказать, что учеба — это одно. В школе, там много чего дают, но когда приехали на фронт, тут все по-другому. И мы, конечно, в амбразуры сунулись, чтобы посмотреть, а как там немец? И в этот первый день у нас убило девушку-ленинградку. Она всю блокаду была в Ленинграде, и в первый день приезда, когда она сунулась в амбразуру, ей пуля рикошетом попала в глаз. Так что наша служба на войне началась с похорон.

Когда я первого фрица убила, вернулась в подразделение, то ко мне пришел журналист, хотел взять интервью. Чего уж я говорила, не знаю, но я ни в тот день, ни на следующий ни есть, ни пить не могла... Я знала, что он — фашист, что они напали на нашу страну, они убивали, жгли, вешали наших, но все-таки это — человек. Такое состояние, что... Второго когда убила, тоже было ужасное состояние. Почему? Потому, что я в оптический прицел видела его: молодой офицер. Он смотрел вроде бы на меня, и вдруг я его убила. Но это же человек! В общем, состояние ужасное. А потом уже чувства как-то притупились. Убивала — вроде бы так положено... Закончила войну сержантом, командиром отделения девушек-снайперов при 143-й стрелковой дивизии, награждена орденом Славы III степени в феврале 1945 года...

ЛИДИЯ ГУДОВАНЦЕВА:

...Июль 1943 года. Мы, четыре девчонки, выпускницы Центральной женской школы снайперской подготовки, Саша Кузьмина, Тося Федорова, Зина Ягодкина и я, едем на Северо-Западный фронт... Все четверо попали

в 23-ю гвардейскую стрелковую дивизию. И вот мы в траншеях...

Первые дни наблюдали за вражеской обороной, изучали местность, подготавливали для себя ориентиры. Очень помогли нам разведчики. Они показали, откуда лучше вылезать в нейтральную зону, где от опушки леса в свои основные траншеи ходят фрицы, как к себе домой. Посоветовали поломать им этот маршрут.

Чудесный летний день. Еще сыро и как бы туман, но это — утреннее испарение от болотистой почвы. Вдвоем с напарницей Сашей Кузьминой отправились на первую «охоту». Выползли, тщательно замаскировались, приняли изготовку и замерли. Впереди притаился враг. От усиленного напряжения слезились глаза. Тут начало припекать солнце. Мы — без единого движения. Нас облепил рой комаров и мелкой мошкары. Свет был не мил! Мучали они невыносимо, а отогнать нельзя. Только отдуваешься, чтоб в глаза не попадали. А утро — прелесть: солнышко, птички чирикают в этой утренней, совсем нефронтальной тишине. Даже не верилось, что война.

Внезапно на опушке леса показался немец и направился к своей обороне. Дистанция до опушки метров 400, а до траншей — всего 70 метров. В руке у него большой, ярко сверкающий на солнце чайник, за спиной ранец. Значит, несет завтрак своим. Я дала ему пройти метров двести до опушки и выстрелила. Гитлеровец упал.

И минуты не прошло — забегали фашисты в своих укрытиях, засуетились и начали палить из пулеметов, винтовок по нашим траншеям. Мы с Сашей залегли в стыке обороны двух наших батальонов, откуда хорошо просматривался угол вражеских траншей и даже дверь землянки.

Хотелось брать их на мушку и бить, бить! Но, увы! Выдержка, терпение у снайпера в первую очередь.

Почти до вечера мы наблюдали за участком. При заходе солнца от опушки леса короткими перебежками побежал немец и шлепнулся около убитого. Но что он делает? Пристальнее всмотревшись в оптический прицел, мы увидели, что на ноги убитого он надел петлю веревки, которая тянулась к опушке. По его сигналу ногами вперед убитого потащили в лес. Сам же немец полз с ним рядом по-пластунски. Но убитого так быстро волокли, что этот не успевал, отставал. Саша Кузьмина взяла его на мушку, и все было кончено. До темноты мы пролежали в засаде, а гитлеровцы тем временем нещадно палили по нашей обороне из минометов в отместку за двоих убитых. Но и наши не оставались в долгу.

Когда мы явились в землянку командира роты для доклада, все, кто был там, покатались со смеху. Нас это несколько смутило. Старший лейтенант Дмитриев тут же одернул солдат, подал нам маленькое зеркальце и мягко сказал: «Не тушуйтесь, посмотрите на себя, и посмеемся вместе». Мы пришли в ужас. Вместо лиц у нас — сине-багровые рожи со щелочками взамен глаз. Вот так жестоко обработали нас комары и мошкара. Невольно, взглянув друг на друга, начали смеяться. От радости за открытый боевой счет мести фрицам, и за эти чудо-лица наши, да за то счастье, что мы среди своих, живы и невредимы.

Вот так мы получили боевое крещение, так начали истреблять непрошенных пришельцев на нашу родную землю. В тот день у нас с Зиной появилось по одной засечке на прикладе винтовки.

За два с половиной месяца на Северо-Западном фронте мы, девушки-снайперы, в условиях обороны уничтожили по 10—11 фрицев. За эти первые боевые успехи командование наградило нас: Тосю Федорову и Зину Ягодкину — медалью «За боевые заслуги», Сашу Кузьмину и меня — медалью «За отвагу». Мы с гордостью носили на своих гимнастерках эти боевые награды, а кроме того, — знак «Гвардия» и значок «Снайпер». Солдаты смотрели на нас с восхищением и радостью. А иногда, увидев нас в траншеях или в землянке, в шутку командовали: «Встать! Стеклышки идут!» Нас прозвали «стеклышками» из доброй зависти к оптическим прицелам, установленных на наших винтовках-«трехлинейках»...

Мне повезло. От Старой Руссы я с боями дошла до гитлеровского логова. Там на подступах к Берлину, 12 апреля 1945 года, для меня был последний бой... Личный снайперский счет — 76 фашистов, младший сержант 68-го стрелкового полка 23-й гвардейской дивизии, награждена орденами: Красной Звезды, Отечественной войны I степени, Славы III степени, две медали «За отвагу», медали «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией».

ЛИДИЯ СИТКОВА:

...По дороге в полк мы считали, что, как приедем, сразу же боевую работу начнем. Но прошел день, другой, а дальше учебных стрельбищ нас не посылают. Мы — к командиру полка — жаловаться. А он говорит: «В снайперской школе вас, конечно, многому научили, но опыта вам, товарищи бойцы, видимо, пока не хватает. А уж если торопитесь на противника взглянуть, то пусть наши бывалые снайперы

вам его покажут...» Тут же он вызвал сержанта Лавриненко и поручил ему нас.

На следующий день мне и еще двум девушкам выдали белые маскхалаты, и мы отправились в путь. По дороге сопровождающий объяснял, где можно идти в полный рост, а где надо пригнуться, где лучше перебежками, а где по-пластунски ползти. А места кругом такие, что даже от одних названий жутко становилось: «Черный перевал», «Долина смерти»...

Мы подошли к первой линии обороны. Лавриненко показал нам, какие участки он выбрал бы для снайперской засады, расставил нас, рассказал, как лучше уберечься от огня противника.

Помню, окопалась я в своей ячейке, жду. Совсем немного времени прошло, тут вижу, как немцы в своих траншеях зашевелились. Одна фигура мелькнула, другая, третья.

«Ну, — думаю, — повезло, первый выход за задание, даже не боевой, а ознакомительный выход, а я могу проявить себя, показать в деле».

Только эти мысли у меня в голове в тот момент и были. А все, чему в школе учили, и правила расчетов, и то, что целиться надо тщательно, не торопясь, все, что, казалось, на зубок знала, вдруг куда-то улетучилось. Прицелилась я наскоро и выстрелила. И конечно, промахнулась.

Что тут началось после моего выстрела! Яростная стрельба со стороны вражеских окопов, заработали фашистские минометы. Мины, вздымая к небу комья земли, ложились совсем близко от нас...

Натерпелись мы, конечно, страха с непривычки. Помню, закрыла я уши ладонями, уткнулась головой в снег,

а про себя «Мамочка!» кричу. Я-то думала, что ко всему готова. Хорошо, из-за грохота никто меня слышать не мог. Когда пальба кончилась, по условной команде собрались мы в безопасном месте. Обнимались, как после долгой разлуки. Все были целы и невредимы. Неплохой урок нам задали тогда немцы, на всю жизнь я его запомнила...

ТАТЬЯНА ШПАК (Никулина):

...В ноябре 1944 года мы были уже на 1-м Белорусском фронте... Наш батальон располагался в городе Модлин, недалеко от Варшавы. Не терпелось выйти на первую «охоту», доказать, что мы не зря окончили снайперскую школу. Наконец, с Машей Чернышовой по ходам сообщения мы добрались до нашей ячейки, которая была в дальнем окопе... Наша ячейка была тщательно замаскирована дерном: ничто не должно выделять нас на местности, ведь мы находимся на самом переднем крае, ближе нас к противнику нет никого.

Совсем рассвело, из бойниц отличный обзор. Впереди, примерно в 400—500 метрах, — вражеская траншея. Оттуда доносятся хлопки одиночных винтовочных выстрелов, пулеметные очереди. Осматриваем нейтральную полосу. Через оптический прицел в синеватой дымке отчетливо видны самые отдаленные цели. Кажется, что до них можно дотронуться рукой. На полоске бруствера различаю прорези бойниц, но они пусты. Глаза от напряжения устали, начинают слезиться. Опустили винтовки, даем отдых глазам. И снова смотрим, смотрим...

Незаметно пролетело время до обеда. Поели, и опять — в свою ячейку. Наблюдаем, но у противника никакого движения, будто враг чувствует, что за ним следят. Неожиданно

что-то мелькнуло в одной из вражеских бойниц. Заметили обе, прицелились почти одновременно, но обе и опоздали. Однако держим на прицеле бойницы, расположенные недалеко друг от друга. Что-то там опять шевельнулось. Я стреляю первой. Маша говорит мне: «Убит!» Еще через несколько минут прибегает дежурный с наблюдательного пункта и поздравляет: «Открыла боевой счет!» К вечеру и Маше удалось убить фашиста...

Как свидетельствуют сами выпускницы, Центральная женская школа снайперской подготовки давала им прочные теоретические знания, прививала необходимые сверхметким стрелкам навыки, учила правилам суровой армейской жизни. Они приезжали на фронт вполне подготовленными бойцами. Однако затем вступали в действие другие факторы: особенности характера, умение владеть своими чувствами, стойкость, выдержка. Многие значила для снайпера и обычная военная удача. Кому-то из них везло, кому-то — не очень.

Первый выстрел по врагу для каждой явился серьезным экзаменом. Все-таки они были очень молодыми, и взросление их происходило на фронте постепенно, под пулями и снарядами, в атаках, снайперских засадах, переходах с одной позиции на другую. Экзамен они выдержали и свою лепту в победу над врагом внесли.

О подвигах снайперов из ЦЖШСП говорят награды, заслуженные ими.

В ноябре 1943 года Указом Президиума Верховного Совета СССР для лиц рядового и сержантского состава Красной Армии был учрежден орден Славы трех степеней: первой (пятиконечная звезда, расстояние между противо-

лежащими концами лучей — 46 мм, вся — из золота), второй (такая же звезда — но из серебра, круг на лицевой стороне — позолоченный) и третьей (вся звезда из серебра). Лента ордена — муаровая, оранжевого цвета с тремя черными продольными полосками — напоминала о старинном царском ордене Св. Георгия-Победоносца и его солдатском варианте — Знаке отличия Военного ордена. В статуте ордена Славы имелся пункт, прямо указывающий, для кого он предназначен: «из личного оружия меткой стрельбой уничтожил от 10 до 50 солдат и офицеров противника».

Орден Славы всех трех степеней заслужила только одна женщина-снайпер — Нина Павловна Петрова (1893—1945). Выпускницей Школы она, как известно, не была. Но 102 девушки, учившиеся в ней, эту награду (в основном орден Славы III степени. — *А.Б.*) получили. Из них 14 человек удостоились солдатского ордена дважды.

Вторую и третью степень ордена имели:

младший лейтенант В.И. Артамонова (Даниловцева)¹
за 89 уничтоженных фашистов;

младший сержант А.Н. Болтаева (Вяткина) — за 87;

старший сержант О.Ф. Бордашевская (Кисс) — за 108;

младший лейтенант Н.П. Белоброва (Миронова) —
за 79;

старший сержант А.Е. Виноградова (Михайлова) —
за 83;

старший сержант М.Г. Зубченко (Соловьева) — за 83;

сержант М.Д. Катаева (Бондаренко) — за 80;

старший сержант Л.М. Макарова — за 84;

старший сержант Р.Е. Шанина — за 76.

¹ В скобках даны их фамилии после замужества. — *Примеч. авт.*

ГЕРОИ НЕ УМИРАЮТ

Студентка третьего курса Пермского педагогического института Татьяна Барамзина не раз подавала заявления в военкомат с просьбой отправить ее на фронт. Но ей объясняли, что женщин в армию пока не берут. Может быть, потом, когда она освоит какую-нибудь медицинскую специальность.

Таня послушалась и окончила вечерние курсы медсестер, затем — курсы «Всеобуча». Однако и теперь военком отвечал ей уклончиво. Все изменилось лишь в июне 1943 года. Барамзиной в военкомате сообщили, что объявлен набор девушек в Центральную женскую школу снайперской подготовки, расположенную в Подмоскowie, и спросили, не желает ли она стать сверхметким стрелком, служить в пехоте. Про снайперов Татьяна знала совсем немного, но согласилась сразу, поскольку это был шаг к осуществлению ее мечты: защищать Родину от немецко-фашистских оккупантов с оружием в руках.

Татьяна Николаевна Барамзина родилась 19 декабря 1919 года в городе Глазове (Удмуртия) в многодетной, бедной семье. Она окончила школу-семилетку и поступила в педагогическое училище. После его окончания работала в школе села Качкашур учительницей младших классов. В 1940 году снова стала студенткой, теперь уже в Пермском пединституте. Училась хорошо. Но на одну стипендию прожить было трудно, а мать Марфа Ивановна помогать ей не могла, у нее на руках оставались младшие сестры Татьяны. Потому Барамзина устроилась на работу воспитательницей в детский сад. Работалось ей

легко, она умела ладить с детьми, они ее слушались и любили. Попрощавшись со своими воспитанниками перед отъездом в Москву, Таня обещала им писать регулярно и рассказывать все самое интересное о фронтовой жизни.

В Центральной женской школе снайперской подготовки Татьяна оказалась одной из самых старших курсанток первого набора. Ей уже исполнилось 24 года, в то время как возраст большинства девушек едва достигал 19—20 лет. Среднего роста, кареглазая, темноволосая, симпатичная Татьяна попала в третью роту. Здесь она быстро сблизилась с двумя закадычными подругами: Симой Москвичевой и Симой Олейник. Барамзина, имевшая опыт студенческой жизни, училась с удовольствием. Снайперская наука ей давалась без особого труда, и она часто помогала Симе Олейник, которая знания, нужные для меткой стрельбы, усваивала только при постоянной зубрежке и дополнительных занятиях по вечерам.

В марте 1944 года их обучение в ЦЖШСП закончилось. Три подруги сдали экзамены на «хорошо», получили воинское звание «ефрейтор» и отправились в действующую армию. Барамзина и ее напарница Надежда Кубасова вместе с группой из двадцати девушек попали в 70-ю стрелковую дивизию 33-й армии 2-го Белорусского фронта. Дивизия дислоцировалась в 60 километрах от города Орша. Когда снайперы приехали туда, их распределили по полкам. Барамзина, Кубасова и еще две снайперские пары оказались в третьем батальоне 252-го стрелкового полка, позиции которого находились в деревне Соколово. Добраться до своей части было непро-

сто: здесь в начале апреля дороги заметала свирепая метель.

Новичков в полку встретили приветливо. Два дня они отдыхали, обживали свою отдельную землянку, выделенную командованием специально для женской группы, осматривались, изучали местность, где придется вести «охоту» на немцев. В этом им помогали более опытные сверхметкие стрелки, давно служившие в 252-м полку. Затем последовал первый выход на передний край. Для Татьяны он был удачным.

«Привет с фронта! Дорогие мама, Ната и Ляля! Я нахожусь на белорусской земле, — написала Барамзина в первом письме, отправленном из армии домой, в далекий Глазов. — Встретили нас хорошо. 8 апреля в первый раз попала на передовую позицию. В этот день я убила двух фрицев. Сначала у меня дрожали руки и сильно билось сердце, но вскоре все прошло и появилось желание бить и бить врагов как можно больше... На задания уходим в 3 часа утра... Мама, обо мне не беспокойся, все идет хорошо. С приветом к тебе, Таня...»

Апрель прошел во фронтовых трудах. Счет уничтоженных врагов у Барамзиной рос. Однажды в перестрелке получила серьезное ранение Надежда Кубасова. Ее пришлось отправить в дивизионный медсанбат. Таня сумела убедить командира батальона в том, что она и сама справится. Действительно, вскоре ей удалось за один день подстрелить сразу пять гитлеровцев. Успех определила правильная засада, устроенная на склоне холма над берегом небольшой, но широко разлившейся из-за таяния снегов речки. На второй день пребывания там Таня увидела фашистов, беспечно плывущих на плоту посередине реки.

Через несколько минут они оказались под огнем ефрейтора Барамзиной. Три солдата погибли сразу, два других спрыгнули с плота и попытались спастись вплавь. Но снайперские пули настигли их. При последнем выстреле у Тани что-то произошло с глазами. Серое пятно вдруг закрыло окуляр оптического прицела. Таня тряхнула головой, пятно исчезло. Она увидела цель и плавно нажала на спусковой крючок. Пятый был унтер-офицером и уже вскарабкался на крутой откос, но дойти до леса ему не удалось.

К этому времени у Барамзиной на счету имелось 16 убитых немцев — неплохой результат за два месяца полевой службы. Однако история с серым пятном повторилась, и Татьяна поняла, что у нее нарушается острота зрения, столь необходимая меткому стрелку. Видимо, сказалось долгое пребывание в засадах, пристальное наблюдение за местностью, когда глаза испытывают небывалую нагрузку.

Не хотелось ей идти к командиру полка с таким рапортом, однако скрывать болезнь тоже было бы неправильно. Уходить из полка, расставаться с боевыми друзьями Татьяна не пожелала, потому вызвалась продолжать службу на любой другой должности. Комполка предложил ей стать связистом. Теперь ее военная специальность определялась как «телефонистка». Согласно Боевому Уставу пехоты, связной или связист должен способствовать «безотказному управлению боем подразделения и выполнению им своей задачи». Так что вместо снайперской винтовки Тане выдали полевой телефонный аппарат «ТАИ-43» в деревянном, выкрашенном в зеленый цвет ящике. Он был довольно тяжелым — 4,5 кг — и совсем не

маленьким: 280 × 210 × 110 мм. Обеспечивать устойчивую связь командного пункта третьего батальона с командным пунктом 252-го полка следовало с помощью телефонно-телеграфного однопроводного кабеля, который при боевых действиях часто обрывался из-за артиллерийских и минометных обстрелов. Заново соединять его должен был связист...

В июне 1944 года 70-я дивизия и три ее стрелковых полка — 68-й, 252-й и 329-й — готовились к проведению операции «Багратион», одной из крупнейших в годы Великой Отечественной войны. Силами 1-го Прибалтийского, 2-го Белорусского и 3-го Белорусского фронтов предполагалось нанести мощный удар по группировке немецких армий «Центр» и освободить значительную часть Белоруссии, выйти к Минску. Для этого советское командование сосредоточило на боевых рубежах свыше 1,4 млн человек, 31 тысячу орудий и минометов, 5,2 тыс. танков и самоходных артиллерийских установок. Их действия поддерживали более 5 тыс. самолетов: бомбардировщиков, штурмовиков, истребителей.

Если говорить о полевой связи, то войсковые соединения 2-го Белорусского фронта, куда входила 70-я дивизия, имели 3780 радиостанций, 16 570 полевых телефонов, 20 790 километров телефонно-телеграфного кабеля. В течение следующих шести дней, с 23 по 29 июня, пока шла операция «Багратион», связь работала бесперебойно и с полной нагрузкой. Связисты внесли свой весомый вклад в разгром вражеской группировки.

Бойцы и командиры 252-го полка 28 июня форсировали Днепр севернее города Шклова и двинулись дальше,

к реке Березина. Противник отступал, бросая технику и вооружение, сдаваясь в плен. На 29 июня на участке 2-го Белорусского фронта более 3 тысяч немецких солдат положили оружие, в том числе свыше ста офицеров и два генерала: командующий 12-й пехотной дивизией генерал-лейтенант Бамлер и комендант города Могилева генерал-майор Эрдмансдорф.

Третий батальон 252-го полка 4 июля получил новое боевое задание: высадиться в тылу гитлеровцев, на перекрестке двух дорог у деревни Пекалин Смолевичского района Минской области и помешать отступающим частям германской армии вырваться из минского «котла». Операция была опасной потому, что сил противника никто не знал. Телефонистка Барамзина могла не участвовать в ней. Но все-таки решила не отставать от своих однополчан и согласилась в этом рейде выполнять обязанности санинструктора. Вместо полевого телефона она взяла с собой сумку с красным крестом, весьма увесистую, сшитую из плотного брезента, наполненную индивидуальными санпакетами (всего — 20 штук), стерильными бинтами, кровоостанавливающими повязками и жгутами, разными медикаментами.

Оказывать первую помощь раненым на поле боя в Центральной женской школе снайперской подготовки тоже учили. Однако Татьяне пришлось в этом ожесточенном сражении батальона с фашистами, имевшими численное превосходство, не только перевязывать раненых, но и защищать их, отстреливаясь от окруживших ее медпункт гитлеровцев. Она осталась совсем одна, и силы были неравными...

«НАГРАДНОЙ ЛИСТ
посмертно

29.07.44 г.
ВК.031283

06.11.44.

1. Фамилия, имя, отчество — БАРАМЗИНА Татьяна Николаевна

2. Звание — ефрейтор.

3. Должность, часть — телефонистка 3-го стрелкового батальона 252-го СП 70-й стрелковой дивизии 33-й армии, 3-й Белорусский фронт.

4. Год рождения — 1919.

5. Национальность — русская.

6. Партийность — б/партийная.

7. Участие в гражданской войне, в последующих боевых действиях по защите СССР, в отечественной войне (где, когда) — в отечественной войне с апреля 1944 года.

8. Имеет ли ранения, контузии — не имеет ПОГИБЛА.

9. С какого времени в РККА — с июня 1943 года.

10. Каким РВК призвана — Кагановичским РВК гор. Молотова.

11. Чем ранее награжден (за какие отличия, когда) — не награждалась.

12. Постоянный домашний адрес представляемого к награде и адрес его семьи (не заполнено).

I. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

Ефрейтор тов. БАРАМЗИНА Татьяна Николаевна одна из лучших снайперов полка. Находясь в обороне, истребила 16 гитлеровцев. Ввиду плохого зрения (по заключению медицинской комиссии) ей запретили быть снайпером и она добровольно пошла в телефонисты 3-го стрелкового батальона. Во время разведки боем с 22-го по 23.06.44 г. в районе дер. М. Морозово под сильным артиллерийским огнем в течение 14 раз исправляла порванную связь КП 3-го СБ, была в боевых порядках, обеспечивала хорошую связь.

05.07.44 г. вместе с 3-им стрелковым батальоном была направлена в тыл противника для выполнения сложной боевой задачи (десантная операция).

Батальон на марше встретился с превосходящими силами противника в составе двух стрелковых дивизий и принял бой. Ефрейтор тов. БАРАМЗИНА из снайперской винтовки истребила 20 гитлеровцев, оказывала помощь раненым. В немецкий блиндаж, где она перевязывала раненых бойцов и офицеров, заскочила группа гитлеровцев и забросала блиндаж гранатами. БАРАМЗИНА, спасая раненых, отстреливалась до последней возможности. Когда вышли все патроны, гитлеровцы схватили БАРАМЗИНУ и стали пытаться. Мужественная патриотка ничего им не сказала, не выдав военной тайны. Гитлеровцы застрелили БАРАМЗИНУ из противотанкового ружья, выкололи ей глаза и надругались над ее телом.

Ходатайствую о присвоении звания «Герой Советского Союза» ефрейтору БАРАМЗИНОЙ Татьяне Николаевне — ПОСМЕРТНО.

Командир 252-го СП
18 июля 1944 года»¹.

Подполковник Кузнецов

¹ Центральный архив МО РФ. Ф. 33. Оп. 686040. Ед. хр. 23.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 года уроженке города Глазова, выпускнице Центральной женской школы снайперской подготовки Барамзиной Татьяне Николаевне присвоили звание Героя Советского Союза посмертно.

Память о героине увековечена. Ее именем названа школа № 86 в городе Пермь, улицы в городах Минск, Глазов, Ижевск, Подольск, на здании пединститута в Перми установлена мемориальная доска с ее барельефом, на месте гибели в деревне Пекалин — обелиск со скульптурным портретом.

...АЛИЯ МОЛДАГУЛОВА попала на трехмесячные Женские курсы отличных стрелков снайперской подготовки в декабре 1942 года, по направлению от военкомата города Рыбинска Ярославской области. Студентка Рыбинского авиационного техникума прибыла в Вешняки не одна, а с подругой — Надеждой Матвеевой. Только объединив усилия, девушкам удалось уговорить военкома принять от них заявления о поступлении на добровольную службу в Красную Армию. Особенно жалел военком Алию. Во-первых, очень молодая, всего 17 лет, во-вторых, маленького роста, трудно будет ей винтовку держать, в-третьих, общее физическое состояние неважное, потому как недавно приехала из Ленинграда, где пережила суровую блокадную зиму. Однако Молдагулова проявила характер совсем не детский. Твердо стояла на своем: хочет бить фашистскую нечисть, отомстить за всех погибших ленинградцев.

Алия Нурмухамбетовна Молдагулова родилась 25 октября 1925 года в ауле Булак Хобдинского района Актюбин-

ской области Казахской АССР. Она рано потеряла родителей и воспитывалась в семье своего дяди по отцу Аубакира Молдагулова, проживавшего в Алма-Ате. В 1935 году он поступил учиться в Военно-транспортную академию РККА и вместе с семьей переехал сначала в Москву, потом — в Ленинград. В 1939 году дядя отдал 14-летнюю племянницу в ленинградский детский дом № 46. Его воспитанников весной 1942 года из осажденного города вывезли в село Вятское Ярославской области. Здесь Молдагулова окончила семилетку и поступила в Рыбинский авиатехникум. Училась старательно, но желание попасть на фронт не покидало ее ни на минуту.

Обе девушки из Рыбинска успешно прошли мандатную и медицинскую комиссии на снайперских курсах, их зачислили на довольствие, обмундировали, поселили в казарме. В праздничный день 23 февраля 1943 года новички приняли воинскую присягу, после которой их распределили по ротам. Алия из-за своего роста попала в четвертую, но ничуть не переживала, поскольку там таких «малышей» было около сотни. Все они с энтузиазмом учились трудному снайперскому делу.

Кроме занятий на курсах шла обычная общественная жизнь. Девушки выпускали стенгазеты, любили участвовать в концертах художественной самодеятельности. Оказалось, что Молдагулова прекрасно читает стихи. Со сцены в клубе она с особым чувством декламировала произведение казахского поэта Джамбула «Ленинградцы, дети мои», и ей всегда бурно аплодировали.

В конце мая 1943 года все девушки, учившиеся на курсах отличных стрелков, стали курсантками недавно образованной Центральной женской школы снайперской

подготовки. В июле того же года Школа сделала первый выпуск: 125 выпускниц получив звание «младший сержант», остались в этом учебном заведении на должностях младшего комсостава, 50 — поехали на Калининской фронт, 50 — за Северо-Западный фронт.

А.Н. Молдагулова сдала выпускные экзамены хорошо. По некоторым сведениям, за отличную учебу она была награждена именной снайперской винтовкой. Ей предложили продолжать службу в инструкторской роте. Однако Алия отказалась, потребовала, чтобы ее направили в действующую армию. Освоив военную специальность, она была уверена, что принесет больше пользы, участвуя в боях.

Вместе со своими подругами по четвертой роте Надеждой Матвеевой, Зинаидой Поповой, Александрой Ужеговой и Валентиной Яковлевой ефрейтор Молдагулова поехала на Северо-Западный фронт, где в августе 1943 года девушки были зачислены в состав четвертого батальона 54-й отдельной стрелковой бригады. Ею командовал полковник Н.М. Уральский. Впоследствии он вспоминал:

«На левом фланге стояла худенькая, черноволосая, совсем маленького роста девушка. Я обратился с вопросом к сопровождающему группу офицеру: “Это кто такая?” Он не успел мне ответить, как девушка отчеканила: “Снайпер Молдагулова!” Я, при всех, громко распорядился: “Молдагулову — на кухню, чистить картошку для раненых бойцов”. А она мне: “Я, товарищ полковник, приехала на фронт не картошку чистить, а бить фашистов”. Ничего не скажешь, ответ не по-армейски дерзкий. Говорю ей: “Ну, отвечать начальству ты умеешь, а винтовку умеешь ли в порядке содержать? Давайте-ка мне ваше оружие, снайпер

Молдагулова”. Она четко сделала шаг вперед, протянула свою трехлинейку с оптическим прицелом. Я вынул затвор, осмотрел канал ствола. Он сиял чистотой. Затем снял чехол с прицела. Здесь тоже все в образцовом порядке, на окулярах — ни пылинки. Даже неловко мне стало, что так недоверчиво к девушке отнесся. “Отлично, — говорю ей, — снайпер Молдагулова. Иди, бей фашистов...”¹

54-я отдельная стрелковая бригада формировалась осенью 1941 года в Саратовской области и в северных районах Казахстана. Первый бой приняла в районе города Холм Новгородской области, затем в январе 1942 года, будучи в составе 3-й Ударной армии, участвовала в Торопецко-Холмской наступательной операции Красной Армии, направленной против группы немецких армий «Центр». Поначалу эта операция в направлении городов Холм и Великие Луки развивалась вполне успешно. К 22 января войска нашей 3-й Ударной армии окружили город Холм, но дальше продвинуться им не удалось.

Однако в упорных схватках с фашистами бойцы и командиры 54-й отдельной стрелковой бригады получили необходимый военный опыт. В ее рядах вместе с русскими служило немало выходцев из Казахстана. В этом смысле Алии повезло: она встретила людей, говоривших с ней на родном языке. Ефрейтор Молдагулова, владевшая русским безукоризненно, часто помогала им: переводила на казахский заметки из фронтовой газеты и параграфы Боевого Устава пехоты, читала стихи своего любимого поэта Джамбула, писала за них письма домой.

¹ *Евстигнеев Г.* Очерк «Гнев ваш громом прогремит». Сборник «Снайперы». М., 1976. С. 42—43.

На первых порах девушкам дали наставника: лучшего снайпера четвертого батальона уральского казака и охотника Бандурова. Он по-отечески опекал их: провел по боевым позициям, указал лучшие точки для меткой стрельбы, сопровождал в первый день выхода на «охоту».

«Вспоминается наша первая охота, — писала подруга Алии Надежда Матвеева. — Мы начали охотиться из блиндажа. Провели там весь день, но немцы не показывались. Под вечер открыла счет только Шура Ужегова. Лия (так девушки между собой называли Молдагулову) очень расстроилась, что не увидела ни одного фрица, и завидовала подруге. Но на следующий день она тоже открыла боевой счет, и надо было видеть, как она ликовала!»

В мемуарах некоторых снайперов Великой Отечественной войны есть рассказы о том, что для маскировки и устройства засады они использовали подбитые танки, как немецкие, так и советские, оставленные на нейтральной полосе. Бронетехника представляла собой надежное укрытие, особенно если прорыть под ней окоп или траншею, заминировать прилегающее к танку пространство. Металл толщиной в 40—80 мм, используемый для корпуса и орудийной башни, отлично защищал от залпов небольших минометов, которые имелись при каждом взводе немецкой пехоты.

Такой вражеский сгоревший танк с размотавшейся гусеницей как раз и находился метрах в ста от передовой линии четвертого батальона 54-й стрелковой бригады. На исходе ночи Алиа забралась в него, винтовку выставила в открытый люк механика-водителя и стала наблюдать за гитлеровцами. Их окопы находились не очень далеко. В оптический прицел она четко различала все огневые

точки, ходы сообщения, крыши блиндажей. При восходящем солнце блеснули и стекла стереотрубы, замаскированной под куст орешника. Но Молдагулова не спешила и первые два метких выстрела сделала по солдатам, вышедшим из блиндажа. Приборы наблюдения — тоже важная цель, и третий удачный выстрел был по окуляру стереотрубы. Фрицы наконец-то засекли снайпера и по своему обыкновению начали забрасывать его минами. По броне застучали осколки, одна из мин ударила прямо в бок башни. Но смелая девушка через нижний люк уже выбралась из машины и по-пластунски ползла от нее по неглубокой траншее, заранее вырытой саперной лопаткой.

Наставник сверхметких стрелков Бандуров встретил ефрейтора сурово:

— Ты зачем в третий раз стреляла?

— Товарищ сержант, оптику врага, если она обнаружена, оставлять в целости нельзя, — ответила ему Алия.

— Кто тебя этому научил?

— В нашей снайперской школе так говорили.

— Ну, смотри. В другой раз из-за какой-то стекляшки тебе башку прострелят. И кто будет виноват?

Бандуров никаких курсов не кончал, был самоучкой, но — с отличным глазомером. По его охотничьим правилам, удачный выстрел должен обязательно привести к появлению добычи, то есть тела врага. Уральский казак свято верил в свою правоту. Ведь разбитые стекла в личную книжку снайпера не запишешь, подсчитывают только уничтоженных фрицев. Ради этого можно идти на риск, все остальное несущественно.

Девушки уважали сержанта за боевой опыт, хотя между собой часто судачили о том, что Бандуров теоретических

знаний все-таки не хватает. Разнообразные обязанности снайпера при наступлении и в обороне он сводил к простому противостоянию между своей и вражеской пехотой: тот, кто убил больше, тот и молодец. Однако сверхметкий стрелок, заняв удобную и скрытую позицию, ведет наблюдение за всем полем предполагаемого боя, за передним краем противника и за его ближайшим тылом, за передвижениями войск, а также — за их боевыми средствами. Уничтоженная стереотруба, из которой немцы следили за нашими окопами, — именно такое средство.

Впрочем, рассуждения наставника насчет буйной головы, не осознающей последствий своих действий, вскоре получили подтверждение. Признав ефрейтора Молдагулову после трех выстрелов из танка умелым бойцом, командование 54-й бригады поручило ей ответственное дело: найти и нейтрализовать гитлеровского снайпера, засевшего где-то на правом фланге советских позиций. Немец прятался в лесных зарослях и стрелял только навстрелю. На второй день наблюдения Алия заметила какое-то движение среди березняка. Как будто тень там мелькнула. Она захотела разглядеть эту тень получше и выглянула из своей засады. В ту же минуту раздался выстрел. К счастью, пуля лишь скользнула по каске на голове девушки, оставив глубокую вмятину. На вспышку огня Молдагулова успела ответить выстрелом. Фашист упал в траву. Оказывается, он соорудил себе капитальное убежище между обломанных стволов деревьев.

«У Лии была горячая казахская кровь, — писала в воспоминаниях Надежда Матвеева. — И эта благородная кровь часто бывала причиной того, что у нее не хватало терпения... Однажды мы держали оборону у реки

Ловать. Мы были на одном ее берегу, немцы — на другом. Расстояние едва достигало ста пятидесяти метров. Наблюдать приходилось долго. Это всем нам надоело. Так вот, выглянет Лия через бруствер и кричит: “Немец, покажись!” — да еще и присвистывает. Мы говорили ей, что она погибнет здесь глупой смертью. Но она только смеялась в ответ. Храбрости и находчивости ей было не занимать...»

Согласно рапорту командира четвертого батальона капитана Ф.И. Моисеева, ефрейтор Молдагулова за период с октября по декабрь 1943 года уничтожила 32 гитлеровских солдата и офицера, в том числе нескольких снайперов. Она научилась выслеживать их; кроме того, стреляла очень метко. Имелись на ее счету и необычные стычки с врагом. Например, в ноябре три подруги — Алия, Надежда Матвеева и Зинаида Попова — возвращались в расположение своей части через нейтральную полосу. Их заметили немцы. Пятеро солдат решили устроить девушкам ловушку, однако плохо замаскировались. Советские снайперы их увидели. Раздалось три выстрела, все пули попали в цель. Двух фрицев, оставшихся в живых, Молдагулова, Матвеева и Попова под конвоем привели на командный пункт своего батальона.

«Сейчас мы находимся на переднем крае, — сообщала 13 декабря 1943 года Алия своей родственнице, тете по отцу Сапуре. — Письмо пишу в глубоком окопе. С немцами встречаемся лицом к лицу. У меня на голове каска, в руках винтовка, за поясом гранаты... Я думала, буду трусихой, а сейчас не замечаю за собой этого. Пули летят рядом, рвутся гранаты, снаряды. Эх, если бы вы могли меня здесь увидеть, наверное, только тогда бы смогли по-

верить, что я — такая... А сегодня утром наш командир вызвал меня из строя и торжественно объявил: “Снайпер Молдагулова за три дня уничтожила четырнадцать фашистов. За этот подвиг от имени командования объявляю ей благодарность...”»

В конце октября 1943 года Северо-Западный фронт расформировали, создав два новых: 1-й Прибалтийский и 2-й Прибалтийский. Стрелковая бригада, где служила Алия, попала в состав 2-го Прибалтийского фронта, в 22-ю армию, которой командовал генерал-лейтенант В.А. Юшкевич. Советское командование начало готовить стратегическую наступательную Ленинградско-Новгородскую операцию с целью окружить и уничтожить группу немецких армий «Север», полностью снять блокаду с Ленинграда. Гитлеровцы в течение двух с половиной лет создавали здесь глубоко эшелонированную четырехкилометровую полосу обороны с пулеметными и артиллерийскими ДОТами и ДЗОТами, минными полями, рядами колючей проволоки, рядами траншей полного профиля. В то же время сплошной линии фронта у фашистов не существовало. Они опирались на отдельные хорошо оборудованные оборонительные пункты. Только на передовой линии у них имелось 206 огневых точек.

В ходе этой операции войска 22-й армии должны были обогнуть с севера крупную узловую станцию Новоскольники Октябрьской железной дороги и выйти на рубеж поселений Насва — Маево. Наступление развивалось в труднопроходимой болотисто-лесистой местности, при отчаянном сопротивлении противника. «Войска прорывались вперед как на сплошном рубеже, — писал об этом периоде генерал М.И. Казаков. — Потому при артподго-

товке большое количество снарядов ударили по пустому месту. Затем пехота атаковала никем не занятые промежутки между оборонительными пунктами и попала под фланговый огонь немцев...»

Военные действия на подступах к станции Насва начались в ночь на 13 января 1944 года. В них участвовали бойцы и командиры 54-й стрелковой бригады, 125-го гвардейского стрелкового полка и двух стрелковых дивизий: 43-й гвардейской Латышской и 319-й. Они выбили фрицев из первой линии траншей. Затем на наступающих обрушился настоящий ливень огня из вражеских пулеметов и орудий. Наша пехота залегла.

Девушки-снайперы, как обычно при атаке, занимали места рядом с ротой автоматчиков. Алия оглянулась. Ее соплеменники-казахи, одетые в белые маскхалаты, находились совсем близко и старались плотнее прижаться к снежной целине, над которой свистели пули и осколки снарядов. Кто-то должен был показать им пример, вдохновить на продолжение боя. Для этого Молдагулова встала во весь рост и обратилась к ним на родном языке:

— Братья-солдаты! За мной! Вперед!

Ее голос, привычный к декламации стихов, прозвучал громко. К тому же канонада вдруг затихла. Не только казахи, но и русские поднялись в атаку вслед за смелой девушкой. Быстро добежали они до следующей линии немецких траншей, вломились в них и при рукопашной схватке вытеснили оттуда гитлеровцев.

Советское командование, готовя Ленинградско-Новгородскую наступательную операцию, сумело создать превосходство над противником в личном составе (у нас — 1241 тыс. чел., у немцев — 741 тыс. чел.), в орудиях и

минометах (у нас — 21 600, у немцев — 10 070), в танках и самоходных артиллерийских установках (у нас — 1475, у немцев — 385). Однако солдаты и офицеры 16-й и 18-й германской армии защищались упорно, цепляясь за каждый оборонительный пункт. Ожесточенные схватки возникали у каждой деревни, превращенной в маленькую крепость.

Так было и на участке, где наступала 54-я стрелковая бригада. Горящая железнодорожная станция Насва осталась за спиной, но впереди теперь находилась деревня Казачиха Новосокольнического района Псковской области (ныне не существует. — *А.Б.*). Этот бой 14 января 1944 года стал последним для славной дочери казахского народа. К тому времени ее личный снайперский счет составлял 78 уничтоженных фашистов.

Начальник политотдела 54-й стрелковой бригады подполковник Ефимов прислал в Центральную женскую школу снайперской подготовки письмо с рассказом о ее гибели и о том, что по решению командования 22-й армии А.Н. Молдагулова представлена к званию Героя Советского Союза посмертно. Таковое звание было ей присвоено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 июля 1944 года.

«В тот последний бой, — сообщал Ефимов, — в траншеях завязалась рукопашная схватка. Чувствуя, что перевес на нашей стороне, один немецкий офицер решил спастись бегством. Алия стала преследовать его, совершенно не думая о том, что фашист гораздо сильнее. Но храбрости ей было не занимать. Путаясь в полах шинели, увязая в снегу, она все-таки настигла фрица. А вот первой выстрелить не успела...»

Молдагулова похоронена в братской могиле на окраине села Монаково, расположенном поблизости от деревни Казачиха, вместе со своими однополчанами, погибшими в том бою.

Ее именем названы улицы в городах Москве, Алма-Ате, Актюбинске, Астане. Один из аулов Хобдинского района Актюбинской области также переименован в ее честь. Мемориальные доски установлены на здании средней школы № 140 в городе Санкт-Петербурге, где она училась, на здании школы № 891 в Москве, на здании авиационного колледжа в Рыбинске. Памятный знак есть на территории международного детского лагеря «Артек» в Крыму, где она однажды отдыхала. В городе Актюбинске существует мемориальный музей и памятник (фигура на гранитном постаменте) А.Н. Молдагуловой. Мемориальный комплекс с памятником построен и в городе НовоСокольники (на месте гибели). На киностудии «Казахфильм» снят документальный фильм «Алия» (реж. М. Сагатов) и художественный — «Снайперы» (реж. Б. Шамшиев, 1986 г.). В Казахском государственном академическом театре оперы и балета осуществлена постановка балета «Алия». Певица Роза Рымбаева за исполнение песни «Алия» удостоена Гран-при на фестивале «Золотой Орфей» в 1977 году. Почтовая марка с портретом доблестного снайпера выпущена в Казахстане в 1995 году.

...В ходе второго набора в Центральную женскую школу снайперской подготовки, который длился три месяца — с июня до сентября 1943 года, — в Подольск приехали десятки девушки из разных областей Советского Союза. Среди них была и девятнадцатилетняя

РОЗА ШАНИНА, получившая направление в ЦЖШСП от Первомайского райвоенкомата города Архангельска. После прохождения медицинской и мандатной комиссии Розу зачислили в первую роту. Она была вполне этого достойна. Рослая, стройная, красивая блондинка с голубыми глазами, настоящая дочь Русского Севера, не затерялась среди «королев», как в Школе называли курсанток данного подразделения. Кроме незаурядной внешности Шанина обладала характером твердым, решительным, хотя и немного своенравным.

Армейскую выучку она восприняла как нечто необходимое для достижения цели: стать сверхметким стрелком и уничтожать проклятых оккупантов. Роза хотела отомстить им за смерть своего любимого старшего брата Федора, который пошел на войну добровольцем и погиб в конце 1941 года в боях под Москвой. Поэтому Шанина занималась с большим упорством и старанием, а также проявила немалые способности к снайперскому делу. После сдачи выпускных экзаменов ей присвоили воинское звание «ефрейтор».

В конце марта 1944 года она в составе группы из двухсот девушек отправилась на Западный фронт, в 5-ю армию, которой командовал генерал-лейтенант Н.И. Крылов. В штабе армии снайперов распределили в разные воинские части. Роза вместе с десятью другими выпускницами попала в 1138-й стрелковый полк и приступила к службе. Первый же выход на огневую позицию юго-восточнее города Витебска 6 апреля 1944 года принес ей удачу. Не испытывая никакого волнения или страха, она метким выстрелом уложила гитлеровца, поднявшегося над бруствером окопа...

Роза Егоровна Шанина родилась 3 апреля 1924 года в деревне Едьма Вельского уезда Вологодской губернии (ныне — Устьянский район Архангельской области), в многодетной крестьянской семье. Ее отец Егор Михайлович работал на лесозаготовках. Мать Анна Алексеевна была дояркой в местном колхозе. Необычное для российской глубинки имя они дали своей младшей дочери, пятому ребенку в семье, в честь знаменитой немецкой революционерки Розы Люксембург.

В деревне Шанина окончила школу-семилетку, затем уехала в Архангельск, к одному из братьев, живущему там, и поступила в педагогическое училище. Чтобы не быть в тягость семье, во время учебы ей пришлось подрабатывать в детском саду № 2 Первомайского райотдела народного образования. Закончив педучилище в 1942 году, Роза получила в этом заведении должность воспитательницы. Но покоя ей не было. Она часто навещалась в райвоенкомат с просьбой об отправке на фронт. Военком сначала послал настойчивую девушку на курсы «Всеобуча», которые она с успехом окончила, потом, при получении разрядки из Наркомата обороны, — в Центральную женскую школу снайперской подготовки...

Командир 1138-го полка майор Дегтярев получил рапорт от командира взвода о действиях недавно прибывшего в его воинскую часть снайперского отделения в первой половине апреля и был удивлен результативностью, показаной совсем необстрелянными бойцами. А ведь поначалу он сомневался в том, что юные девушки способны выдержать напряжение упорных и кровопролитных боев, которые шли на Витебщине. Еще в феврале Красная Армия пыталась овладеть городом и, самое главное, —

перерезать железнодорожную ветку Витебск — Орша, помогавшую немцам снабжать оружием, снаряжением и продовольствием войска своего 6-го армейского корпуса. Перебросив значительные резервы, противник остановил наступление русских в 4—6 километрах от этой железной дороги. В наших стрелковых дивизиях осталось по 4,5—6 тыс. человек, в ротах — по 60—70 человек. Местность с высокими холмами, пересеченная оврагами, мелкими ручьями, озерами и незамерзающими болотами, сильно затрудняла боевые действия.

«Докладываю, — писал младший лейтенант Кольский, командир взвода, — что снайперы первого женского отделения за шесть дней вывели из строя 32 фашиста. Все снайперы открыли собственные счета мести немецким оккупантам. Уничтожили гитлеровцев:

Екимова Александра — 4

Климова Мария — 2

Котелкина Таисия — 2

Кузнецова Анна — 2

Петрова Калерия — 3

Никонова Валентина — 4

Новикова Ева — 2

Томарова Мария — 3

Рожнова Мария — 2

Шанина Роза — 6...»

На первый взгляд все девушки показались майору похожими друг на друга. В Центральной женской школе их учили одинаково, по окончании ее одинаково обмундировали и одинаково вооружили — винтовками Мосина с оптическим прицелом «ПУ». Однако он понимал: на войне у каждой из них будет своя судьба. Уже из списка

явствовало, что ефрейтор Шанина — пока лучше их всех. Как ей это удастся, никто не знает. Только вот подвиги солдата командиры всегда должны отмечать, и майор Дегтярев сделал это.

«НАГРАДНОЙ ЛИСТ

1. Фамилия, имя, отчество — Шанина Роза Георгиевна (так в документе).

2. Звание — ефрейтор.

3. Должность, часть — снайпер-стажер, 1138-й СП, 38-я С (далее неразборчиво).

Представляется к награде орденом “Слава” третьей степени.

4. Год рождения — 1924.

5. Национальность — русская.

6. Партийность — член ВЛКСМ с 1938 года.

7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и в Великой Отечественной войне — с 03.04.1944.

8. Имеет ли ранения, контузии — не имеет.

9. С какого времени в Красной Армии — с августа 1943 года.

10. Каким РВК призван — Первомайским РВК г. Архангельска.

11. Чем ранее награжден — наград не имеет.

12. Постоянный домашний адрес награждаемого (не заполнено).

Краткое, конкретное изложение личного подвига или заслуг

За мужество и стойкость, проявленные при выполнении боевой задачи. Тов. ШАНИНА, несмотря на артиллерийский и пулеметный огонь противника, настойчиво выслеживала врага и при его появлении уничтожала из своей снайперской винтовки. Таким образом, с 06.04.1944 г. по 11.04.1944 г., будучи в районе обороны 2-го стрелкового батальона 1138-го СП она уничтожила 13 солдат противника.

Достойна правительственной награды ордена “Слава” третьей степени.

Командир 1138-го СП
17 апреля 1944 года¹.

гв. майор Дегтярев

Представление комполка было поддержано вышестоящим начальством, и, видимо, в конце мая 1944 года Роза получила эту награду.

Затем в полк приехали корреспонденты: от газеты «Красная звезда» — майор Я. Милецкий, от многотиражной газеты 5-й армии «Уничтожим врага!» — ее редактор Павел Молчанов. Они побеседовали с Шаниной и сделали фотографии. На снимках получилась красивая, статная девушка с единственной наградой на полевой гимнастёрке — серебряной звездой ордена на колодке с георгиевской ленточкой. Она опиралась на снайперскую винтовку, поставленную прикладом на землю.

В газете «Красная звезда» публикация появилась в № 133 от 6 июня 1944 года. Она называлась «Девушки-снайперы», но рассказывалось в ней в основном о Ша-

¹ Центральный архив МО РФ. Ф. 33. Оп. 686044. Ед. хр. 3399.

ниной: «Роза была студенткой института. Белокурая, немного застенчивая и временами восторженная, она давно рвалась на фронт... Розе Шаниной повезло. Она пошла в боевое охранение и к концу первого дня убила немца. И даже тут она в полной мере не почувствовала войны. Все было слишком просто. Но вот через несколько дней немецкий снайпер убил ее закадычную подругу Машу. Склонившись над телом дорогой подруги, вглядываясь в это побелевшее, неподвижное девичье лицо, Роза поняла, что такое война. Когда хоронили Машу, Роза сказала: “Пойдем, девушки, мстить за ее молодую жизнь...”»

Газета «Уничтожим врага!» опубликовала портрет героини 9 июня на первой полосе. Подпись к нему Молчанов сделал короче и точнее: «Бойцам и командирам Н-ской части хорошо известно имя девушки-снайпера Розы Шаниной. Бывшая воспитательница детского сада, студентка Архангельского педучилища, сейчас она стала грозным и беспощадным истребителем гитлеровских оккупантов. Одной из первых среди девушек-снайперов Роза Шанина удостоена высшей солдатской награды — ордена Славы».

Эта публикация вызвала немало повторений. В частности, в популярном тогда журнале «Огонек» в одном из сентябрьских номеров за 1944 год поместили портрет фотогеничной северянки и короткий рассказ о ней. К тому времени Роза получила еще один орден Славы, но уже — второй степени, у нее на счету было более сорока убитых врагов. Вероятно, после этого Шанину стали считать вообще первой женщиной-снайпером, награжденной орденом Славы.

Может быть, она действительно была первой награжденной в 5-й армии. Но ведь и в других воинских соединениях имелись свои доблестные сверхметкие стрелки. Например, ефрейтор 64-го гвардейского стрелкового полка 21-й гвардейской дивизии 3-й армии В.И. Артамонова была представлена к этой награде 26 января 1944 года за 30 уничтоженных фашистов, ефрейтор 69-го гвардейского стрелкового полка той же дивизии И.И. Голиевская — 31 января 1944 года за 32 уничтоженных фашиста, ефрейтор того же 69-го полка А.Н. Болтаева — 26 января 1944 года за 40 уничтоженных фашистов, старшина 284-го стрелкового полка 86-й дивизии 42-й армии Ленинградского фронта Н.П. Петрова получила орден Славы III степени (№ 43904) 2 марта 1944 года за 23 уничтоженных противника...

Знакомство редактора многотиражной газеты «Уничтожим врага!» и снайпера 1138-го полка продолжалось. Часто встречаться они не могли, но регулярно переписывались. К счастью, Молчанов сохранил письма Розы и впоследствии опубликовал их, так же как и дневник этой смелой девушки. Очень смелой, потому что вести дневники солдатам и офицерам Красной Армии категорически запрещалось. Но Роза Шанина его вела. Она возила эти толстые тетради в вещмешке, путешествуя из одной воинской части в другую, с передовой позиции — в тыл или в госпиталь. Видимо, они помогали ей преодолевать чувство одиночества, печаль и тоску по дому, которые она иногда испытывала.

Шанина продолжала свою охоту за фрицами до конца июня 1944 года, пока не началась грандиозная наступательная операция в Белоруссии под кодовым названием

«Багратион». Тут в прорыв пошла пехота, поддержанная танками, самоходными артиллерийскими установками, боевыми самолетами. Снайперы, игравшие заметную роль в позиционной войне, теперь оказались во втором эшелоне. Командование дивизии решило отправить девушек на отдых. Однако Роза хотела воевать, а не прохладиться в тылу. Она подала рапорт о переводе в разведроту, получила отказ и решила ехать прямо в штаб 5-й армии, к командующему. Но сначала обратилась за поддержкой к редактору армейской газеты Молчанову, посылая ему письма:

«29 июля 1944 года.

Передайте, пожалуйста, мой рапорт по назначению и посодействуйте мне. Если бы Вы знали, как мне страстно хочется быть вместе с бойцами на самом переднем крае и уничтожать гитлеровцев. И вот, представьте, вместо передовой я — в тылу. А недавно мы потеряли еще четырех черными (то есть убитыми. — *А.Б.*) и одна красная очень (то есть ранена. — *А.Б.*). Хочу мстить за них. Прошу Вас, поговорите с кем следует, хотя знаю, Вы очень заняты...

8 августа 1944 года.

...Я недавно ушла в самоволку. Случайно отстала от роты на переправе. И не стала искать ее. Добрые люди сказали, что из тыла отлучаться на передний край не есть преступление. А я знала, что наша учебная рота не пойдет в наступление, а поплетется сзади. Мне же нужно быть на передовой, увидеть своими глазами, какая она, настоящая война. И потом, как было искать свою роту? Кругом, по лесам и болотам шатались немцы. Одной ходить опасно. Я и пошла за батальоном, который направлялся на передовую. И в тот же день побывала в бою. Рядом со мной

гибли люди. Я стреляла, и удачно. А после троих взяла в плен... Здоровых таких фашистов. Я счастлива! Хотя за самоволку меня отчитали, даже получила комсомольское взыскание — поставили на вид...»¹

Павлу Молчанову Роза нравилась. Он отмечал, что фотографии, опубликованные в разных изданиях, не передают всей ее природной красоты. Журналист помог снайперу попасть на прием к генерал-лейтенанту Н.И. Крылову, командующему 5-й армией. Генерал выслушал взволнованную речь младшего сержанта Шаниной. Она просила не только за себя, а за все женское снайперское отделение, командиром которого уже являлась. Девушкам обидно было оказаться не у дел в тот момент, когда их боевые товарищи сражались с врагом. Крылов разрешил им участвовать в наступлении. Роза, добравшись до своих подруг, написала Павлу:

«31 августа 1944 года.

Слава богу, наконец мы снова в бою. Все ходим на передовую. Счет увеличивается. У меня самый большой — 42 убитых гитлеровца, у Екимовой — 28, у Николаевой — 24».

Записи во фронтовом дневнике снайпера, датируемые второй половиной октября 1944 года, сделаны в ходе Гумбинненско-Гольдапской наступательной операции Красной Армии и свидетельствуют об ожесточенных боях. Немцы превратили Восточную Пруссию в огромный укрепленный район и приготовились защищать его до последней капли крови. Здесь базировалась 4-я германская армия, в состав которой входили 7 пехотных ди-

¹ Письма и дневники Р.Е. Шаниной цитируются по сборнику «Снайперы». М., 1976. С. 94—102.

визий, 2 охранные дивизии, 6 народно-гренадерских дивизий, 2 кавалерийских бригады.

Нашим солдатам пришлось пробиваться через сплошные полосы противопехотных и противотанковых оборонительных сооружений и через минные поля. К началу боевых действий, то есть 16 октября, 3-й Белорусский фронт имел в своих рядах примерно 404 500 солдат и офицеров. За четырнадцать дней наступления его потери составили 72 527 человек убитыми и ранеными, 127 танков и САУ, 130 орудий. Тем не менее в полной мере осуществить замысел командования не удалось. Наши войска остановились на занятых ими позициях 30 октября и затем перешли к обороне. Роза стала участницей этих сражений и в дневнике сообщала о них коротко, но емко:

«17 октября.

Опять готова к побегу на передовую, какая-то сила влечет меня туда. Чем объяснить? Некоторые думают, что стремлюсь к знакомому парню. Но я же там никого не знаю. Я хочу воевать!.. Ухожу. Какое наслаждение быть на передовой! Наш взвод в резерве, никто за нами не следит.

18 октября.

Атаки. Наконец-то пересекли германскую границу. Наступаем на немецкой территории. Пленные. Убитые. Раненые. Атаковали ДОТ. Взяли еще 27 пленных: 14 офицеров. Крепко они сопротивлялись. Теперь иду “домой”, в свой взвод.

Сегодня была у генерала Казаряна, потом у начальника политотдела. Просилась на передовую. Плакала, что не пустили...

20 октября.

Вчера снова была в “бегах”, ходила в атаку. Наступали. Но нас остановили. Дождь, грязь, холодно. Длинные ночи.

24 октября.

Писать не было условий, воевала. Шла вместе со всеми. Раненые. Убитые. Вернулась с передовой по приказу комполка. Снова бездействие.

О боже, сколько сплетен о моем отсутствии. Даже подруги встретили с иронией: у кого была? Если бы знали правду, позавидовали бы. Но я молчу. Если и они вздумают последовать моему примеру, то есть тайком уходить на передовую, моей вольной жизни придет конец...

25 октября.

Все же как хорошо, когда есть близкая подруга (Александра Екимова, землячка из Архангельска. — А.Б.). Саша, мне с тобой и в грусти порой бывает весело. Я делюсь с тобой всем, что есть на душе... Вспоминаю маму! Дорогая, как мне хочется тебя увидеть!..

28 октября.

За местечко под Пилькалленом воевала уже законно. На этот раз отпустили. Город мы взяли. При отражении одной из самых яростных атак противника я стреляла, кажется, особенно удачно. Много стреляла и с близкого расстояния. Мы лежали на опушке леса за насыпью. Когда фашисты полезли, были видны только их каски. Двести метров — стреляю. Сто метров. Фашисты поднялись в полный рост. И только когда нас отделяло метров двадцать, мы отошли. Рядом погиб капитан Асеев, Герой Советского Союза... Вечером, усталая, пошла на командный пункт полка и в первый раз за этот день поела. Уснула крепко. Вдруг стрельба,

к нашему КП подкрались немцы. Противника первыми заметили артиллеристы и отогнали...»

Генерал-майор А.А. Казарян, о встрече с которым в своем дневнике упоминает Роза, в то время командовал 215-й стрелковой дивизией 72-го стрелкового корпуса 5-й армии 3-го Белорусского фронта. В составе дивизии находилось три стрелковых полка: 618-й, 707-й и 711-й, а кроме того — 284-я разведывательная рота. Сержант Шанина числилась в 707-м полку, но попасть хотела к разведчикам. Суровый кавказский человек Андраник Абрамович Казарян пожалел красивую девушку. Он-то знал, как упорно в Восточной Пруссии сопротивляются фрицы, с каким трудом продвигаются здесь вперед наши войска. Разведчики рисковали больше других, часто выходя через нейтральную полосу в тыл врага. А Роза любила сильные ощущения, они волновали ее молодую кровь.

«Сейчас в запасном полку, — написала она Молчанову 26 ноября 1944 года. — Опять отдыхаем. Скоро совсем забудем, какая она, эта передовая. Поймите, жажда моей жизни — бой. И что же? Не могу добиться своего. Посылают туда, где даже редко стреляют. А теперь выдумали отдых...»

В декабре старший сержант Шанина снова участвовала в боях, и 12-го числа была ранена. В медсанбате ей сделали операцию, удалили пулю. Пока Роза лечилась, командир полка представил ее к очередной награде:

«НАГРАДНОЙ ЛИСТ

1. Фамилия, имя, отчество — ШАНИНА Роза Георгиевна.

2. Звание — старший сержант.

3. Должность, часть — помощник командира взвода снайперов, 215-я стрелковая Смоленская Краснознаменная дивизия.

Представляется к медали “За отвагу”.

4. Год рождения — 1924.

5. Национальность — русская.

6. Партийность — кандидат в чл. ВКП(б) с 1944 г.

7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР, в Отечественной войне — участник Отечественной войны с 5 апреля 1944 года.

8. Имеет ли ранения, контузии — ранена легко пулей в плечо 12.12.44.

9. С какого времени в Красной Армии — с 22.06.43.

10. Каким РВК призван — Первомайским РВК г. Архангельска.

11. Чем ранее награжден (за какие отличия) — орден “Слава” III степени, пр. 026 от 18.06.44 г. 5-й армии; орден “Слава” II степени, пр. 031/н от 22 сент. 1944 г. 3-го Белорусского фронта.

12. Постоянный домашний адрес награждаемого (не заполнено).

13. Место рождения (не заполнено).

Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

Старший сержант ШАНИНА во время прорыва глубоко эшелонированной обороны противника на границе с Восточной Пруссией и в период вторжения на территорию Восточной Пруссии принимала активное участие в наступательных боях в передовых порядках

ное. Ждем нашего наступления... Вперед, только вперед...

14 января.

За спиной Белоруссия и Литва. А здесь Пруссия. На левом фланге наши продвинулись далеко. Но стрельба еще слышна. Все утро грохочет канонада. Все ушли вперед, а для нашего взвода не хватило подводы. Не ужинали и не завтракали.

15 января.

Прибыли с тылами дивизии в Эйдкунен. Утром я надела белый маскхалат, перецеловалась со всеми и пошла. Через час буду на передовой.

16 января.

Попала к самоходчикам (самоходные артиллерийские установки. — А.Б.). Когда ездили в атаку, была в машине. От самоходчиков пошла в полк. Доложила, что мне разрешено быть на передовой. Поверили, но с трудом. И приняли меня только потому, что знают: я — снайпер. Невыносимый ветер. Пурга. Земля сырая. Грязь. Маскхалат уже демаскирует меня — слишком бел. От дыма болит голова. Мне советуют — лучше вернись во взвод. А мое сердце твердит: “Вперед! Вперед!” Я покорна ему. Будь что будет!.. Сколько жертв было вчера, но все равно я шла вперед...

17 января.

Ходила в наступление вместе с пехотой. Продвинулись вперед на несколько километров. По нам били немецкие “скрипачи” (шестиствольные минометы, похожие на наши “катюши”. — А.Б.). Рядом людей разрывало на части. Приходилось, и стрелять, и перевязывать раненых. Брала штурмом немецкий дом. Во время штурма убила

двух фашистов: одного возле дома, второго, когда он высунулся из самоходки. Жаль, что мало пользы принесла, как снайпер...

24 января.

Давно не писала, было некогда. Двое суток шли ужасные бои. Гитлеровцы заполонили траншеи и защищаются осатанело. Из-за сильного огня приходится ездить в самоходках, но стрелять удается редко. Невозможно высунуться из люка. Лишь несколько раз я выползала на броню машины и стреляла по убегающим из траншеи вражеским солдатам.

К вечеру 22 января мы все-таки выбили фашистов из имения. Наша самоходка успешно перешла противотанковый ров. В азарте мы продвинулись далеко вперед, а так как не сообщили о своем местонахождении, то по нам по ошибке ударила наша же “катюша”. Теперь я понимаю, почему немцы так боятся “катюш”. Вот это огонек!..»

Р.Е. Шанина внесла нечто новое в развитие снайперского дела. В первые годы Великой Отечественной войны было распространено мнение, будто лучше всего сверхметкие стрелки действуют только при обороне, в позиционной войне. Но Роза доказала, что снайперы могут участвовать и в стремительном общевойсковом наступлении. Конечно, это требует от них высокого профессионального мастерства и отменной храбрости. Стрелять и попадать в цель с брони самоходно-артиллерийской установки или из этой двигающейся боевой машины очень даже возможно.

Дело в том, что в 5-й армии при проведении Восточно-Прусской наступательной операции в январе 1945 года таких гусеничных машин числилось немало: в 953-м и 954-м

самоходно-артиллерийских полках — 42, в 958-м САП — 19, все одного образца («СУ-76»), в 1021-м САП — 17 «СУ-85», в тяжелых самоходно-артиллерийских полках 373-м и 395-м — соответственно 27 и 24 мощных «ИСУ-152». Всего — 231 единица бронетехники.

«СУ-76», которых в 5-й армии имелось больше всего (почти 60), являлась легкой самоходно-артиллерийской установкой, предназначенной для сопровождения пехоты, подавления огневых точек противника, борьбы с его легкими танками. Это было очень удачное массовое изделие советской оборонной промышленности, выпущенное в количестве более 14 тысяч штук. Ее вес достигал 11,2 тонны, стальная катаная броня на разных местах корпуса и башни имела толщину от 35 до 15 мм. К пушке калибра 76,2 мм «ЗИС-3» полагался боезапас в 60 снарядов. Но характерной особенностью «СУ-76» было полуоткрытое заднее боевое отделение, отчего солдаты называли ее «коломбиной» и «голож..й». Действительно, экипаж, находивший за пушкой (три человека), сверху не имел никакого укрытия и сильно страдал от осколков при артобстрелах.

Один квадратный, довольно большой люк располагался в передней части бронекорпуса, в отделении механика-водителя. Но там было очень тесно, поскольку механик-водитель сидел между двумя параллельно расположенными бензиновыми двигателями, имея за спиной аккумуляторы. Едва ли снайпер с винтовкой Мосина мог бы поместиться рядом с ним.

Однако Шанина пишет о том, что «невозможно высунуться из люка». Значит, она находилась внутри машины. Тогда речь, скорее всего, идет либо о «СУ-85», либо

о «ИСУ-152», более мощных самоходках, где экипаж защищали башни с люками. «СУ-85» с массой в 29,6 тонн и броней, достигающей толщины на разных участках корпуса от 75 до 20 мм (на днище), с длинной пушкой «85-мм Д5-С», предназначалась для борьбы со средними танками противника на дистанции более километра, уничтожения железобетонных укреплений и домов в городах. Но их в 5-й армии в январе 1945 года насчитывалось всего 17.

Зато «ИСУ-152» в двух полках состояло более пятидесяти. Самоходка, имевшая боевую массу в 46 тонн, рядом с другими САУ казалась огромным чудовищем: длина с пушкой — более 9 метров, ширина — 3 метра, высота — 2,8 метра. Дизельный двигатель мощностью в 520 л.с. позволял развивать скорость на шоссе до 35 км/час, преодолевать ров глубиной до 2,5 метра, брод глубиной в 1,3 метра, подъем в 36 градусов. Гаубица-пушка «МЛ-20С» стреляла бронебойно-трассирующими снарядами весом 48,8 кг и осколочно-фугасными весом в 43,5 кг. Такая огневая мощь делала самоходно-артиллерийскую установку не только истребителем тяжелых бронемашин противника «Тигр» и «Пантера» (недаром наши солдаты называли ее «Зверобой»), но и отличным штурмовым орудием при взятии городов (например, Инстербург, Кёнигсберг, Вена, Берлин, Будапешт).

В «ИСУ-152» было несколько разных люков. В броневой башне — три двухстворчатых: два круглые поворотные на крыше и один прямоугольный в кормовой части. Каким-то из них, вероятно, и пользовалась Роза, ведя прицельный огонь по вражеской пехоте.

Как она указывает, самоходка успешно преодолела противотанковый ров, что при длине корпуса в 6,7 метра

было вполне по силам «ИСУ-152». Затем машина выдержала удар «катюши» (конечно, не прямое попадание). Броня на башне толщиной в 90—75 мм спасла экипаж от смерти.

«Какая техника у нас!.. — с восторгом отмечала в своем дневнике Шанина. — И вся армия движется. Хорошо!»

Бои, о которых рассказывает Роза, развернулись в Восточной Пруссии (совр. Калининградская обл.). Войска 3-го Белорусского фронта 19 января 1945 года прорвали сильно укрепленную оборону врага на Кенигсбергском направлении в полосе шириной примерно в 60 километров, от реки Неман до города Шталлупенена (совр. г. Нестеров), и перерезали дорогу Тильзит—Гумбиннен (совр. города Советск и Гусев). Затем 20 января они форсировали по льду реку Неман и овладели городом Тильзит. Началось окружение города Инстербург (совр. Черняховск), где находилась крупная группировка противника. Штурм Инстербурга с участием бронетехники произошел 22 января. Немцев выбили из города. Они начали отходить к Кенигсбергу.

Русские их преследовали, один за другим занимая прусские поселения, по большей части основанные в XIV—XV веках, с булыжными мостовыми, каменными домами, башнями, кирхами, с развалинами рыцарских замков. Но некогда было победителям рассматривать красоты северогерманской готики. Фрицы отчаянно сопротивлялись. Однако Инстербургско-Кёнигсбергская наступательная операция 3-го Белорусского фронта все-таки завершилась 27 января 1945 года. Наши войска за неделю продвинулись на 130 километров.

Старший сержант Роза Егоровна Шанина получила тяжелое ранение 28 января 1945 года, на 1317-й день войны.

Случилось это в трех километрах юго-восточнее деревни Ильмсдорф (совр. Новобобруйск) округа Рихау в Восточной Пруссии. К этому времени у нее на боевом счету было 75 уничтоженных фашистов.

Точных сведений о деталях ее последнего боя не имеется. Но за десять дней до него снайпер писала редактору многотиражки «Уничтожим врага!» П. Молчанову:

«...Только что пришла в свою землянку и сразу села за письмо к Вам. Устала, все-таки три атаки в день. Немцы сопротивляются ужасно. Особенно возле старинного имения. Кажется, от бомб и снарядов все поднято на воздух, у них еще хватает огня, чтобы не подпускать нас близко. Ну, ничего, к утру все равно одолеем их. Стреляю по фашистам, которые высовываются из-за домов, люков танков и самоходок.

Может быть, меня скоро убьют. Пошлите, пожалуйста, моей маме письмо. Вы спросите, почему это я собралась умирать. В батальоне, где я сейчас, из 78 человек осталось только 6. А я тоже не святая...»

Узнав, что Роза находится в медсанбате № 205, приписанном к 144-й стрелковой дивизии, Молчанов немедленно выехал туда. Но увидеть смелую девушку живой ему не довелось. Шанина скончалась от смертельной раны. Старшего сержанта похоронили на берегу реки Лава. Журналисту отдали лишь ее дневники, которые он сумел сохранить и частично опубликовать. Впоследствии останки героини перенесли в отдельную могилу на воинском захоронении в поселке Знаменск Гвардейского района Калининградской области, расположенного при впадении реки Лава в реку Преголю.

Память о Розе Шаниной увековечена.

Ее именем названы улицы в городе Архангельске, в поселках Строевское и Шангалы. Дом семьи Шаниных в деревне Едьма превращен в мемориальный музей, на сельской школе, где она училась с 1931 по 1935 год, установлена мемориальная доска с барельефом героини. В Архангельске много лет подряд (до 1995 года) проходили стрелковые соревнования, организуемые Добровольным обществом содействия армии, авиации и флоту (ДОСААФ), на приз Розы Шаниной. В 1980-е годы издательство ДОСААФ выпустило в свет две документальные книги, посвященные ей: Журавлев Н. «После боя вернусь...»; Медведев В. «Чтобы ветер в лицо».

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

ЗАКОНЫ СНАЙПЕРСКОЙ ВОЙНЫ	3
---------------------------------------	----------

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ

ЛЮДМИЛА ПАВЛИЧЕНКО ИЗ СНАЙПЕРСКОЙ ШКОЛЫ ОСОАВИАХИМА.....	27
СТЕПНАЯ ВОЙНА	33
НА СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ ЗЕМЛЕ	67
МЛАДШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ ЗА ГРАНИЦЕЙ	129
ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ	142

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ

НАТАЛЬЯ КОВШОВА И МАРИЯ ПОЛИВАНОВА, ДОБРОВОЛЬЦЫ ИЗ МОСКОВСКОГО НАРОДНОГО ОПОЛЧЕНИЯ.....	161
АРМЕЙСКАЯ ШКОЛА.....	167
ПЕРВАЯ ПУЛЯ	185
БОЙ У ДЕРЕВНИ СУТОКИ	210

ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ

ВЫПУСКНИЦЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЖЕНСКОЙ ШКОЛЫ СНАЙПЕРСКОЙ ПОДГОТОВКИ.....	227
ТРУДНО В УЧЕНИИ, ЛЕГКО В БОЮ	236
БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ	259
ГЕРОИ НЕ УМИРАЮТ	275

Научное издание
Военные тайны XX века
Бегунова Алла Игоревна

АНГЕЛЫ СМЕРТИ
Женщины-снайперы. 1941—1945

Выпускающий редактор *М.К. Залеская*
Корректор *Е.Ю. Таскон*
Верстка *И.В. Левченко*
Художественное оформление *М.Г. Хабибуллов*

ООО «Издательство «Вече»

Адрес фактического местонахождения:
127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.
Тел.: (499) 940-48-70 (факс: доп. 2213), (499) 940-48-71.

Почтовый адрес:
129337, г. Москва, а/я 63.

Юридический адрес:
129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

E-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>

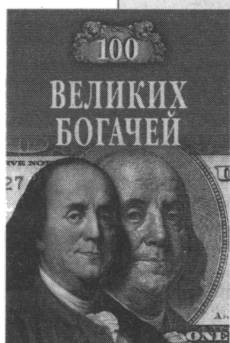
Подписано в печать 26.09.2014. Формат 84×108 ¹/₃₂.
Гарнитура «Times New Roman». Печать офсетная. Бумага газетная.
Печ. л. 10. Тираж 3000 экз. Заказ № 2442.

Отпечатано в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.
e-mail: printing@r-d-p.ru www.r-d-p.ru

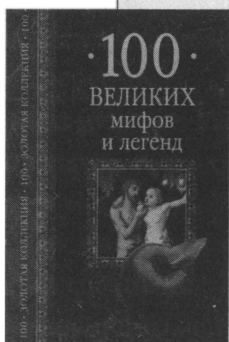
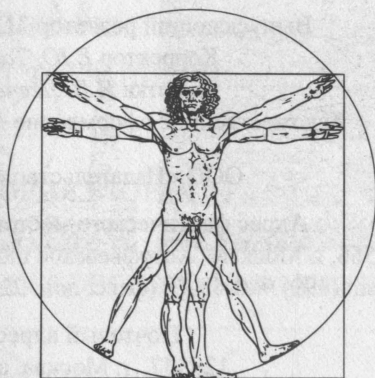

ПИШЕШЬ РЕФЕРАТ?
СДАЕШЬ ЭКЗАМЕНЫ?

«100 великих» помогут на все 100!

- 100 томов в серии
- Энциклопедическая полнота
- Отечественные и зарубежные авторы

Лучшие книги серии изданы в подарочном
исполнении в серии

Золотая коллекция
«100 великих»

- Цветные иллюстрации на мелованной
бумаге
- Оригинальное оформление

НОВАЯ ЖИЗНЬ
ЗНАМЕНИТОЙ СЕРИИ

СЕРИЯ КНИГ

- Только приключенческие романы
- Только военная тематика
- О войнах больших и малых, великих и неизвестных
- Классика советского приключенческого романа
- Современные авторы
- Более 50 книг в серии

*Не только читайте,
но и смотрите!*

**РУССКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ
КАНАЛ «365 ДНЕЙ ТВ»**

Каждый день — это дата.

Каждый день — это имя.

уникальные хроники

архивные документы

редкие факты

Каждый день — это событие

365 дней в году. Сквозь века...

ВСЕ О РОССИЙСКОЙ И МИРОВОЙ ИСТОРИИ

24 часа в сутки, 7 дней в неделю

www.365days.ru

СМОТРИТЕ В ПАКЕТАХ КАБЕЛЬНЫХ И СПУТНИКОВЫХ ОПЕРАТОРОВ!

12+

АНГЕЛЫ СМЕРТИ

В Великой Отечественной войне участвовало около 800 тысяч женщин. В основном это были медики, связистки, регулировщицы, работницы армейских тыловых служб. Однако женщины успешно освоили и некоторые сугубо военные специальности. К числу таковых относится профессия снайпера. Не менее двух тысяч молодых патриоток, добровольно вступив в ряды Красной Армии, окончили снайперские школы в разные периоды борьбы нашего народа с немецко-фашистскими захватчиками. Они стали сверхметкими стрелками, безжалостно уничтожавшими вражеских солдат и офицеров на всех фронтах Великой Отечественной, удостоились наград и почестей. Эта книга, основанная на документах и архивных материалах, ряд из которых публикуется впервые, рассказывает об их подвигах и судьбах, являющихся ярким примером беззаветного служения Отечеству.

Книга издается в авторской редакции.

реклама

12+

www.365days.ru

*Не только читайте,
но и смотрите!*

**РУССКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ
КАНАЛ «365 ДНЕЙ ТВ»**

*ВСЕ О РОССИЙСКОЙ
И МИРОВОЙ ИСТОРИИ*

ISBN 978-5-4444-1838-3

9 785444 418383

Смотрите в пакетах кабельных и спутниковых операторов!